

ЖКетСветлая

Змееносец

Легенда

в летящем змее

Очень многое может связать век 12 и век 21, если в ход событий вмешиваются магические силы.

Сможет ли любовь преодолеть испытание не только временем, но и пространством?

Кто выйдет победителем в схватке между чувствами и долгом?

К чему приводит жажда безграничной власти?

Герои рассказа любят, ищут, делают выбор, лукавят и боятся обмануться. И каждый из них, в конце концов, получит по заслугам.

Змееносец. Легенда о летящем змее

Conte de fée

Слышал ли ты когда-нибудь про Якула? Нет? Жаль, ведь это одна из самых лучших сказок, что рассказывают в наших краях.

Что ж, слушай, коли не приходилось прежде.

Жил на земле когда-то юноша с волшебным голосом. Пел он самые чудесные песни на свете. Любил он самую прекрасную девушку, какая есть на земле. И что самое удивительное — она тоже любила его. Так и жили бы они счастливо, коли б не пришла в их мир темная сила, чтобы сокрушить целое королевство. Злой маг знал, что даже от жизни одного человека зависит судьба многих-многих людей. И потому выбрал он юношу с волшебным голосом. И обратил его в змея о двух крылах, отнял у него воспоминания. Но дал имя. Странное имя Якул.

Сперва Якул не знал, кем он стал. Он бродил в беспамятстве, ничего о себе не ведая, покуда не увидел однажды на голубом льду своего отражения. Из гладкого, как зеркало, льда, глядели на него страшные змеиные глаза. Испугался Якул, рассердился, не верил себе. Возненавидел себя за то, кем был. И скрылся в лесах и горах вдали от родных мест. Там и подстерегал он свои жертвы. Кто проезжал по дороге мимо его гнезда, на того бросался он, подобно летящей стреле, пронзал острыми когтями, жалил раздвоенным языком и утаскивал к себе, чтобы расправиться с несчастной жертвой. Темные времена настали в королевстве. Многие рыцари вызывали Якула на бой, но ни один из них не сумел победить летящего змея.

Лишь иногда прошлое напоминало о себе, когда из змеиного гнезда доносилось прекрасное пение, равного которому не было в целом мире — голоса злой колдун отнять у него не сумел, как ни пытался. Это единственное, что осталось Якулу от него, прежнего, хоть прежнего себя он и не знал.

Но однажды в ловушку Якула угодила прекрасная птица с золотым оперением... И убить ее, как убивал всех прочих, он не сумел... Потому что полюбил ее всем своим змеиным сердцем...

28 декабря 2015 года, Париж

— Держи! — заявила Вивьен Лиз и сунула в руки Полю небольшую коробочку.

Все утро она носилась по городу в поисках подходящего подарка. Просто накануне вечером ей стукнуло в голову, что у них первая крупная дата — они уже целый месяц вместе! А значит, это дело нужно как-то отметить.

Заехала в ресторан, раздобыла там бутылку вина с медом, как подавали уже целый месяц. И на обратном пути не выдержала. Забежала в магазинчик и купила рамку для фото. Потому что до сих пор у нее не было ни одной фотографии Поля. А они уже целый месяц... ну и далее по тексту... И то, что в ее квартире вообще никогда в жизни не было никаких фотографий, оправданием подобной оплошности не служило.

— Держу, — отозвался Поль, вынимая из коробки резную деревянную рамку, в которой радостно улыбалась какая-то парочка на фоне Эйфелевой башни.

Повертел ее в руках и удивленно посмотрел на Лиз.

— Это твои друзья? А девушка так ничего... симпатичная.

Лиз округлила глаза и, встав на цыпочки, отвесила ему легкий подзатыльник.

— Я понятия не имею, кто это, но симпатичная здесь только я. А сюда мы вставим твою фотку.

— А это не больно? — Поль почесал затылок.

— Посмотри на эти счастливые лица, — Лиз указала на дурацкую картинку в рамке, — похоже, чтобы им было больно?

Он послушно разглядывал картинку некоторое время, а потом выдал:

— И нафига тебе бестолковая картинка, если я всегда под рукой.

— А я ее поставлю в своем кабинете на работе... Буду на тебя любоваться, когда тебя рядом нет.

— Лучше возьми на работу меня. Вместо рамочки. Лииз! — протянул он. — Мне надоело дома сидеть. Может, я могу тебе чем-то помочь в ресторане, а?

— Дома сидеть? — засмеялась Лиз. — Мы дома сколько сидели? Сначала в Фенелле в сундуке, потом замок твой искали, потом опять в Фенелле... Ты когда соскучиться успел, любовь моя?

— Долго ли соскучиться... Нет, если ты совсем не хочешь... — и Поль тупо уставился на рамочку.

Лиз снова привстала на цыпочки, но на сей раз потерлась носом об его щеку. Разве что не мякнула.

— Я больше всего на свете хочу, чтобы ты социализировался. Если ты считаешь, что уже можно попробовать, я только за.

— Я не понял, что ты от меня хочешь. Но то, что ты за, — меня охренительно радует, — он крепко обнял ее и глухо заурчал. — Где будем пробовать?

— В ресторане, — выдохнула Лиз ему на ухо. — Начнем с кухни, закончим в погребе.

— Неа, давай здесь. Начнем с ванной, а закончим в гостиной, — Поль пощекотал ее спину, забравшись рукой под блузку.

— Я про работу, а ты о чем? — хихикнула Лиз.

— Я? Я о том... — Поль сделал страшные глаза и стащил с нее несчастную блузку, пока

она была занят его ремнем.

И в этот момент раздался звонок в дверь.

— Чееерт, — прорычала Лиз.

— Надеюсь, это не месье Бабенберг, — буркнул Поль и потащился открывать дверь.

— Не! Он все еще ждет результаты теста, дорогой. К груди он тебя прижмет не раньше.

— Gloria in excelsis Deo, — побурчал Поль, открыл дверь и издал звук, похожий на всхлип. — Лиииз!

Обалдевшим взглядом он разглядывал герцогиню... вернее, теперь уже маркизу. И еще одну молодую даму, Полю неизвестную. Мадам Катрин и незнакомка держали на руках по ребенку, а еще один, крепко вцепившийся в ногу Ее Светлости, почему-то был очень похож на трубадура-младшего, только старше эдак... на год?

— Лиииз! — снова крикнул он вглубь квартиры.

— Ну кто там еще? Я ужин на восемь заказывала, — проворчала Лиз и показала в коридоре. А потом, после секундного замешательства, проговорила: — Принцесса Легран!

— Королева Мари, — хмуро буркнула «принцесса».

А на руках ее, уткнувшись ей в шею, зарыдал ребенок.

22 декабря 1187 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонский замок

Напевая под нос веселую песенку, исполненную вчера за ужином придворным трубадуром, Мишель де Наве отправил в печь для обжига витражное полотно. Потом останется лишь поместить готовый витраж в раму, которая уже была изготовлена лучшим в королевстве резчиком по дереву. Его Величество улыбнулся, представляя себе пока еще не законченную работу.

На полотне из фигурных пластинок самых ярких цветов Мишель собрал портрет своей дорогой Мари и их сына. Чтобы точнее передать неповторимые краски лица супруги, он долго подбирал сочетания оттенков, чередуя разноцветные пластины в несколько слоев, пока не получил желаемый результат. Корону королевы и ожерелье Змеи Его Величество инкрустировал мелкими кусочками, которые походили на настоящие драгоценный камни, окружив фигуры жены и сына изящной пальметтой.

Неожиданно дверь тихонько скрипнула, и за его спиной раздался негромкий женский голос:

— Вы позволите войти, Ваше Величество?

— Почему ты спрашиваешь? — удивленно рассмеялся Мишель.

— Ты работаешь, — улыбнулась Мари и прошла в мастерскую. — Не хочу тебе мешать.

Сама королева всегда сердилась, когда ей мешали рисовать.

— Ты не можешь мне помешать, — Его Величество легко поцеловал жену в щеку. — Хочешь посмотреть?

— Конечно, хочу! Уже готово?

Ничего не ответив, Мишель достал витраж из печи и аккуратно положил его на свой рабочий стол.

Некоторое время Мари молча смотрела на цветные стекла. Напряженно, разглядывая каждый кусочек стекла в отдельности, а потом все вместе. И снова в отдельности. Протянула было руку, чтобы коснуться витража, но тут же отдернула ее, будто боялась, что волшебство развеется. В эту минуту она вспоминала тот удивительный день в Бретиныи-Сюр-Орж, когда они рука об руку вошли в церковь Saint-Pierre... Там тоже были витражи. И жизнь отчего-то представлялась ей вот такими кусочками цветного стекла, которые однажды соберутся в

прекрасную картину. Потому что ей достался самый лучший на свете мастер.

— Я люблю тебя, — вдруг выдохнула Мари и повернула голову, поймав его светлый взгляд.

— Я люблю тебя сильнее. Ну как? Нравится?

— Еще бы мне не нравилось! Уж лучше дурацких роз в тронном зале!

— Вовсе они не дурацкие, — усмехнулся Мишель и, взяв королеву за руку, повел ее из мастерской. — Завтра я оправлю витраж в раму, и Вашему Величеству останется лишь решить, где мы его разместим.

— И думать нечего. В нашей комнате. Мишель, ты хоть немного понимаешь, насколько талантливый, а? — бубнила свое Мари.

— Знаю, знаю, — отозвался король Трезмонский. — Немногим меньше, чем ты.

— Балбес, — засмеялась королева. — Ты еще и королевством править можешь. Потому однозначно — талантливее!

Его Величество в ответ поцеловал Ее Величество. Спорить с Мари было бессмысленно. И он частенько со спокойной душой оставлял последнее слово за ней.

Октябрь 1187 года по трезмонскому летоисчислению, Конфьян

«Ваша Светлость,

Со всем прискорбием спешу поведать вам о гибели Его Светлости маркиза де Конфьяна. Дорогой нас настигли разбойники. Мы и до Фореблэ не доехали, когда они напали на нас в лесу. Нам пришлось принять бой, однако мерзавцев было больше. На господина маркиза набросились двое головорезов, и покуда он расправлялся с ними, с дерева в него выстрелили из лука и пронзили самую грудь. Тотчас он упал замертво, и кровь обагрила землю под ним. Мне же удалось бежать. Хоть и с большими усилиями.

Потому осмотреть новые земли так и не довелось. И когда доведется — одному Господу нашему то ведомо, поскольку я ранен и вынужден оставаться пока в деревушке у леса. Искренно надеюсь, что благородство Вашей Светлости не допустит, чтобы это досадное недоразумение сказалось на моем жаловании, поскольку служу Вам верой и правдой. И тысячу раз умер бы за Его Светлость, если бы на то была Божья воля.

Примите искренние уверения в моей преданности.

Жак Кошон».

Маркиза де Конфьян медленно свернула бумагу снова в свиток, аккуратно перевязав его лентой. Убрала письмо в серебряную шкатулку с яркими лаковыми миниатюрами.

Эту шкатулку Серж купил у какого-то заезжего торговца из Азии, неизвестно каким путем забредшего в Трезмон. В ней она хранила самые дорогие ее сердцу вещи: единственную канцону, оставшуюся от трубадура Скриба, не сгоревшую в очаге, черную прядь волос Сержа-младшего и рыжую Клода, брошь с изображением розы, которую супруг подарил ей в знак своей любви.

И села в любимое кресло мужа.

Она проводила теперь в этом кресле дни за днями. Не говорила ни слова. И смотрела прямо перед собой. Подчас совсем неожиданно по ее щекам начинали катиться слезы и так же неожиданно переставали. Она почти не ела и почти не спала. Когда служанки осмеливались переодеть ее, она безропотно позволяла им это делать, кажется, даже не замечая, что происходит.

Лишь только когда юный маркиз прижимался к ее коленям, она рассеянно проводила рукой по его голове, и губы ее чуть вздрагивали.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Конфьян

Мадам Лепэн, жена кузнеца, а в прошлом веселая служанка харчевни «Ржавая подкова» Аделина, кралась по замку Конфьян в опочивальню мадам Катрин, покуда ее муж-кузнец Жан заговаривал зубы стражам. Они прибыли в маркизат только этим утром. Управляющий Жуайеза, месье Гаспар, сказал, что в Конфьяне умер прежний кузнец (того прирезал из ревности мельник, как поговаривали в деревнях), и нужно было сменить его хотя бы временно, покуда не найдут нового мастера. Аделина с радостью ухватилась за эту идею и немедленно уговорила Жана отправляться в дорогу. Потому как маркизе, за здоровье которой она молилась каждое воскресенье, необходима была немедленная ее, Аделины, помощь.

Жан поворчал для виду, но сундуки принялся складывать.

Теперь же, очутившись в стенах укрепленного замка, Аделина оставила мужа возиться со стражами, а сама, заявив, что заодно привезла кухарке любимого юным маркизом козьего сыра из Жуайеза, отправилась «на кухню».

Заглядывая во все подряд комнаты, она надеялась только на одно свое везение. А Аделина искренно считала себя очень везучей девушкой. Никому на глаза не попалась — уже повезло.

Впрочем, ей, действительно, повезло. Маркиза нашлась довольно быстро в комнате в самом конце длинного коридора. Сперва Аделина услышала плач младенца в смежных с ней покоях, и тут же догадалась — стало быть, и маркиза рядом. Толкнула тяжелую дубовую дверь без стука и оказалась в опочивальне мадам Катрин.

Маркиза перевела хмурый взгляд на дверь. Немногим ранее она выгнала всех служанок, запретив им переступать порог своей комнаты. Но разглядев, кто посмел нарушить ее уединение, холодно бросила:

— Ты зачем здесь?

Аделина широко улыбнулась и бросилась в ноги маркизе.

— Ваша Светлость! — воскликнула она. — Ваша Светлость! Как же я рада видеть вас живую! Месье Гаспар уверял, что вы к весне преставитесь от горя!

— Я живая, — поморщилась Катрин. — Теперь ступай вон.

— Мадам, я не могу вон! Потому что, если я — вон, то и вы пропадете!

— Мне все равно. А тебе должно быть и подавно.

Аделина открыла от изумления рот и эдак с открытым ртом вскочила на ноги. Потом мотнула головой и упрямо заявила:

— Когда-то вы не дали мне пропасть в харчевне «Ржавая подкова», облагодетельствовали меня так, что я и не смела мечтать, а теперь полагаете Аделину настолько неблагодарной! Конечно, слуги ведь не люди, в слугах благородства нет, так, пыль под ногами!

— Ты и есть неблагодарная, — отвернувшись к окну, Катрин пыталась понять, утро сейчас или скоро вечер. Впрочем, ей это было решительно безразлично. — Я просила тебя лишь об одном: забыть мое имя. Ты же имела наглость прийти сюда.

— Конечно, имела! — возмущенно воскликнула Аделина. — Потому что предупредить вас должна — через неделю здесь будет Его Светлость граф Салет! Он да еще полсотни родственников вашего супруга, желающих заполучить все ваше богатство!

Граф Салет был ближайшим после Сержа де Конфьяна родственником покойного герцога. Вот уже несколько лет он писал гневные письма королю, требуя передать ему Жуайез по праву наследования. Однако, пока был жив Серж, в том ему отказывали. Теперь еще оставались дети маркиза, которые наследовали все имущество отца. Но граф все не желал успокаиваться и искал себе соратников среди прочих обиженных родственников маркиза.

Катрин прикрыла глаза. Как это ужасно, что ее не хотят оставить в покое... Теперь еще и Салет. Но чем она сможет ему помешать теперь, когда осталась одна?

— Ступай. С легкой душой, — маркиза устало посмотрела на Аделину. — Ты выполнила долг, который надумала себе.

— Ваша Светлость! — в отчаянии закричала жена кузнеца. — Ведь вас же либо уморят, либо в монастырь упекут! А как же деточки ваши!

— Не кричи, — спокойно сказала Катрин. При упоминании монастыря она даже улыбнулась. Ей неожиданно показалось это закономерным. Монастырь, значит, монастырь. И только Серж и Клод... — Надо отправить сыновей к де Наве, — проговорила она себе под нос, не обращая внимания на девчонку, упрямо продолжавшую торчать в комнате.

— Правильно! Его Величество добр и справедлив! Он не даст вас в обиду! — подхватила Аделина.

— Что ты сказала? — отвлекаясь от своих мыслей, переспросила маркиза.

Жена кузнеца склонилась к маркизе и доверительно прошептала, будто опасалась, что стены имеют уши:

— Я говорю бежать вам надо. Король защитит вас и ваших деточек.

— Да. Детей надо отправить к королю.

Катрин резко поднялась и направилась к выходу.

— Мадам, куда же вы! — взвизгнула Аделина и преградила маркизе дорогу. Иногда ее бесстрашие граничило с безрассудством, и этот грех она сама за собой знала. — Эдак кто ж делает? Послушайте преданную вам телом и душой Аделину! Бежать надо. Тайно. Покуда хватятся, вас и след простынет. А там еще поди разберись, куда вы подались — все время!

Маркиза отшатнулась.

— С чего ты взяла, что я собираюсь куда-то бежать? Я всего лишь отправлю детей.

— Ну и дурында вы, Ваша Светлость, — под нос проворчала Аделина. — Сдается мне Его Светлость, добрейший был человек, обругал бы вас за такое, на чем свет стоит! Как же дети без матери, коли отца больше нет!

— Ты забываешься, — бесцветно ответила Катрин. — Не тебе рассуждать, что стал бы делать Его Светлость. Но он бы вряд ли одобрил мой отъезд к королю, — тоскливо добавила она.

— Правду люди говорят. Рехнулась от горя! Да он вас так любил, что, ей-богу, прибил бы, услышь, что вы такого мнения о нем!

Маркиза смотрела сквозь девушку, стоящую прямо перед ней. Уж лучше бы ругал, чем покинул ее навсегда. Или тогда и вправду прибил бы сначала.

— Оставь меня, мне надо собрать сыновей.

Аделина рассердилась. Когда Аделина сердилась, то всяк знающий ее сказал бы, что лучше держаться подальше.

— Не оставлю! — сверкнула глазами бывшая девчонка из харчевни. — Вы знаете, что кроме меня и моего месье Лепэна, вам помочь некому. Сначала вам помогут, а потом вас же

и продадут со всеми потрохами.

— Прикажу выпороть, — Катрин перевела взгляд на Аделину. — Я не нуждаюсь в твоей помощи, как и ни в чьей другой. В том единственном, что важно для меня, мне никто не поможет. Желаете быть полезной — не мешай мне.

— Ага... Уморят вас ваши родственники, явитесь вы на глаза своему супругу, и что вы ему скажете? Что деток на ноги поставить предоставили королю?

— Королеве, — устало проворчала маркиза.

— Один черт! А кто будет бороться за то, чтобы имущество ваших детишек, которое должно принадлежать им по праву от отца, им и досталось? Понадеетесь на милость короля? А коли самое большее, что им светит — стать герольдами? Или вырастит Его Величество из них рыцарей да и отправит в крестовый поход? Кто его знает, что там у королей в головах? Скубутся между собой, скубутся...

— Де Наве — благороден. Он никогда не посмеет сделать то, чем ты пугаешь меня. А сыновья маркиза де Конфьяна отправятся в поход, только если сами того пожелают. Как и их отец однажды.

Катрин приложила свою холодную ладонь ко лбу, в надежде хотя бы немного унять боль, которая разыгралась у нее от этой гадкой девицы.

— Единственный способ избавиться от тебя, поехать вместе с детьми, — вздохнула она.

— Верно говорите, Ваша Светлость, — радостно закивала Аделина. — Не совсем, поди Господь ума лишил. Вот, что нам надобно сделать. Ничем не выказывайте того, что бежать решились. Мы с Жаном нынче же идем посмотреть кузницу. А вы вечером, когда пора будет почивать, попросите принести вам ваших детей, чтобы пожелать им доброй ночи. Я оставлю вам свой плащ. Наденете его и в нем выйдете во двор. Мы с моим месье Лепэном станем ждать вас возле кузницы. Все, что нужно в дороге, у нас есть. Только вы уж не передумайте, Ваша Светлость.

«Ну, держайте, держайте, прекрасные дамы. Поглядим, чем закончатся ваши старания. Но и предпримем кое-что, потому как без дела сидеть — занятие неблагодарное. А я и впрямь по делу истосковался. Шутка ли! Не иметь времени вовсе! Где там ваш кузнец-болван? Не прибавить ли ему немного болтливости? Или он болтлив по природе?»

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонский замок

Мари озадаченно смотрела на своего мужа, а потом по ее лицу стала расплзаться улыбка. Минуту назад она сделала удивительное открытие. И теперь не знала, как бы так поосторожнее перевернуть мир короля.

Они сидели за огромным дубовым обеденным столом, но ужинали сегодня вдвоем. В кои-то веки! Потому она взобралась к нему на колени и ела из его тарелки что-то удивительно ароматное и очень горячее.

— Мишель, — тихо сказала королева, отправив в рот ложку, и немедленно обожгла язык. — Дело в том, что церковные предрассудки — это... только предрассудки... суеверия... Ты веришь в ведьм?

— Верю, — не задумываясь, ответил король. — И в драконов я верю, если это тебя тоже интересует.

— А ты видел за свою жизнь хоть одного дракона или хоть одну ведьму? — нахмурившись, спросила Мари.

— То, что я их не видел, еще не означает, что их нет. Но не станешь же ты меня уверять, что все это лишь выдумки, зная наших родственников.

— В таком случае, и ты не должен отрицать того, что не все так, как мы видим, — кивнула королева. Ладно, пусть будут драконы. Так даже проще. — Дело в том, Ваше Величество, что Земля... не плоская.

Мишель с неподдельным интересом посмотрел на свою венценосную супругу. Ужин был несколько позабыт. И Его Величество полюбопытствовал:

— И какая же она, позволь узнать?

Ошарашивать его голову словом «эллипсоид» Мари так и не рискнула, потому только пропищала:

— Круглая.

Король смотрел на жену долгим внимательным взглядом, пытаясь понять, шутит она или говорит правду. Сделав вывод, что королева серьезна, он сказал:

— Хорошо. Земля не плоская. Она круглая. Это как-то изменит нашу жизнь?

— Нет, — кивнула Мари. — Не изменит. Просто смиришься с этим фактом. И ешь.

«О драконах, — подумала она, — поговорим в следующий раз».

— Я очень рад, что форма земли не повлияет на нашу жизнь. Сейчас, когда в Трезмоне все мирно и спокойно, мне бы совсем не хотелось хоть что-то менять, — Мишель крепче обнял жену. — И как бы не...

Договорить он не успел. В зал вошел герольд и смущенным тоном сообщил, что какая-то странная женщина с детьми требует, чтобы ее немедленно проводили к королю.

— Ты примешь их в тронном зале? — уточнила королева. — Я, наверное, лучше пойду к принцу...

Она все еще побаивалась лишней раз попадаться на глаза подданным Трезмона, привыкнув только к обитателям замка.

— Мы примем их в тронном зале!

Его Величество велел герольду провести посетительницу в зал, и когда вошел туда вместе с королевой, к своему величайшему изумлению увидел маркизу де Конфьян с детьми.

В бедном плаще и простом покрывале, она сидела у стены и смотрела перед собой.

— Маркиза! Вы не сообщили герольду, что это вы. Вам пришлось ждать.

Катрин перевела свой потухший взгляд на супругов де Наве и, поднявшись к ним навстречу, сказала:

— Простите меня за этот внезапный визит. Но я вынуждена просить защиты. Мне стало известно, что граф Салет нашел себе немало приспешников и теперь, воспользовавшись тем, что я осталась одна, собирается завладеть и Жуайезом, и Конфьяном. Я прошу вас, приютите у себя сыновей маркиза. И помогите им оставить за собой то, что принадлежит им по праву.

Ее Светлость склонила голову в ожидании ответа.

— Вы всегда можете рассчитывать на нас, — твердо сказал Его Величество и посмотрел на Мари.

Мари же растерянно, во все глаза, наблюдала за детьми Конфьянов, так похожими на своих отца и мать. Новость о гибели скандально известного маркиза-трубадура несколько месяцев назад потрясла королевство. Путь его лежал через владения короля. И подданные прочесали лес, надеясь найти тело. Но узнали только, что крестьяне из ближайшей деревни похоронили его на своем кладбище. Король видел могилу собственными глазами. Управляющий Конфьянов, выздоравливающий в той деревушке, показал Его Величеству могильный холм, где нашла свой покой и приют мятежная душа Сержа Скриба. Понимая, что место его в могиле в родном Конфьяне, король пообещал несчастной вдове, только в сентябре родившей юного маркиза Клода, что по весне тело перезахоронят.

Теперь же несчастная обездоленная женщина пришла просить о помощи.

— В нашей детской довольно места, — тихо произнесла королева. — Если же маркиза пожелает, выделим им еще одну комнату. А мне... Мне нужна... как это у вас там называется? Компаньонка? Придворная дама?

И Мари нужен был друг. Глупая самоустраненность измучила ее.

Катрин подняла глаза на королеву.

— Благодарю вас, Ваше Величество. Вы очень великодушны. Но от меня вам будет мало проку. Я не стану обременять вас еще и собой. Мне будет довольно знать, что дети устроены. С вашего позволения, я воспользуюсь вашим гостеприимством на эту ночь. А завтра поутру вернусь домой.

Мари, растерявшись еще сильнее, прижала руки к груди и сказала:

— Но там ведь опасно, мадам! Его Величество найдет способ сохранить за вами имущество, но ради вашего же блага вам теперь лучше остаться у нас.

Мишель, зная упрямство своей жены и достаточно наслышанный об упрямстве маркизы, понял, что пора вмешаться.

— Маркиза! — не терпящим возражений тоном сказал король. — Вы останетесь у нас на некоторое время. Пока ваши сыновья привыкнут к новому месту. После, когда станет известно больше о графе Салете, я решу, что делать дальше. Сейчас ступайте отдыхать.

— Слыхали? — почти радостно отозвалась Мари, думая о том, насколько иногда хорошо, если твой муж — король. — Вы остаетесь! Завтра я покажу вам свою мастерскую. Вам понравится.

«Мастерскую она ей покажет! Да! Конечно! Именно это и исцелит безутешную маркизу! И заодно спасет все королевство! Верно, король? Сколько у вас тут времени прошло? У вас-то время есть! Не то, что у некоторых... А ума ни у кого не прибавилось. Где там этот чертов кузнец? Ах, вот же он, наш доблестный болтун!»

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, королевство Трезмон, харчевня «Ржавая подкова»

— Вы, добрые мессеры, лучше горы обходите стороной, — страшным шепотом говорил хозяин харчевни «Ржавая подкова», — особо там, где леса начинаются. В прошлую осень прирезали там маркиза де Конфьяна. Не посмотрели на титул и дружбу с королем. Банда разбойников орудует, на всех страху напустили! Уже крестьяне торговать не выезжают совсем, хорошо хоть припасы кое-какие остались. А если и по весне разбойников не разгонят, так будущую зиму будут впроголодь жить.

— Так этим-то стоит озаботиться королю! — заявил фрейхерр Кайзерлинг, отпивая из кружки доброе трезмонское вино. — Когда я служил у Фридриха Гогенштауфена из Вестфалии, у нас, коли и убивали благородных, так только на поле боя, но не в лесах да не в горах. Даже как-то непочетно — быть прирезанным разбойниками.

— Видал я однажды этого де Конфьяна вблизи, — протянул брат Ницетас. — Уверен, то Господь покарал его за то, что якшается с недостойными грешниками. Станет ли честный человек с женщиной жить, чьи волосы по-мужски острижены? Да еще и с такой рыжей! Все оно от лукавого!

— Да уж, святой брат, — отозвалась молодая женщина, чье лицо было скрыто капюшоном плаща, за другим столом. — С рыжей да еще и стриженной — хуже, чем с гулящей в придорожной харчевне!

Мужчина, сидевший возле нее и шумно хлебавший похлебку, на время замолчал. А потом продолжил свое прежнее занятие.

— Правду говоришь, дитя! — тут же закивал брат Ницетас. — Недаром гулящих стригут. А рыжие, клянусь своим скапулярием, все ведьмы!

— Точно! Вот и меня моя околдовала, — с довольной улыбкой сказал любитель похлебки.

Женщина возле него только хмыкнула и встала из-за стола.

— Я спать. День нынче трудный был. Да и ты уж не засиживайся, Жан, — бросила она, убираясь прочь.

Жан только закивал, но едва женщина покинула харчевню, тут же пересел за стол к фрейхерру Кайзерлингу и брату Ницетасу.

— А я и маркизу вблизи видал, — сказал он, обращаясь к собеседникам. — Она после смерти Его Светлости совсем сдала. Ей-богу, до весны не доживет. Худая совсем, лицо чуть ли не черное. Если и ведьма, так сама себя прокляла. Клянусь, мессеры. В жизни такого горя не видал, хотя горестей встречал немало на своем веку.

— Где ж ты видал-то ее? — удивился брат Ницетас. — Говорят, сидит в своем замке, никуда не выходит, никого к ней не пускают. Еще и родня по мужу покойному на наследство позарилась. Только и разговоров теперь, что замка она не защитит, коли к ней добрые родственники пожалуют.

— Ежели б такое приключилось в Вестфалии, — многозначительно вставил фрейхерр, — детей бы отдали на воспитание кому постарше да поумнее из семьи, а ее бы в монастырь отправили. Пусть там себе вдовствует.

— Изверги, не люди, — грустно вздохнул Жан. — Ну да король наш — добрый человек.

Он ее в обиду не даст. Управляющий Жуайеза, местье Гаспар, сказал, что ему теперь граф Салет письма пишет, чтобы он приказов маркизы не исполнял больше. Что недолго ей править герцогством осталось.

— Граф Салет! — воскликнул фрейхерр. — Как же! Слыхал! Знатный воин, лев на поле брани! Брат Ницетас, в прошлую зиму он вызвал на поединок восьмерых рыцарей. И нет больше ни единого из восьмерых!

— Пропал Конфьян, пропал Жуайез, — сокрушенно вздохнул Жан. — Впрочем, мы с моей Аделиной все же надеемся на короля. Маркиза-то сбежала с детишками к де Наве.

— Как к де Наве?! — загрохотал звучный голос откуда-то сзади. Вся троица и хозяин харчевни обернулись. За одним из столов сидел мужчина в богатом черном плаще, отделанном мехом и расшитом драгоценными камнями и золотом. Он был не стар и, видимо, довольно крепок. О его, по всей видимости, богатой событиями жизни говорила задубевшая грубая кожа смуглого лица и многочисленные шрамы. Взгляд же темных глаз был острым и очень сердитым.

— Да так! — тут же кивнул Жан. — Просить защиты для детей и отстаивать их права.

— Лура! — рявкнул незнакомец. И ударил кулаком по столу. — Опять улизнула!

Жан побледнел. Он дураком не был, быстро смекнув, что сболтнул лишнего. Нет, все-таки был. Поскольку сболтнул.

— Что ж, мессир, — пробормотал Жан, — пойду-ка я спать. Правду говорит моя Аделина — день и впрямь был тяжелый.

С этими словами он быстро покинул харчевню.

А незнакомец встал из-за стола и обратился к фрейхерру Кайзерлингу и брату Ницетасу:

— А вы, и правда, считаете ее ведьмой, мессир?

— Рыжая, стало быть, ведьма! — уверенно заявил брат Ницетас.

— И шляхой?

— А к чему иначе волосы стричь и в мужской наряд облачаться? — отозвался фрейхерр Кайзерлинг.

— Вот уж спорно, — засмеялся незнакомец. — Но то, что шляха она, я вам говорю наверняка! Я, граф Салет! Кузен несчастного герцога де Жуайеза, коего она свела в могилу, заколдовав коня на поединке, выбросившего его из седла! Она же околдовала и покойного маркиза де Конфьяна! Черная вдова, ведьма! Всем объявляю, двое ее мужей будут отомщены! А она — наказана! Со мной и семья маркиза! Мы вместе — та сила, что восстановит справедливость. И даже королю не стать у нас на пути! И всяк добрый человек должен оказать нам помощь, ибо то сам Господь говорит моими устами! И его десницей суждено стать мне! Со мною вы, мессир?

Фрейхерр Кайзерлинг вскочил с лавки и воодушевленно воскликнул:

— Клянусь, Ваша Светлость, я с вами! Иначе стыдно мне будет ходить по земле, покуда такая несправедливость царит! Брат Ницетас, что ты молчишь?

— Церковь велит искоренять ересь, мессир, — ответил брат Ницетас. — А маркиза, несомненно, еретичка и колдунья. В этих вопросах духовенство на стороне праведности. Да, я с вами, мессир! На правильность этого указывает мне нынче сам Господь.

— Вот и славно! — довольно потирая руки, сказал граф Салет. — В таком случае, на рассвете едем в Жуайез. Пора заявить свои права на него. А после, как только соберутся Конфьяны, отправимся к самому королю — требовать справедливости, друзья мои!

— Вот! Я всегда говорил, что нет ничего лучше доброй мужской дружбы! — весело

подмигнув брату Ницетасу, добавил фрейхерр Кайзерлинг.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонский замок
«Ваше Величество!

Сир, дошли до провинций вести о том, что вы приютили в своем замке маркизу де Конфьян, в прошлом герцогиню де Жуайез и супругу моего покойного кузена. Родственники покойного маркиза, да и герцога тоже, готовы объединить свои усилия с тем, чтобы обратиться к вам за справедливым вашим судом. Они обвиняют маркизу Катрин в колдовстве, и их можно понять — уморив двоих мужей, маркиза стала богатейшей женщиной в королевстве.

А еще ходят слухи о том, что юные маркизы Серж и Клод прижиты ею чуть ли не от конюшего. И, признаться, все это звучит столь правдоподобно, ввиду неких подробностей жизни моего любимого кузена, что я и сам бы поверил. Духовенство в лице настоятеля аббатства Вайссенкройц готово поддержать притязания ваших вассалов. И у них довольно свидетелей, чтобы предать маркизу костру инквизиции.

Единственным выходом я вижу скорейшее замужество маркизы. И готов выступить в роли ее мужа, коли вы отдадите за нею Жуайез и Конфьян как за наследницей своих мужей. Детей ее я воспитаю как родных. По совершеннолетию они получают маркизат в равных долях, блюсти их интересы буду я. Дети, прижитые в браке со мной, станут наследниками Жуайеза.

В противном случае уже к концу недели под стенами Фенеллы соберутся войска ваших вассалов. И вам придется принимать совсем иные решения, Ваше Величество.

Ответа Вашего жду до истечения завтрашнего дня. И если на закате между псом и волком я не получу одобрения моих намерений, то мне ничего не останется, как примкнуть к восставшим вассалам из провинций, поскольку Жуайез принадлежит мне по праву рождения. Ей же достался лишь потому, что она всего несколько месяцев была женой моего кузена.

Преданный ваш слуга Анри Шьен граф Салет».

Мари оторвала взгляд от свитка с чудовищным посланием графа и посмотрела на мужа. Посланец в это время был отправлен на кухню к Барбаре. И ждал дальнейших указаний.

— И что теперь делать? — тихо спросила она. — И какая к черту инквизиция в Трезмоне? Откуда?

Его Величество озадаченно пожал плечами.

— Надо будет отписать в Вайссенкройц, узнать откуда у нас эта глупость... — он задумчиво помолчал, заглянул через плечо жены в письмо, пробежался по нему глазами. — Граф Салет известен сумасбродством и настырностью. А еще он упертый, как осел. И если уж что вбил в свою голову, то просто так не отступит, — Мишель поднял глаза на королеву. — А может, и впрямь, выдать маркизу замуж? Это бы решило все неурядицы.

Мари нахмурилась и, закусив губу, сунула Мишелю в руки свиток. А потом с самым задумчивым видом отвернулась к окну.

— Ты ее видел. Какое там может быть «замуж»?

— Вот именно потому, что я ее видел, я и думаю об этом. В таком состоянии она ни на что не способна. Ни за владениями следить, ни детей растить. Ей нужен муж.

Мари резко обернулась к королю. Вид за окном был немедленно позабыт.

— Есть другие способы вернуть ей жизнь. Для того совсем не нужно выходить

замуж! — резко сказала она. — Маркиза Катрин пришла к нам за помощью. Не уверена, что замужество — именно то, на что она рассчитывала.

— Я знаю маркизу несколько дольше, чем ты. Она так же не радовалась смерти герцога, но легко согласилась на второе замужество, — Его Величество поднялся и подошел к Мари. — И потом... Мы можем подыскать ей хорошего и доброго рыцаря. Который станет заботиться о ней и ее сыновьях.

— На второе замужество? — усмехнулась королева. — Ах, да! То самое второе замужество, которое намечалось с тобой. А вот мне по сей день интересно, что бы ты сделал, если бы она не сбежала тогда? Что там королевская честь велит? Женился бы? А дочь кормилицы держал бы любовницей? Очень современно, да!

— Нет, не женился! — твердо ответил Мишель. — После того, как я узнал тебя, другой жены у меня быть не могло. Но я бы нашел ей мужа. Такого, как она заслуживает. Маркиза обладает многими добродетелями, и выбор, который, конечно же, был бы предоставлен ей, у нее мог быть достаточный.

— А тебе в голову не приходило, что у нее не может быть другого мужа, кроме маркиза? — все сильнее распаляясь, воскликнула королева. — Неужели ты думаешь, что если бы с тобой что-то случилось, мне пришлось бы снова выйти замуж просто затем, чтобы разрешить... неурядицы? Или тебе? Потому что так проще, но не по велению сердца, Мишель!

Король нахмурился, начиная сердиться. Мари спорила с ним, не желая принять очевидного — он лишь пытается защитить ее и принца. И маркизу с детьми заодно. Потому что Салет не из тех, кто бросает слова на ветер. И в следующее мгновение он почувствовал себя так, словно его окатили ледяной водой. Он ясно увидел Мари, распростертую на снегу, и расплывающееся рядом с ней темное пятно. Мишель вздрогнул и притянул Ее Величество к себе.

— Я отвечу Салету, что не принимаю его условий.

Мари устроила голову у него на груди и только тихонько вздохнула.

Еще один год ее жизни в Фенелле прошел лучше предыдущего. Рождение юного принца вдруг отодвинуло на второй план все прежние заботы и обиды. Но, самое главное, если за их спинами и шептались, то до нее никакие слухи не доходили — Мишель всячески оберегал королеву от любых неприятных впечатлений. И даже Барбара стала держать язык за зубами. А между тем, Мари училась. Училась быть женой, училась быть матерью, училась быть королевой. Не все же одному Мишелю пытаться везде успеть.

— В конце концов, что они нам сделают? — тихо спросила она. — Фенелла неприступна. Мне месье Андреас объяснял. И если бы мы могли защитить Жуайез и Конфьян от притязаний... Мы что-нибудь придумаем, обязательно!

— Обязательно придумаем, — ответил Мишель, поглаживая ее по плечам. — Надо велеть служанке, которая приставлена к маркизе, чтобы она присматривала за ней. Катрин может взбрести в голову однажды все-таки уехать, а мы не должны этого допустить.

— Я попробую поговорить с ней, — вдруг закивала Мари, чуть отстранившись. — Прямо сейчас. Господи, Мишель... Я иногда... когда думаю, что бы я делала на ее месте...

Его Величество нежно коснулся губами ее щеки и, улыбнувшись, сказал:

— Уж во всяком случае, не рвалась бы вернуться туда, где тебя ожидала верная опасность. Поговори с ней... Должна же она услышать хоть кого-то!

Королева привстала на цыпочки и дотянулась до губ короля. Мимолетный поцелуй и,

помахав ему на прощанье, она отправилась в детскую, надеясь найти там маркизу де Конфьян.

И уже на пороге услышала крик юного маркиза Сержа.

— Не дам! — кричал Его Светлость. — Мое!

Детская представляла собой поле битвы. По полу были разбросаны тряпичные куклы и перевернутые повозки, керамические свистки в виде птиц и фигурки рыцарей и монахов, многие из которых были разбиты, глиняные шарики и ивовые погремушки. В углу валялась брошенная палка-конь. Посреди этого хаоса стоял маленький Серж, глядя исподлобья на юного принца. За спиной маркиз прятал деревянный меч с явным намерением не отдавать его ни при каких условиях.

Маркиза де Конфьян наблюдала за происходящим, покачивая колыбель, где самым безмятежным сном, несмотря на шум, спал Клод. Катрин подняла голову, чтобы попросить Сержа подойти, когда дверь открылась, и в детскую вошла королева Мари. Маркиза поднялась ей навстречу и, склонив голову, поприветствовала ее:

— Доброе утро, Ваше Величество!

— Доброе утро, мадам, — отозвалась королева. — Я распоряджусь принести завтрак сюда. Барбара утверждает, что вы плохо едите, — она подошла к юному принцу и тихо сказала: — Ваше Высочество, вам не пристало отнимать чужие игрушки. Начнете с них, закончите чужими владениями.

— Барбара часто преувеличивает, — отозвалась Катрин и вернулась на прежнее место.

— Это случается, — тут же улыбнулась Мари. — Мы получили нынче письмо от графа Салета.

Маркиза слабо кивнула. Сложив на коленях руки, она перебирала пальцами платок. И это занятие увлекало ее сейчас больше всего на свете.

— Он желает жениться на вас, — ровно произнесла Ее Величество.

— В прошлый раз он желал отправить меня в монастырь. Потом объявил меня ведьмой, заколдовавшей коня герцога. А теперь решил взять меня в жены, — не поднимая головы, ответила Катрин. — Но, вероятно, как и три года назад, у меня нет иного выхода: либо монастырь, либо... В прошлый раз я выбрала замужество. Хотя и не с тем, от кого мне грозил монастырь.

— И что бы вы выбрали теперь? — тихо спросила Мари.

— Омут... и я сама не знаю, что меня удерживает от этого.

Мари вздрогнула, на минуту представив себе подобный исход. Это было страшно. Страшно настолько, что холодело в душе... И самое страшное — видеть, как увядает эта красивая и еще несколько месяцев назад полная жизни женщина.

Странно, но до поры чужое горе не касалось ее. Мари была слишком счастлива возле своего мужа и своего сына. Даже гибель маркиза де Конфьяна существовала за пределами их с Мишелем мира. До того дня, как Катрин не явилась к ним на порог. И это заставило вновь ощутить, что жизнь — она настоящая. Она не сказка.

— Может быть, ваши дети, — прошептала Мари, — его дети.

Маркиза подняла, наконец, голову.

— Для того, чтобы оставаться с моими сыновьями, у меня есть только один не самый надежный способ: выйти снова замуж. Но я не настолько сильно люблю их, — она криво, холодно усмехнулась.

Мари сглотнула и бросила взгляд на темную головку маленького Сержа де Конфьяна.

— Я не стану уговаривать вас жить, — не отрывая глаз от мальчика, сказала она. — Когда-нибудь вы проснетесь утром и будете знать, что жизнь продолжается. Без вашего мужа, но она все еще продолжается. Мы с Его Величеством защитим вас от притязаний графа, но дайте слово, что вы останетесь здесь, возле ваших детей. Что не станете искать гибели.

— Я не могу этого обещать... Как вы не понимаете, я не умею жить без него, — вскрикнула Катрин. — Без него я дышу через раз. И если однажды я перестану слышать и чувствовать его здесь, — она прижала руки к груди, — это будет означать только одно — мы с ним, наконец-то, встретились там, где он теперь, — маркиза неожиданно всхлипнула и, пытаясь сглотнуть проклятый ком, мешающий в горле, хрипло проговорила: — Прошу вас, не требуйте с меня такого обещания.

— Хорошо, — выдохнула Мари, чувствуя, как на глаза набегают слезы, и тут же утирая их, чтобы не напугать детей. — Я не стану просить или требовать. Но подумайте и вы о том, что бы он сказал вам, если бы узнал, что вы готовы оставить их, — Мари кивнула на колыбельку Клода, — оставить их, желая лишь скрыться от боли. У них и так уже нет отца. Не лишайте их еще и матери. Кто же будет любить их?

— Я не знаю, — пробормотала Катрин и разразилась рыданиями, которые не могла больше сдерживать.

Мари дернулась было к ней, но остановилась, не сделав и шага. Как можно помочь, она не знала. Как не знала и того, можно ли помочь человеку, потерявшему половину своего сердца. Заживают ли когда-нибудь такие раны? Мари наклонилась к мальчикам, сидевшим на полу, и нежно обняла обоих по очереди. А потом вдруг вспомнила песенку, которую когда-то давно, в годовщину их с королем свадьбы, пел один удивительно талантливый трубачур, маркиз де Конфьян. И тихонько, совсем неслышно прошептала:

«Душа во мне надеждою томима.

А я страстей огнем теперь объят.

Ах, знала б ты, как мною ты любима.

Я все отдам за твой счастливый взгляд».

«Сейчас расплачусь! Одной на детей плевать. Другая с ней носится и во всем потакает. Прошли... Прошли времена прекрасных дам, которые стоили бы того, чтобы за них отдавать свои жизни. Так нет же! Этот балбес король. Готов! За обеих! Будто у него, в самом деле, жизнью несколько. Этот мир определенно сошел с ума».

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонский замок

Февраль в Фенелле был холодным и ветреным. Промозглым, сырым. Будто в последней схватке зима не могла одержать победу над весной, преждевременно оставляя землю, и само небо лило по ней слезы.

С севера пришли черные тучи, будто полчища черных воинов, закрывавших горизонт от края до края. Жди шторма. Жди беды.

Старая Барбара крестилась и охала, как ни успокаивал ее мясник Шарль.

«Знамение, — бормотала она, раскатывая тесто на пироги, — ей-богу, что будет со всеми нами, когда придут за нашей маркизой?»

За маркизой пришли, когда дожди вновь сменились снегом и льдом. Зима в отчаянной схватке одержала последнюю свою победу.

Полчища воинов из провинций, ведомые жаждой наживы и жаждой крови, окружили Трезмонский замок, готовясь к бою. Во главе войска был граф Салет.

Накануне вечером королю пришло новое послание от предводителя мятежных рыцарей. С требованием выйти на переговоры. Иначе те грозились напасть на Фенеллу.

Колочий снег жалил кожу, но, не пряча лица, не склоняя головы, граф на своем коне стоял на высоком холме впереди войска, ожидая решения Мишеля I Трезмонского. И только ветер трепал полы его черного плаща с кровавым подбоем.

Король Мишель тронул своего Никса и выехал за ворота в сторону войска, собравшегося под стенами замка. Проехав с половину пути до холма, на котором живописно являл своим приспешникам развевающийся плащ граф Салет, Его Величество остановился. И стал ждать, поглядывая на грозные тучи, все сильнее завлакивающие небо. В середине дня было настолько темно, что казалось, это вечер ведет за собой ночь.

Граф Салет пустил коня галопом, спускаясь с холма навстречу королю, а когда расстояние между ними сократилось до нескольких шагов, он заглянул острым своим взглядом в глаза Его Величеству и проговорил:

— Ваши верные подданные ждут Вашего венценосного решения, сир! И верят в справедливость и благоразумие своего короля.

— Мы рады слышать, что у наших подданных еще сохранилась крупица разума, — король Трезмонский спокойно встретил угрожающий взгляд графа, — и они не считают возможным воевать с беззащитной женщиной, вынужденной просить защиты у нас.

— Мы не станем воевать с женщиной. Мы просим выдать нам эту женщину для торжества справедливости. Она должна быть предана суду святой церкви!

— Маркиза де Конфьян находится под нашей защитой. И думаю, у святой церкви есть дела много важнее, чем заниматься судом над несчастной вдовой.

— Вдовой, уморившей двоих своих мужей, Ваше Величество. Вдовой, прижившей детей от конюшего. Вдовой, околдовавшей и вас! И мы нисколько не удивимся скорой кончине Ее Величества и Вашей женитьбе на этой самой вдове! Она колдунья, но красота ее застила вам глаза!

Его Величество криво усмехнулся. Чтобы сдержать свой гнев, он крепко обхватил пальцами рукоять меча.

— И вы сами изъявили передо мной желание взять в жены эту гулящую ведьму, Салет.

Вы не последовательны.

— Чары, Ваше Величество! Чары презренной ведьмы. Но Бог в лице брата Ницетас защитил и спас меня. Так дайте же нам помочь и вам! — невозмутимо отвечал граф Салет, и ветер вторил его громогласному голосу.

Не сдержавшись, король громко рассмеялся.

— Брат Ницетас — славноизвестный защитник! С его методами спасения знакомы многие в Трезмоне, — и мгновенно став серьезным, Его Величество твердо, отдельно проговорил: — Граф Салет! Маркиза де Конфьян находится под нашей защитой! И так будет всегда!

— Тогда мы вынуждены будем отдать свои жизни во спасение королевства, коли чары проклятой ведьмы ведут Трезмон к гибели. Одумайтесь, Ваше Величество! Мы сильны, и мы дадим вам бой нынче же!

Мишель усталым шагом прошел в комнату. Оглядевшись, заметил, что Мари нет.

Последнее время она часто бывала в детской вместе с маркизой. И, кажется, даже немного обрадовался. Он нуждался в нескольких минутах тишины и покоя, чтобы собраться с мыслями и решить, что делать дальше.

Присел на какой-то сундук, откинул голову на стену и прикрыл глаза. Бой оказался тяжелым. Граф Салет собрал хорошее войско, видимо, пообещав солидную награду. Но умелым рыцарям короля Трезмонского удалось отбросить воинов графа за холм, и теперь сдерживать их там, пока король вернулся на время к семье.

Мишель вздохнул и поднялся, чтобы найти Ее Величество.

— Ты очень торопишься, дорогой племянник? — внезапно отозвались стены королевской опочивальни до боли знакомым скрипучим старческим голосом.

— *Vibe semen meum e baculo*, — громко выругался Мишель. — Вас за каким дьяволом принесло?

— Иногда я захоживаю в гости, — снова отозвались стены. — Скучаю по семье.

— Нашили время, — проворчал король.

— Самое время, король. Если ты не хочешь лишиться короны! — от стены отделилась тень и скользнула по комнате к очагу, устроившись в кресле. Любимом кресле королевы и короля. — Надо бы натопить пожарче, Мишель. У меня страшный ревматизм.

— Ревматизм? Так ступайте к месье Андреасу! Только уж сначала расскажите, что это вы болтаете про мою корону.

— Чтобы он цеплял на меня своих пиявок? Нет, спасибо, я больше доверяю нестероидным противовоспалительным препаратам, — тень стала приобретать краски, человеческие цвета, постепенно наполняясь плотью. И в кресле показалась седая макушка Великого магистра Маглора Форжерона.

Он повернулся к Мишелю и устало вздохнул. С тех пор, как королевство было скрыто от окружающего мира лампой Истинной крови, для преодоления времени у старого мага уходило куда больше сил, чем прежде. Но избавиться от привычки жить между миров и времен ему так и не удалось.

— Мишель, Петрунелъ покинул Безвременье, — теперь голос Великого магистра звучал серьезно и печально. — Там осталось одно только тело. Дух его где-то здесь.

— *Sana!* — снова выругался Мишель. — И как ему это удалось?

— В Безвременье, как ни парадоксально, куча свободного времени. Он научился выбираться из физического тела. Или его научили — там есть кому. И скажу тебе больше.

Сейчас Петрунелль может находиться в любом из нас. В тебе, во мне, в Салете... Восстание провинций — это его рук дело!

— Салет и без Петрунелля всегда стремился к авантюрам. Кроме того, он жаден. И Салет не был бы Салетом, если бы не воспользовался представившемся ему случаем, — отмахнулся Его Величество и задумался. — Но если мэтр Петрунелль может быть теперь в любом из нас как я смогу найти его?

— А пес его знает, дорогой племянник, — вздохнул Маглор Форжерон. — Одно хорошо. Благодаря твоим мерам во спасение Трезмона, он может быть только в нашем времени, будущее и прошлое для него закрыты. Хоть с веком какая-то определенность есть. Но он не успокоится, покуда не отомстит тебе за Санграль, за Безвременье, за то, что тебя я люблю больше.

Последнее замечание Великого магистра не особо радовало Мишеля, но доля истины в этом определено была.

— Когда уже в Трезмоне наступит спокойствие... — буркнул король. — Это все, что вы хотели мне поведать, магистр Форжерон?

— Нет. Не все. Еще я хотел спросить, не подаст ли мне Барбара немного своего медового напитка на дорогу. Попытаюсь найти пройдоху, но это непросто. Силы надо бы подкрепить.

Мишель лишь махнул рукой.

— Сами разбирайтесь с Барбарой. У меня есть дела поважнее.

Его Величество, прихватив Санграль, вышел из комнаты.

— Настоящий магистр! — удовлетворенно вздохнул Маглор Форжерон и вновь обернулся тенью.

Привалившись к дверному косяку, Мишель смотрел на королеву, которая играла с принцем и юным маркизом. Игра была королю не известной, но крайне увлекательной и веселой, потому что все трое задорно смеялись. Не удержался от улыбки и Мишель. Улыбка вышла печальной. Он знал, что станет скучать по жене и сыну, в тот же миг как отправит их в Париж времени Мари Легран. Но до тех пор, пока он не найдет Петрунелля, там самое безопасное место для них. Туда же он решил отправить и маркизу вместе с детьми. Другого выхода не было. Другого выхода он попросту не видел. Он видел только счастливые синие глаза своей жены. И такие же глаза своего первенца.

Неожиданно Мари дернулась и повернула к нему лицо. Она улыбнулась ему в ответ. На лице ее были нежность и любовь. Тогда как там, за стенами замка, все еще продолжался бой, в который следовало вернуться королю, чтобы вести свое войско дальше. Но здесь, в этой удивительно светлой комнатке, царили уют и спокойствие. Какой мир был более настоящим? Какой мир был более живым?

Вдруг глаза королевы потемнели, она же побледнела и приподнялась с пола, на котором сидела вместе с детьми. Мгновение, и она глянула на Катрин, с пустым взглядом застывшую в углу. А потом на Санграль в руках мужа.

— Нет, — прошептала Мари и шагнула к возлюбленному своему королю.

В тот же миг детская опустела.

— Все будет хорошо, — шепнул в бесконечность Мишель и тихонько притворил дверь.

К вечеру того же дня королевские воины сумели оттеснить графа Салета к границе владений короля. Но те собирались с силами, чтобы вернуться на прежние позиции и начать осаду Трезмонского замка. Это было всего лишь вопросом времени.

«Разумеется, Ваше Величество! Всего лишь вопросом времени! Времени, которого я был лишен вашей милостью! И, уж поверьте, войско графа Салета — наименее страшное из того, что уготовано вам!...»

28 декабря 2015 года, Париж

Катрин очнулась от странного шума, досаждавшего ей. Она повела головой, осматриваясь вокруг, не понимая, где она находится и как она здесь оказалась. Здесь же она увидела принца, Сержа и Клода. А посреди огромной странной комнаты стояла королева Мари с сердитым выражением лица. Маркиза вопросительно взглянула на нее.

— *Semper in excremento, sole profundum qui variat*, — процедила сквозь зубы королева и сверкнула глазами. — Дождется он у меня!

И тут же кинулась к маркизе Катрин, надеясь, что та не слишком испугана. Впрочем, маркиза была какой угодно, но не испуганной.

— Все хорошо! — заявила она. — Все в порядке. Мы в моих владениях в... в моем королевстве...

— Шумно, — пожаловалась маркиза. Она опустилась на диван и снова замерла, как и в Трезмоне.

— Ну да... немного... — пробормотала Мари и посмотрела на окно, толком не понимая, за каким чертом оно открыто. Быстро прошагала и закрыла стеклопакет. Стало значительно тише. Потом снова посмотрела на маркизу.

— Так лучше?

Маркиза кивнула.

— Зачем мы здесь, в вашем королевстве? — спросила она в пространство.

— Потому что мой венценосный супруг решил, что так безопаснее! — сердито сказала Мари и протопала к холодильнику. Продукты, оставшиеся там, черт знает с какого времени, казались вполне съедобными. Только молоко определенно прокисло. Сколько же дней прошло здесь?

— Интересно, — задумчиво сказала Мари, — а им можно давать пиццу?

— Простите меня, Ваше Величество, — очень серьезно и четко проговорила Катрин. — Это я виновата во всех ваших несчастьях. Я не должна была приходить к вам, просить вас о помощи и перекладывать на вас свои заботы. Теперь вы вынуждены быть далеко от Его Величества, в то время как он участвует в войне, затеянной графом Салетом.

— При чем здесь Салет, когда мой муж... Ужасный зануда! Кто его просил? — Мари подняла глаза куда-то к потолку и погрозила пальцем люстре. — Попадешься ты мне!

— Он заботится о вас и принце... Лучше пусть зануда, чем... — и Катрин снова замолчала.

Мари замерла. Она прекрасно поняла, что именно не договорила маркиза. Она все мерила по себе. Впрочем... что уж теперь-то?

— Нам... Нам нужно придумать, чем заняться, — медленно сказала королева. — Я не знаю, сколько мы будем здесь. Хотите, я вам что-нибудь покажу, чего у вас нет?

Маркиза слабо пожала плечами.

— Как вам будет угодно, Ваше Величество.

Мари улыбнулась, вспомнив, какое впечатление на Мишеля произвели «живые картинки».

Она решительно подошла к телевизору. Взяла пульт и включила его, сразу же попав на какой-то рок-концерт.

Катрин зажала уши руками, а в следующее мгновение к ней в ноги ткнулся Серж, готовый расплакаться. Она подхватила его на руки и, поцеловав в макушку, прижала к себе.

— Не хнычь, — велела маркиза сыну и обратилась к королеве, кивнув в сторону того, из чего раздавались непривычные ей звуки: — Не уверена, что буду сильно сожалеть об отсутствии у меня чего-либо подобного.

— Это у нас трубадуры такие, — пробормотала себе под нос королева, переключая каналы, пока не наткнулась на какой-то фильм. Относительно тихий. Потом повернулась к маркизе и сказала: — Это... как какая-нибудь история, но только можно смотреть. Весело, вам понравится.

За последние несколько дней маркиза ясно поняла, что лучше ни с кем не спорить. Тогда ее скорее оставляют в покое. Серж под негромкое бормотание, раздающееся в комнате, мирно засопел. Катрин переложила его рядом с собой и стала послушно смотреть историю, как ей велела Мари.

Королева, между тем, уныло поглядывала на часы, толком не понимая, сколько времени могло пройти в Трезмоне... Да сколько угодно! И, что страшно, каждая секунда отделяла ее от Мишеля все дальше. Молиться она не очень умела. Стоя на кухне и соображая, что приготовить из того немногого, что имелось в холодильнике, она обращалась к собственному мужу, то ругая его последними словами и иногда на латыни, если французского не хватало, то требовала вернуть их назад в Фенеллу, то уговаривала, чтобы он только остался в живых. Ведь она прекрасно отдавала себе отчет в том, что он мог отправить ее так далеко от себя в том единственном случае, если был уверен, что им грозила страшная опасность. Ей, их сыну, их дому.

В груди болезненно затрепыхалось сердце — дому... Трезмону...

— Катрин! — позвала Мари маркизу.

Некоторое время спустя она услышала за своей спиной:

— Слушаю вас, Ваше Величество!

— Я пойду за... ну почти за кормилицей для Клода, — с легкомысленной улыбкой заявила Мари. — Вы присмотрите за детьми? Здесь няnek нет.

— Присмотрю, Ваше Величество, — спокойно проговорила Катрин и вернулась в комнату.

Мари оставалось только вздохнуть. Все было бесполезно.

Она отправилась переодеваться.

И с ужасом обнаружила, что ей совершенно неудобно в таких привычных в прошлой жизни джинсах. Ожерелье-змею снимать с шеи не стала, оставила под свитером. Накинула куртку. И поплелась в гостиную, чтобы еще раз посмотреть на маркизу и детей. Зрелище было более чем унылое. Если даже телевизор не произвел никакого впечатления...

— Катрин, я скоро, — зачем-то бросила она, уверенная, что та ничего не видит и не слышит.

Дорогой до ближайшего супермаркета в очередной раз металась от отчаяния к злости. От растерянности к тревоге. До тех пор, пока ее душу не сковал самый настоящий страх. Страх, что назад она уже не сможет вернуться. И это будет означать, что там, в том далеком прошлом, не существующем для окружающего мира, с единственным человеком, которого она могла любить, произошло что-то страшное. Мари гнала от себя эту мысль, но та настойчиво преследовала ее.

Королева долго бродила между полок с детским питанием, в котором она ничего не

понимала в силу того, что Мишеля она целый год кормила сама, заявив мужу, что не потерпит в доме кормилицы, да и смесей для кормления в двенадцатом веке не водилось. Выбрав наугад несколько банок, она опустила их в тележку и сердито пробормотала:

— Если у него приключится несварение, тоже ты будешь виноват.

Подгузники. Мари долго не разбиралась. Тут все просто. Марка и примерный вес. Побольше для Мишеля, поменьше — для Клода.

Потом были ряды с молочной продукцией. Мари морщилась, глядя на многочисленные бутылки, вспоминая молоко из Фенеллы. Уж что-что, а в гастрономическом смысле Трезмон явно превзошел хваленый двадцать первый век.

Потом в голову ей пришло, что с тремя детьми далеко не уйдешь, и она решительно направилась в отдел с детскими товарами. Взяла наугад рюкзак-кенгуру синего цвета — для Клода.

Но самый ужас настал, когда она взялась за поиски детской одежды. Потому что размеров она не знала. Дома детям шили лучшие трезмонские белошвейки. Здесь же с этим были сложности. Кто шил, как и из чего — она не имела понятия. Собрав целый ворох детских одежек, в том числе и теплых, она проследовала к кассе, молясь о том, чтобы кредитка была в порядке. Ей повезло. Она снова прикинула, когда в последний раз была здесь по меркам двадцать первого века. А когда обнаружила на чеке 28 декабря, ей оставалось только рассмеяться — четыре дня. Четыре дня здесь и больше года — дома.

Чтобы ехать обратно, груженная пакетами, она поймала такси.

И, входя в квартиру, снова уговаривала кого-то, чтобы за время ее отсутствия ничего не случилось.

Кто-то, вероятно, услышал уговоры Ее Величества, в чем она могла сама убедиться. Посреди ковра в центре комнаты сидела маркиза де Конфьян. Вокруг нее, догоняя друг друга, ползали довольные происходящим Мишель и Серж. Серж иногда вскакивал на ножки, дергал мать за прядь волос и весело смеялся. Ему вторил Клод, которого Катрин держала на руках, и размахивал кулачками. Мишель же пытался что-то сказать Клоду, прислушиваясь к его лопотанию.

«И что я со всеми вами буду делать?» — уныло подумала Мари.

— Как у вас весело! — тут же прощebetала она, бросив пакеты в одно из кресел, и опустилась на пол возле маркизы. — Сейчас пообедаем. Вы хотите есть, маркиз? — очень серьезно спросила она у Сержа.

В этот момент юный маркиз снова был уже на ногах, снова радостно дернул рыжую прядь Катрин, отрицательно помотал головой, показал королеве язык и, опустившись на четвереньки, бросился догонять принца.

Ком подступил к горлу королевы. Перед ней была маленькая копия трубадура Скриба. И даже на минуту представить себе, что могла чувствовать маркиза, глядя в серые глаза своего сына, было страшно.

— Ясно. Значит, придется мне вам приказать. Вы же не ослушаетесь королеву?

Серж-младший резко затормозил. Вздохнув, поднялся и прижался к руке Катрин.

— Нет, — ответил он хмуро.

Сзади в него врезался головой юный принц, и они оба оказались на коленях маркизы.

— Интересно, — задумчиво проговорила Мари, — «нет» значит «не ослушаюсь», или «нет» значит «не буду»? Катрин?

— Ваше Величество, — глухо проговорила маркиза. — Могу ли я повидаться со

священником? Я хочу исповедаться.

— Что? — опешив, отозвалась королева. — Зачем?

— Я давно не исповедовалась. С тех пор, как пропал брат Паулюс. Герцог часто приглашал его в Жуайез... А брат Ницетас... Вы сами понимаете.

— Да понимаю. Катрин, вы... Вы ничего такого?

Маркиза подняла на нее глаза.

— О чем вы, Ваше Величество?

— Ни о чем. Ни о чем... Я... я попытаюсь что-нибудь придумать...

Что-нибудь такое, чтобы после визита к священнику Катрин не упекли в психлечебницу! И Мари заодно. Тайна исповеди? Та ну к чертям людей пугать!

Мари лихорадочно соображала. Она в жизни не видела никакого брата Паулюса, но всю жизнь он, так или иначе, преследовал ее. Сперва из-за его исчезновения задержали их с Мишелем свадьбу. Потом из-за его отношений с Вивьен Лиз де Савинье к ней снова пытался клеиться Алекс. Теперь вот это... Исповедоваться...

И вдруг Мари осенило! Конечно! Ведь как просто!

Она вскочила на ноги и бросилась в свою комнату. Вывернула шкаф наизнанку, пока подобрала полный комплект одежды, и бросилась назад в гостиную.

— Собирайтесь и ничему не удивляйтесь, — стараясь, чтобы голос звучал как можно более терпеливо, сказала Мари. — Это у нас королевство такое. Его Величество поначалу тоже был многим впечатлен. Потом привык.

О том, каким образом Его Величество привыкал к ее миру, королева промолчала. Интересно, что подумали новые владельцы домика в Бретиныи-Сюр-Орж, обнаружив смятые простыни и подушки на диване в гостиной на первом этаже и ее белье, разбросанное по полу?

Маркиза стала медленно перебирать ворох одежды, который принесла Мари. Она не удивлялась, но ей показалось несколько странным, почему Ее Величество сама носит мужские одежды и ей принесла такие же. Впрочем, ей это было не интересно, и Катрин стала послушно облачаться в новые наряды. У нее это получалось медленно, потому как не только одежда была странной. Еще более странными оказались застежки. Вместо привычных шнуров, лент и пряжек она сталкивалась с чем-то невообразимым. Приходилось спрашивать Мари, которая в это время переодевала детей. Катрин было ужасно стыдно, что королева хлопчет вокруг нее и юных маркизов, в то время как ей самой, маркиза была в этом уверена, совсем не радостно не знать о том, что происходит с Его Величеством в Трезмоне. И не известно, когда она еще сможет об этом узнать. Мало ли, как быстро добираются герольды из Фенеллы до этого удивительного королевства.

Наконец справившись с одеждой, Катрин поймала взгляд Ее Величества и изобразила гримасу, которая отдаленно напоминала улыбку.

«Добрый знак!» — решила королева. Если маркиза хотя бы попытается улыбнуться, это о чем-то да говорит.

Потом она взяла телефон и вызвала такси.

— Сейчас мы выйдем на улицу, — осторожно сказала Мари. — Вы только ничего не бойтесь. Это все нормально. У нас несколько необычные кареты. Вы там помалкивайте, хорошо?

— А что-нибудь обычное в вашем королевстве есть? — пробормотала Катрин, поправляя на груди сумку, в которой королева устроила Клода, и взяла за руку Сержа. Но,

выйдя на улицу, на мгновение зажмурилась. Много домов, много людей, много... видимо, карет, о которых предупредила Ее Величество. Катрин заставила себя открыть глаза, крепче сжала руку сына и оглянулась на королеву.

— Где наша карета?

Мари только вздохнула и, пытаясь удержать бунтующего принца Мишеля на руках, подбежала к припарковавшемуся возле дома такси.

— Авеню Мариньи, — бросила она водителю и, открыв заднюю дверцу, сунула туда ребенка. — Катрин, садитесь сзади с детьми. И Бога ради, ничего не бойтесь!

— Хорошо! Я не стану бояться. Я вам обещаю.

Чего бояться, когда самое страшное с ней уже случилось?

Спустя двадцать минут увлекательнейшего приключения под названием «поездка на такси» они добрались до дома Вивьен Лиз де Савинье, чей адрес Мари помнила с тех времен, когда делала проект рекламы ресторана.

Спустя еще пять минут они позвонили в дверь.

— Лииниииз! — закричал молодой человек, открывший дверь. — Лииниииз!

— Ну кто там еще? Я ужин на восемь заказывала, — в дверях показалась мадемуазель де Савинье. — Принцесса Легран!

— Королева Мари, — хмуро буркнула «принцесса».

А на руках ее, уткнувшись ей в шею, зарыдал ребенок.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, «Ржавая подкова», Ястребиная гора

Чудесным все же местечком в королевстве Трезмон оставалась харчевня «Ржавая подкова». Творилась здесь политика, плелись мелкие интриги, отсюда расползались по всем местам свежие вести — словом, писалась история королевства Трезмонского. Шумно гулялись пирушки. Весело распивалось крепкое вино. И главной темой стал мятеж провинций и рыжая ведьма, о которой поговаривали, что она — любовница короля.

Под перебор струн дувцимера песню свою пел цыган на одной из лавок. Черноволосый, смуглый, он то и дело стрелял своим острым взглядом по присутствующим, оценивая их на предмет знатности и богатства.

Когда в харчевне появилось новое лицо, несомненно, очень важное и серьезное, цыган запел громче, будто привлекая к себе внимание. И песенка, которую он пел, была очень известна в королевстве тринадцати гор:

Пусть вдарят барабаны
 Всем лютням вопреки.
 Опустошим карманы -
 Избавим от тоски
 Глупцов, что бьются на смерть
 За взгляд прекрасных дам.
 Глаза их могут разве
 Быть славы слаще нам?..

А потом, допев, цыган воскликнул зычным голосом:

— Славные мессеры, угостите цыгана Шаню вином! И он споет вам еще много песен трубадура Скриба!

— Подай ему вина! — бросил вошедший рыцарь хозяину и расположился за соседним от цыгана столом.

Почти неделю войска короля Трезмонского дрались, как львы. За это время им удалось отбросить войско графа Салета еще дальше от Фенеллы к границам королевства, не уступая мятежникам ни клочка отвоеванной земли.

Мишель теперь не возвращался в замок, оставаясь в лагере постоянно. Наблюдая победы своих рыцарей, он подумывал о том, что поторопился, когда отправил Мари, принца и маркизу с детьми из Трезмона. Но потом вспоминал рассказ Великого магистра, который озаботил Мишеля. Особенно его смущало то, что он до сих пор не придумал, где и как искать проклятого Петрунеля. Маглор Форжерон, явившийся однажды к нему снова, сообщил, что занят нынче розысками мерзопакостного своего племянника, однако, безрезультатными. И Мишелю приходилось признавать, что возвращение Мари опасно. До тех пор, пока мэтр Петрунель не будет найден и возвращен в Безвременье...

Очередной день подошел к концу. Бой был окончен до завтрашнего утра. Его Величество расположился в своем шатре, где, скромно отужинав, был занят обдумыванием наступления, которое, по его мнению, должно было стать решающим в этой бессмысленной войне. От дум его отвлек герольд, принесший дурные вести. Главный обоз с провиантом для отрядов на северном фланге был разграблен разбойниками, давно хозяйничавшими на

Дижонском тракте. Эти «рыцари» большой дороги отличались особой наглостью и безрассудством, от них не было спасения жителям местных деревень. И теперь с неслыханной прежде дерзостью они посягнули на королевское имущество.

Выслушав герольда, король Трезмонский решил лично положить конец хозяйничанью бесстыжей шайки. На закате с небольшим отрядом он добрался до пресловутой харчевни, где и остановился, чтобы передохнуть и побольше узнать про местных разбойников.

Цыган, наострив уши и получив свою чашу, сказал:

— Благодарю вас, мессир! И счастлив служить вам!

Твердят вокруг: любовь — небесный дар.

А я в ответ: по мне, вино — отрада.

Согреет после ледяного взгляда,

Но не сожжет огнем любовных чар!

А коли с медом — ангельский нектар.

После сделал глоток вина и вновь обратился к щедрому рыцарю:

— Нравятся вам песенки лучшего стихотворца Трезмона?

— Нравятся, — ответил Его Величество. — Жаль, что новых не будет. А у тебя неплохо получается. Ты из каких мест будешь, Шаню?

— А я человек вольный, мессир. Места мне нет. Я оттуда, откуда ветер дует. Но коли возьмете меня к себе песнями ваш слух услаждать, так я противиться не стану. Осяду.

— Не за песнями я еду. Потому ты и дальше следуй за ветром.

— И куда же дорога ваша лежит? — живо поинтересовался Шаню, сверкнув глазами. — Быть может, нам по пути?

— Ищу графа Салета. Говорят, он рад новым рыцарям. Не слыхал, далеко ли он? Мне бы добраться до него поскорее. Да без хлопот, — сказал Мишель, отпил вина и принялся за мясо, наконец поданное хозяином.

Цыган улыбнулся, обнажив белые острые зубы, ярко выделявшиеся на фоне смуглой кожи, и воскликнул:

— Как же не знать! Как же не знать, мессир! Только вчера покинул он нашу славную харчевню и двинулся за горы новое войско собирать. Прямехонько мимо Ястребиной горы, в леса. Там скрыться проще.

— В леса, говоришь, — переспросил король. — А что в здешних лесах? Времена нынче беспокойные, разбойников много развелось...

— Разбойников, и верно, много. Крестьяне сказывают, спасу нет. Но до лагеря графа Салета только эдак добраться и возможно. Единственная дорога, по которой можно миновать горы. В других местах то обвалы, то тропы, по каким кони не пройдут. Ястребиная гора — место опасное. Но не опасней жизни.

— Значит, опасное место у Ястребиной горы... — пробормотал Его Величество и задумчиво отхлебнул из кружки.

Цыган снова сверкнул зубами и сказал:

— Если до света будете выбирать, то как раз к обеду через гору перемахнете, а там уже и лес, — тут он наклонился пониже к собеседнику и тихо добавил: — Но, между нами говоря, мессир, королю поперек встал граф Салет. А де Наве обид не прощают. Если, конечно, нынешний король хоть немного походит на своего отца.

Мишель усмехнулся.

— У Салета большое войско. А у короля много забот. Так любители опасностей

поддерживают графа? — равнодушно бросил король.

— И любители опасностей, — закивал головой Шаню, — и желающие урвать кусок пожирнее. Ведьма-то не нищенка, из богатейшего рода. Награду им обещали немалую. А уж если еще и короля свергнут... Предприятие опасное, но сулит большую выгоду. Потому и собрал граф так много народу. Так вы и впрямь будете ехать?

— Буду, — твердо сказал Мишель. — С рассветом в путь и отправлюсь.

— Ну и смельчак же вы, мессир! — вздохнул цыган. — Желаете песню напоследок?

— Спой! — отозвался король и велел подать цыгану еще кружку вина.

Прекрасной, как богиня,

Милейшей герцогине

Достался трубадур.

Ее сразил амур.

Но ей в любви признаться?

Уж проще распрощаться.

Велит ей это гордость.

И благородный долг!

Она проявит твердость -

То гордости залог.

«Адью, мадам! Бонжур!» -

Промолвил трубадур.

Да только герцогиня

Несчастлива и поныне.

Допев песенку, цыган отправился спать. Время, и в самом деле, было позднее. Но едва вошел в свою комнатенку, покуда в ней никого не было, выражение задумчивости на его лице сменилось серьезностью и обеспокоенностью. Перекинув дульцимер на ремне через плечо, он отворил окошко и прошмыгнул на улицу, а оттуда в конюшню. И, стащив королевского коня, даже не подозревая о том, что конь — королевский, помчался туда, где на горизонте чернели горы. И казалось ему, что конь под ним быстрее ветра.

Горы, защищавшие Трезмон с севера полукругом, стояли стеной, которую нельзя было обойти. Только местные крестьяне да дикие лесные звери знали тропы, по которым можно было миновать крутые отвесные скалы, что влекли за собой одну лишь погибель. Остальные же путники шли обычно через Ястребиную гору, сразу за которой с юга начинались густые леса.

Там, на Ястребиной горе, и затерялась старая башня, заброшенная столетия назад безымянным рыцарем и ветшавшая год от года. И в этой башне находили свое пристанище те, кому некуда было податься. Крепко сложенная из серого камня от этой самой горы, она когда-то была частью замка, от которого остался один только донжон, заросший мхами.

И все-таки в этом диком месте все еще теплилась жизнь. Она лилась звуками струн и веселой песней из окон башни. Хохотом и грубыми голосами, раздававшимися на горе. Она пахла костром и жареным мясом. И на вкус была как доброе трезмонское вино.

Именно туда, в это логово, устремился цыган Шаню, несколько лет тому назад связавший свою жизнь с разбойниками. Еще совсем желторотым мальчишкой он приехал в Трезмон со своим табором. Но табор отправился дальше, а Шаню остался, найдя куда более увлекательное занятие — занимала его в ту пору дочь лавочника из Жуайеза. Обретаясь там некоторое время, Шаню мечтал поступить в услужение к герцогу, но тот не пустил грязного

цыганского приبلуду и на порог. Помыкавшись некоторое время, Шаню решил искать свою судьбу в крестовом походе. Но тому препятствием стало, собственно, то, что Шаню оказался неисправимым язычником. Повздыхав некоторое время на горемычную судьбу, он решил догнать свой табор, который, как он знал, отправился куда-то на север. Кинулся цыган следом, да на Ястребиной горе у него попытались... отнять коня! Но чтобы цыган добровольно коня отдал — не бывает такого. Тут-то и угодил к разбойникам, очень понравившись их предводителю, злобному бывшему монаху, утратившему веру после оскпления (потому что незачем деревенских девок портить!). Так и остался Шаню при разбойниках, не особенно помышляя о другой жизни. Покуда ветер дует в эту сторону. Подует в другую — и Шаню, будто тот лист, найдет себе иную дорогу.

Едва добравшись до логова, он бросился туда, где шумно протекала пирушка.

— Якул где? — спросил он у первой попавшейся пьяной морды и скривился — этак работу не сработает, когда они едва на ногах стоят.

— У себя, где ж ему еще быть-то? — ответил разбойник.

— Один?

— Клодин, как видишь, давно уже со стариной Гулем.

— Клодин, как знаешь, все не успокоится! — засмеялся Шаню.

— Так Якул ей косы повысмыкает и обратно Гулю отдаст. Лысой.

Шаню поморщился и направился в покои предводителя.

Тот появился в шайке не так давно. Был из благородных, случайно попавших в лапы разбойников, но во время нападения сразил насмерть прежнего атамана, чем так восхитил всех прочих, что те предложили ему жизнь, если он согласится возглавить их. Признаться, по покойному бывшему монаху не плакали. При нем ни выпить, ни девку потрогать было нельзя.

Новый же предводитель, прозванный Якулом, за дело взялся со всей серьезностью. И долго томившиеся в нищете бандиты, наконец, выдохнули спокойнее — жизнь-то налаживалась.

Он и впрямь был Якулом, который, выбрав свою жертву, бросался на нее словно бы из ниоткуда и сражал наповал. О том, кто он и откуда, никто не знал, да Якул и не рассказывал. Вопросов ему почти не задавали. Он мрачнел и посылал к черту. Но все давно привыкли к таким переменам его настроения. Приятели по клинку не понимали его. Да и не особенно вникали. Довольно того, что Якул был отважен и силен.

Дверь скрипнула, и Шаню оказался в святой святых башни на Ястребиной горе. Эта комната всегда казалась ему волшебной сокровищницей, где хранились удивительные вещи. Она была полна сундуков. Прежде мрачных, покрытых паутиной... Теперь же здесь все привели в порядок. И многое из этих сундуков было извлечено на свет. Якул ел и пил только из дорогой посуды, которая там нашлась. Комнату украсили удивительными шпалерами, и когда Шаню попадал сюда, он мог подолгу изучать картины на них — такие он не видал никогда в жизни. Вот и теперь, едва войдя в комнату, он уперся взглядом в одну из таких шпалер, изображавших замысловатый сюжет из придворной жизни.

В полумраке покоев, освещенных единственным факелом, сидя на медвежьей шкуре, брошенной на постель, струны своего дульцимера перебирал сам Якул. Играл он куда лучше цыгана, чем вызывал живейшую цыганскую зависть. Нынче атаман грустил — это Шаню смекнул сразу. Он всегда грустил, когда из-под пальцев его вырывались печальные и протяжные звуки.

— Мессир, — обратился к нему цыган, — у меня вести!

Якул, не поднимаясь, перевел взгляд на него.

— Говори, — разрешил он и снова вернулся к струнам.

— В «Ржавой подкове» ночует богатый рыцарь со свитой. Жирный кусок, должен сказать. Он хочет присоединиться к графу Салету по ту сторону гор. И поутру проедет Ястребиной горой как раз мимо наших мест.

— И что же, есть чем разжиться? — лениво спросил Якул.

— Если бы вы видели, какого коня я увел у этого богача, вы бы не спрашивали! — глаза цыгана загорелись. А атаман чуть улыбнулся и сказал:

— Показывай коня. Едва ли он лучше моего Эле. Но я погляжу.

Больше всего на свете Якул любил своего Эле. Тот был с ним, когда его взяли в плен. На нем он сразил старого предводителя. И с него же упал, когда был ранен стрелой в грудь. Конь стал тогда над своим хозяином и долго никого не подпускал к его телу, покуда Шаню, знавший язык животных, не уговорил Эле дать помочь его хозяину. Тот отступил на шаг и позволил цыгану приблизиться. Лечила Якула местная горная ведьма Никталь. А когда раненый пришел в себя и впервые покинул башню, чтобы увидеть небо, конь, которого Шаню все пытался приручить, сбросил цыгана со спины и бросился к Якулу. Но вот штука — он упрямо не признавал имени, которым звал его хозяин.

Лошади стояли в небольшой пристройке к башне, которую устроили сами разбойники. Здесь пахло сеном и лошадиным навозом. При Якуле убираться стали чаще, но запах вьелся в сами стены. Проще было построить новую конюшню.

Белоснежный конь, приведенный из «Ржавой подковы», фыркал и прядал ушами. Когда Якул приблизился к нему и протянул руку, чтобы потрепать белоснежную гриву, тот отступил на шаг и фыркнул погромче.

— Норовистый, красавец, — довольно пробормотал Якул и притянул его к себе за повод, заглянув в большие и умные глаза. — Этот будет твой, Шаню, коли ты прав, и добыча окажется хорошей.

— Мессир, когда я лгал вам?

— Ты, цыган, не лжешь. Но лгать могут глаза, уж поверь мне.

Теперь голос Якула звучал с неприкрытой грустью, вырвавшейся наружу. Но ее тут же заглушил решительный тон, когда разбойник приказал цыгану:

— Что ж, отбываем до света. Пьянку прекратить. Нам нужны трезвые головы.

А после подошел к другому стойлу, где от нетерпения топтался на месте Эле, гнедой чистокровный красавец с черной отметиной на лбу. Якул похлопал его по боку и что-то пошептал ему в ухо. И цыган Шаню отдал бы многое за то, чтобы узнать, какие секреты могут быть у атамана и его коня.

Рассвет был таким же, как настроение короля Трезмонского — пасмурным и туманным. Проснувшись затемно, Мишель спустился в конюшню и к своему великому огорчению обнаружил, что Никса в стойле нет. Не было никаких сомнений, что конь украден. И вполне возможно, что именно вчерашний цыган свел его с постоянного двора. Никс, верный друг, не раз выручал Мишеля. И его пропажу король счел дурным знаком перед своим отбытием. Однако, если этот Шаню из шайки, которая где-то близко, то де Наве имеет все шансы найти разбойников, орудующих на границе его королевства.

Его Величество велел наказать хозяина палками и, приняв другого коня от одного из своих рыцарей, отправился к Ястребиной горе. Пока немногочисленный королевский отряд

ехал по долине, Мишель понимал, что опасность им не грозит. Но как только они въехали в лес, Его Величество отогнал от себя воспоминания о Никсе и начал сосредоточенно осматриваться вокруг. Лес был настолько густым, что и без того пасмурный свет слабо пробивался даже сквозь голые ветви деревьев. Всадникам приходилось ехать друг за другом по неширокой дороге, ведущей к горе. И нападения ожидать можно в любую минуту. Мишель чутко прислушивался к каждому крику ворона, к каждому хрусту ветки, к каждому шороху, раздающемуся среди негромкого топота копыт.

Сделав рукой знак рыцарям остановиться, Его Величество настороженно замер и в наступившей полной тишине услышал свист пролетевшей мимо его головы стрелы.

Сразу после этого, будто из ниоткуда, в мокрой, вязкой черноте леса показались, словно летящие тени, фигуры на конях. Стремительные, идущие напролом, отчаянные, они напали на отряд Мишеля, окруживший своего короля, чтобы не дать разбойникам добраться до него. Оттуда же, из черноты, полетели горящие стрелы, которые осветили дорогу. Лес наполнился звуками сражения, криками и кровью, полившейся на мох и гнилую листву. Стоявшие насмерть стражи короля падали один за другим, унося за собой в ад убитых ими разбойников. Тела устилали дорогу, а стрелы, горящие стрелы, присланные будто из самой Преисподней, казались теперь падающими огненными звездами. Пал отряд короля. Только стоны и хрипы. Только клокочущие в горлах умиравших молитвы. Только вязкая чернота холодного февральского утра. И лишь несколько рыцарей возле своего короля продолжали сражение.

— Довольно! — раздался вдруг громогласный голос. И из десятков теней, пребывающих в пыли битвы, вперед вылетел сам Якул на своем гнедом коне с черной отметиной. Разбойники замерли. Стрелы лететь перестали. И ясный луч солнца, вдруг пробившийся через густые ветви, синеватым светом озарил лицо атамана разбойников.

Не думал король, отправляясь на поиски, что шайка окажется такой многочисленной. На месте одного убитого королевскими рыцарями разбойника тут же появлялись три новых. И все, что теперь оставалось Его Величеству, потерявшему почти всех своих воинов, — вступить в схватку с самим атаманом, за спиной которого крыльями развевался плащ, пока он не осадил своего коня. Король занес над головой свой меч, намереваясь нанести первый удар, и в следующее мгновение опустил руки. В свете солнца прямо перед ним был...

— Маркиз де Конфьян, — выдохнул Мишель.

— Скрутить! — рявкнул Якул, снисходительно взглянув на меч в руках противника. А потом, тронув коня за бока носками сапог, поскакал прочь от этого места, где убиты были королевские стражи. И только луч солнца все еще оставался на месте... И под этим солнцем заметались мелкие белоснежные крупинки снега.

«Matrem tuam! Вот это славная драка! Вот это пленение! Коли что и вышло хорошо, так этот разбойник. Шедевр! Полотно! Нет... не полотно! Скульптура! Оживший Давид Микеланджело! Ай да я! Воистину Творец!»

28 декабря 2015 года, Париж

— Королева Мари! — объявила Мари, пытаясь успокоить ребенка, рыдавшего, уткнувшись в ее шею и отчаянно зовущего отца. Она покосилась на маркизу Катрин и тихо спросила: — Ну что? Этот — ваш брат Паулюс?

— Никакой он больше не брат! — ошалело воскликнула Лиз. — Поль, скажи им!

Поль бормотнул себе под нос что-то неразборчивое и, набрав побольше воздуха, уже собирался ответить, когда услышал слабый голос маркизы.

— Брат Паулюс, прошу тебя... Прими мою исповедь, — она похлопывала Клода, который начинал хныкать вслед за Мишелем. — Кроме тебя, мне не к кому обратиться.

Поль бросил быстрый взгляд на Лиз, почесал затылок и сказал:

— Ваша Светлость, я как бы это... больше не монах. Я не могу... — он посмотрел на Мари. — А вы, значит, королева Трезмонская. А то я там того... неважно, — махнул он рукой. — Как поживает Его Величество?

— В данный момент Его Величество, вероятнее всего, сражается с графом Салетом который поднял мятеж в провинциях, — хмуро заявила Мари и, наконец, прошла в квартиру, жестом велев маркизе следовать за ней.

— С Салетом? — переспросил Поль, закрывая дверь за удивительной процессией. — Вот дьявол! Ваша Светлость! А друг мой Скриб сражается вместе с королем? — обратился он к маркизе.

Глаза Катрин наполнились слезами, губы искривились, но она не издала ни звука. Вместо этого квартира огласилась громким плачем Сержа-младшего.

— Примите исповедь маркизы. И все! И мы уйдем! — воскликнула королева, поставив Мишеля на пол и подхватив на руки Сержа-младшего. Тот никак не желал умолкнуть, но от такой неожиданности юный принц Мишель удивленно смотрел на происходящее.

— А... Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? — неуверенно попросила Лиз.

Поль и сам был бы рад, если бы ему кто-нибудь объяснил, что здесь происходит. Он растерянно смотрел на ревушую сердитую толпу и совершенно не знал, что ему делать дальше.

— Что-то охренительное, — наконец выдавил он из себя и живо продолжил: — А давайте пройдем в комнату. Чего в коридоре-то стоять?

— А давайте! — не менее радостно отозвалась Лиз. — Проходите, мы сейчас! Только чаю сделаем!

И потащила Поля на кухню, схватив его за край футболки. Там она остановилась посреди комнаты и, набрав воды в чайник, щелкнула выключатель, потом прикрыла дверь и посмотрела на своего парня.

— Охренительное? Какое, к чертям собачьим, охренительное? Ты зачем их сюда приволок, а?

— Я тут совсем ни при чем! — заявил Поль, уселся на стул и отвернулся к окну. — И я их не приволакивал. Сами приперлись.

— Чего? — Лиз подошла к нему и, глядя на его затылок, воскликнула: — Сами приперлись?! Что ты мне зубы заговариваешь! Кажется, мы уже выяснили, что дыра во времени, это ты! Так что только через тебя они могли сюда попасть!

Поль вздохнул, скрестил на груди руки и промолчал.

— Я... Я тебе надоела, да? Тебе скучно, да? Ты поэтому?..

— Это полнейший бред! — Поль обернулся к Лиз. — И я тебе сейчас докажу! Приму у маркизы исповедь — и они уберутся из квартиры ко всем чертям!

— Я тебя ни в чем не виню! И ничего мне доказывать не надо! Я понимаю, секс — это еще не все, тебе трудно привыкать здесь. Черт! Если хочешь, вернемся обратно и попробуем жить в Трезмоне, раз уж совсем невмоготу.

— Да нормально мне привыкать! — выкрикнул Поль. — И в Трезмон я не-хо-чу!

Из ее глаз брызнули слезы. Все-таки брызнули, хотя она терпеть не могла тупых коров, которые режут по любому пустяку.

— Правда? — шепнула она.

— Правда, — ответил Поль, притянул Лиз к себе на колени и поцеловал. — И я, правда, не знаю, как они здесь оказались. Но маркизе, похоже, совсем плохо... Что-то выглядит она фигово. Может, исповедь — это ее последняя просьба. А потом мы снова останемся с тобой только вдвоем, — и он стал спускаться короткими поцелуями вдоль ее шеи к вороту блузки.

— Трое детей, — вдруг жалобно пробормотала Лиз, — трое! Ты видел? В Средневековье контрацептивов что? Совсем нет?

Поль оторвался от своего занятия и посмотрел на нее очумевшим взглядом.

— Не понял...

— Ну... чтоб не беременеть... Помнишь, мы с тобой обсуждали картофель фри и... решили не заводить детей?

— Угу, — отозвался Поль. — Слушай, я не знаю! Нам-то какая разница. Это не наши заботы, — и он снова вернулся к ее блузке.

— Трое... — снова прошептала Лиз, откинув голову назад, чтобы ему удобнее было целовать. — И как вырос сын трубадура!

Поль лишь что-то промычал в ответ. Он запустил одну руку под тонкую ткань, когда из гостиной раздался сначала какой-то шум, потом что-то разбилось, а потом раздался плач. Кажется, в три голоса.

— Черт! Папина ваза!

На Рождество Пьер де Савинье подарил Вивьен Лиз отвратительную вазу в египетском стиле. На редкость уродливую и аляповатую. У папаши де Савинье был довольно странный вкус. Но стоять теперь эта ваза должна была именно в гостиной. Потому что он ревностно относился к тому, что дарил дочери. Смертельных обид Лиз совсем не хотелось. Особенно после того, как Пьер де Савинье закатил дочери скандал, задушевной побеседовав с Николя Бабенбергом, который заявил, что Лиз встречается с самозванцем, решившим получить наследство семьи Бабенберг, прикинувшись его много лет назад похищенным сыном.

Лиз вскочила с коленей Поля и бросилась в комнату.

Ваза была... в осколки. Юный маркиз Серж стоял над ней и оглушительно орал. Вторил ему Клод на руках маркизы. Королева отгоняла Сержа от вазы, с криком:

— Порежешься!

И только маленький принц внимательно изучал пульт от телевизора.

Поль поплелся вслед за Лиз, с чувством жестокой безнадеги понимая, что покоя больше не будет.

Едва он переступил порог комнаты, к нему снова подошла маркиза.

— Брат Паулюс, пожалуйста. Мне не к кому больше обратиться, — посмотрела она на

него умоляющими глазами. — Примите мою исповедь.

— Ну, ладно, — обреченно кивнул Поль. — Но мне надо подготовиться. Давайте пока чаю попьем. Вы с дороги отдохнете, а после...

— Спасибо! — выдохнула Катрин.

Взяв за руку Сержа, она расположилась в кресле и снова перестала замечать что-либо вокруг себя.

Между тем, пока Поль хлопотал на кухне, приготавливая чай, Лиз помогала принцессе Легран собирать осколки с пола. Они не виделись всего-то месяц, но Мари казалась ей... повзрослевшей, что ли.

— Как реклама ресторана? — вдруг спросила королева. — Ее закончили?

— Да, — пробормотала в замешательстве Лиз. — Все круто. По ящику вторую неделю крутят. Слушай, мне твой повар не нужен был, он сам...

— Да кому он нужен? — перебила ее Мари и уныло посмотрела на хорошенького годовалого мальчика, так и возившегося с пультом.

— Так а с трубадуром-то что?

Мари сглотнула и перевела взгляд на Катрин.

— Погиб, — коротко бросила она.

В это самое мгновение в дверях показался Поль с подносом в руках.

— Как погиб? — он медленно поставил поднос на стол. Подошел к бару, отхлебнул прямо из бутылки большой глоток коньяка и мрачно сказал: — Скриб не мог погибнуть!

Мари перевела дыхание и медленно проговорила:

— В октябре 1187 года. Его убили разбойники. Король Мишель лично видел могильный холм.

Поль сделал еще один глоток и спросил:

— А сейчас у вас там что со временем?

— Февраль 1188 года, — так же тихо сказала Мари. — Восстание провинций. Салет пожелал получить Жуайез и объявил маркизу Катрин ведьмой. Брат Ницетас из аббатства Вайссенкройц его слова подтверждает.

— Вот же мудак! — выдохнула Лиз.

Поль кивнул, снова отпил из бутылки и оглядел всех присутствующих, задержав взгляд на маркизе, отрешенно сидевшей в кресле.

— И что будем делать?

— Для начала прими ее исповедь, брат Паулюс, — всхлипнула Лиз.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Факел, закрепленный где-то в коридоре, сквозь маленькое оконце в двери слабо освещал тесный каменный мешок, куда бросили Его Величество. Если судить по количеству ступеней, которые вели в темницу, это было глубокое подземелье. Руки и ноги его были крепко связаны и давно затекли. Сколько он здесь уже находился, определить не представлялось возможным. Куда именно его привели, он тоже не знал. Потому что, как только его схватили по приказу атамана, ему завязали глаза.

Но не это сейчас беспокоило короля. Он снова и снова пытался понять, как же так получилось, что маркиз де Конфьян не только оказался жив, но еще и стал предводителем разбойников, грабящих всех, кто попадался на пути.

Неожиданно где-то в стороне раздались шаги по каменному полу, громко отдававшиеся многократным эхом. Лязгнул замок, и темница осветилась ярким светом факела. Факел впереди себя нес Якул. Теперь, без плаща, в черной одежде, с отросшими волосами, он казался и похожим и непохожим на себя. Губы его были сурово сжаты, но едва дверь в камеру запахнулась с пронзительным скрипом, Якул улыбнулся и сказал:

— Я полагаю, вы не привыкли к подобным условиям, мессир. Прошу простить. К пленникам у нас относятся ко всем равно. Так уж принято среди моих людей.

— Среди ваших людей было принято много иначе, маркиз, — ответил король, хмуро глядя на Сержа снизу вверх.

— Меня зовут Якул. И вы меня так зовите. Я пришел узнать ваше имя, чтобы известить ваших близких, что вы нуждаетесь в их помощи.

Король удивленно смотрел на него, понимая все меньше.

— Я не стану вас так называть, — медленно проговорил он. — А имя мое вам хорошо известно.

— Вот как? — усмехнулся Якул. — Интересно, откуда же?

Мишель коротко рассмеялся.

— Мы знакомы с вами с самого детства, маркиз. Кстати, это уже второй раз, когда вы одерживаете надо мной победу.

Якул долго смотрел пронизывающим взглядом на своего пленника. Лицо его сделалось суровым, даже злым. И, наконец, он процедил сквозь зубы:

— Считайте, что я забыл ваше имя, мессир. И пока вы не назовете мне его, вам придется сидеть здесь на хлебе и воде. К слову, ночи в этой темнице очень холодные.

— Что ж, если вы сочли нужным забыть и все остальное... А холодов я не боюсь, — Мишель опустил голову, не желая более смотреть на маркиза.

— Как вам будет угодно, мессир, — презрительно фыркнул Якул. — В таком случае, счастливо оставаться. Завтра на рассвете я выведу вас на прогулку. Полюбуйтесь на казнь одного из ваших воинов. И так каждое утро до тех пор, покуда не назовете имени.

С этими словами разбойник, унося с собой факел, покинул темницу короля Мишеля.

Его Величество вздохнул и устало прикрыл глаза. Как странно. Все неприятности начались с того, что маркиз де Конфьян погиб. Так было объявлено. Все последующее напоминало снежный ком, летящий с горы. Притязания графа Салета, восстание провинций, побег Петрунеля из Безвременья. И теперь оказывается, что маркиз жив и разбойничает на

большой дороге. В королевской голове это не укладывалось.

— Это все оттого, неразумный мой племянник, — неожиданно раздался писк, напоминавший мышиный, — что ты пренебрегаешь тем, что было дано тебе по праву рождения от нашего рода, оставив при себе одно только королевское наследие. Позволь узнать, за каким чертом понесло тебя в эти горы без единого оберега?

— Cūlus! Вот только ваших нравов учений мне и не хватало, магистр! — возмутился Мишель.

Откуда-то из угла, где валялись смрадные обрывки ветхих одежд, выполз довольно упитанный серый мышонок. Он добежал до ноги короля, понюхал ее, задрал крохотную головку вверх и промолвил человеческим голосом:

— И почему ты не сказал ему своего имени, позволь узнать? Тоже мне великая тайна!

— Лучше скажите, почему он вообще его спрашивал. Вы же все знаете, — усмехнулся Его Величество.

— Может быть, потому что забыл?

— Как такое возможно?

— А я почему знаю? Я всего лишь серый мышонок. И понятия не имею, как выпутаться из этой истории.

— Ха! — фыркнул Мишель. — А еще утверждаете, что все вам ведомо. Но в одном вы правы, магистр. Если бы со мной было ожерелье Змеи...

— Вообрази, — не слушая его, продолжал бормотать Великий магистр. — Я искал следы Петрунеля. Почти весь двенадцатый век перевернул вверх дном. Не спал, не ел. Сидел в своем кресле и искал. А потом приснился мне сон, хотя клянусь, сном это быть не могло, что мне что-то ужасно мешает сидеть. Я и так повернусь, и эдак. А оно все никак! Ну так вот оглянулся я посмотреть, что там у меня под седалищем, и наткнулся на... хвост. Обыкновенный мышиный хвост. И с тех пор бегаю тут, хватаю все, что со стола перепадет — под ноги этих неотесанных грубиянов вечно объедки летят. Уже второй день пытаюсь расколдоваться, а все никак! Совершенно забыл, что в этих случаях делать надо...

— Вечно у вас все некстати, — зло выдохнул Мишель. Он стал разминать затекшую шею. — Вспомните, магистр. И помогите мне с ожерельем.

— А зачем тебе ожерелье? — от удивления мышонок зашевелил усами. — Побрякушкой не отделаешься. Им настоящий выкуп нужен.

— Не дождутся они выкупа от меня, — твердо сказал король.

— Такой же упрямый, как твоя мать! — рассердился Маглор Форжерон. — Тогда зачем тебе ожерелье? До Дня Змеинового еще почти целый год! В этих условиях тебе бы хоть месяц протянуть!

— Идите к дьяволу, магистр, — рывкнул Мишель и замолчал.

— Да принесу я тебе твое ожерелье! Только скажи, где оно! Если тебе от этого станет легче. Я только как расколдоваться не помню, но телепортацией пока еще владею.

— Оно у Мари, в ее времени, — проворчал король. — Вы же знаете, она его почти не снимает.

— Господи! Ты отправил ее туда? — мышонок привстал на задние лапки. — Ты же знаешь, как сложно мне туда добираться после твоего трюка с Трезмоном! Вот любишь ты ставить сложные задачи! Любишь!

— Я отправил ее и сына туда, где до них сложно будет добраться Петрунелю!

Мышонок опустил назад на землю и тяжело вздохнул. Потом почесал за ухом по-

кошачьи задней лапкой и, наконец, ударил по полу своим хвостиком. Почесал еще раз и снова ударил. Сердито покряхтел и снова хлестнул хвостиком.

— Все, — важно сказал мышонок Маглор Форжерон. — Ожерелье где-то здесь... бродит... Уж прости, прямо в камеру не получилось!

— Что значит «бродит»? Магистр! Вы что, с ума сошли? Вы Мари сюда перенесли? — Мишель в ужасе кричал на все подземелье.

Брат Ансельм, ей-богу, никого не трогал, никого не обижал, двадцать с лишним лет верно и преданно служил Господу, всячески развивал в себе добродетели, а нечестивые мысли и желания пресекал на корню. Как раз с того чудесного дня, как бросил пить, едва только узрел младенца в своей келье — не иначе младенца, данного ему как знамение свыше. Велик замысел Господень, что уж?

За двадцать лет, подобно Иосифу Плотнику, и дитя брат Ансельм воспитал, как если бы то был его родной сын. И обитель привел к процветанию. За что и был избран ее настоятелем. Правда, милый его сердцу воспитанник брат Паулюс, как поговаривали, предпочел мирскую жизнь, предав обеты. И по его заблудшей душе немало слез пролил брат Ансельм. А в обители большое влияние приобрел с его, брата Ансельма, попустительства блаженный брат Ницетас. И, глядя на творящееся вокруг безбожие, божий человек только вздыхал да молился.

Вот и в этот самый час, он не спал, а боролся с сомнениями в вере своей.

— Дай мне знак, Господи, что пора вмешаться! — бормотал он. — Дай мне знак, что брат Ницетас творит дела, Тебе неугодные!

И в тот же час очутился брат Ансельм в месте диком, шумном, богомерзком. Где нагие девы танцевали танцы непристойные, где бесславные мужи пили напитки хмельные с названиями брату Ансельму неведомыми.

— Эй, чувак, что на проходе стал? — рявкнул кто-то ему в лицо и толкнул плечом. — Исчезни!

— Pater noster, qui es in caelis!

28 декабря 2015 года, Париж

Поль сидел в спальне, пытаясь сосредоточиться. Он не хотел, чтобы исповедь, на которую он согласился, прошла впопыхах и небрежно. Бывший монах достал из шкафа сутану и скапулярий, в которых вернулся в прошлый раз из Трезмона. Разложил их на кресле и теперь раздумывал то о смысле бытия, то о печальной участи своего друга.

Побыть в созерцательном одиночестве ему довелось недолго. Лиз и Мари принесли уснувших детей, которые утомились от баловства и плача, и уложили их на кровать. Когда они уходили, Лиз немного замешкалась, прикрыла за королевой дверь и тихо сказала:

— Я тут подумала... Маркизе бы психолога хорошего найти... Она же на грани суицида!

— Ты в своем уме! — зашипел Поль. — Она католичка!

— А кому это когда мешало? — спросила Лиз. — Можно подумать, в ваше время в омутах не топились.

— Маркиза не такая!

— Ну да... Не такая... У нее убили мужа, на руках двое детей, ее объявили ведьмой на все королевство, из-за нее началась война, а теперь она попала в двадцать первый век. Как думаешь, сколько еще она протянет?

— Маркиза — сильная. Ты просто ее не знаешь. А твой психолог ее в психушку упечет. Неужели ты этого не понимаешь? — чуть громче зашипел Поль.

— Тогда психологом придется побыть тебе! — Лиз ткнула пальцем ему в нос. Потом на минуту залюбовалась его выражением лица, облизнула губы и охрипшим голосом сказала: — А если бы я надела монашеский вимпл, тебе бы это понравилось, а?

— Неа, — Поль быстро поцеловал ее в губы и подтолкнул к двери. — Иди, а то если проснутся дети... — и он сделал «страшные глаза».

— Боже... Трое детей, — пробормотала Лиз и покинула комнату. Медленно она направилась назад, в гостиную, будто боялась того, что может там увидеть. Но ничего особенного не произошло. Обе женщины располагались в своих креслах. Маркиза замерла, глядя в одну точку. А Мари сидела, уткнувшись в лэптоп.

— Прости, — Мари подняла глаза на хозяйку. — Целый год без интернета.

— Да... Пользуйся, — пожалала плечами Лиз и села на диван. Потом внимательно осмотрела Катрин и тихо спросила: — А вы меня помните? Я вашего старшего нянчила когда-то... В смысле, дня три назад, но у вас больше года прошло.

Катрин посмотрела на девушку, сначала равнодушно, но потом лицо ее немного просветлело, и она слабо кивнула.

Обрадовавшись хоть какому-то отклику со стороны маркизы, Лиз еще более активно взялась вытаскивать ее из депрессии. Это так у нее называлось.

— Славный он у вас мальчуган. Правда, с детьми никакой личной жизни, поэтому мы с Полем решили, что детей заводить не будем. Хотя, собственно, мой папаша об этом еще не знает, все толкует про наследников. Но в наше время женщина — не бесправная рабыня. С рестораном я как-нибудь совладаю. Кроме меня, ему и надеяться не на кого. Брат у меня решил стать врачом и к ресторанному бизнесу вообще никакого отношения не имеет. А Софи — всего лишь фотограф. Софи — это моя сестра. Короче, глядя на них и на своих родителей, я решила, что ну его к черту. Поль со мной, вроде, согласен. Он вообще

идеальный парень.

Катрин по-прежнему смотрела на Лиз, перестав слушать где-то на середине ее речи. А когда поняла, что она замолчала, снова кивнула.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вообще, ваш муж тоже был парнем неплохим, — предприняла новую попытку Лиз. — Не, я понимаю, что вам больно говорить о нем, но если вы сможете... рассказать, то вам точно станет легче!

— Что рассказать? — непонимающе спросила маркиза.

— Ну... каким он был...

— А брат Паулюс там долго еще? — Катрин поднялась из кресла.

Лиз вскочила следом, досадуя на свою прямолинейность. Вечно прет напролом. Тут деликатнее надо, нежнее. Дубль два!

— Не знаю! Он настраивается. Видите ли, Поль оставил свой... эээ... сан. Потому ему надо немного хоть... прийти в себя. Слушайте, а классные у вас джинсы. Только чуток коротковаты. Хотите, дам что-нибудь свое примерить?

Маркиза вздохнула. И поркой не пригрозишь, как Аделине. Потом жалобно глянула на Ее Величество, но та была чем-то занята, Катрин даже не пыталась понять, чем именно. В этом странном королевстве жили странные люди и занимались странными делами. Она снова посмотрела на Лиз и пробормотала:

— Дайте.

Лиз бросилась к шкафу, вытащила оттуда несколько вешалок с брюками, потом вернула вешалки обратно и достала зачем-то... платье. Красное. В пол. С разрезом справа почти до середины бедра, но в противовес — без всякого декольте. С пышным бантом на плече и элегантной брошью на поясе.

— Мне почему-то кажется, что это вам больше подойдет! — объявила Лиз.

Маркиза привычно послушно переоделась. Платье на удивление ей подошло, словно для нее и было сшито. Она вспомнила о том, как любила одеваться, как любила новые наряды. Она любила быть красивой для Сержа. Потому что она любила видеть, как он смотрит на нее... Для кого же теперь все это? Катрин нахмурилась и присела рядом с Мари.

Королева, между тем, давно уже не смотрела в монитор, но наблюдала за суетой Лиз и тем, как покорно на все соглашалась маркиза. Но платье! Платье было охрененным! В таком на красную дорожку — в самый раз!

— Francesco Scognamiglio? — восхищенно спросила она у Лиз.

— Ага. Можно я ей его подарю? На меня оно тесное. Купила, чтобы в него худеть.

— Можно, — пробормотала Мари.

Катрин посмотрела на королеву.

— Зачем оно мне?

— Потому что на меня оно слишком длинное, а на Лиз — маленькое. Преступление держать такое платье в шкафу.

— Сюда только какого-нибудь аксессуар на шею не хватает, — вздохнула Лиз, — такого... необычного... я давно думала что-то подобрать, но как-то...

Мари похлопала ресницами и бросилась вынимать из-под свитера ожерелье Змеи. Хотя бы прикинуть. Щелкнула застежка, и королева быстро накинула украшение на маркизу.

— Ну как? — спросила она.

— Зачем вы, Ваше... — успела сказать маркиза и поняла, что снова что-то произошло.

От неожиданности Катрин зажмурилась. Поморщилась от неприятного запаха и поежилась от холода. А когда открыла глаза, обнаружила, что находится в конюшне. И прямо перед ней медленно жевал конь ее мужа.

— Игнис, — проговорила маркиза недоверчиво и радостно негромко вскрикнула: — Игнис!

Она подошла к нему и ласково потрепала за гриву, а конь ткнулся мордой ей в плечо и тихонько заржал.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонское королевство, у Ястребиной горы

— Клянусь верой своей непоколебимой, это же королевские стражи! — брат Ницетас в ужасе озирался по сторонам, глядя на разбросанные трупы воинов. — Мессирь! Настигла их карающая длань Господня! Вы поглядите, сколько их здесь!

— Ну, длань Господня здесь ни при чем, любезный брат Ницетас, — отозвался фрейхерр Кайзерлинг. — Это местные разбойники постарались. А про прегрешения короля ничего им не ведомо. Разграбили того, кто на пути попался, всего-то. Вы поглядите только, оборванцев здесь ну уж никак не меньше рыцарей.

Фрейхерр спешился и тронул носом сапога одного из мертвых головорезов.

— И ведь даже тела еще не убрали. Ну да раньше завтрашнего утра не явятся. Сейчас у них кутеж да веселье. Ну и раны зализывают, куда без этого.

— Что ж, вы полагаете, фрейхерр Кайзерлинг, что нам сейчас и здесь бояться нечего? — спросил граф Салет, стоявший чуть поодаль и озадаченно изучавший одного из рыцарей, из груди которого торчали несколько стрел.

— Нечего, Ваша Светлость. Но чем скорее мы уберемся из этого леса, тем лучше.

Между тем, граф Салет все-таки приблизился к телу изучаемого им рыцаря и тихо пробормотал:

— Да это же мессир дю Жантий.

— И что? — фрейхерр Кайзерлинг казался очень недовольным заминкой на пути.

Граф Салет растянул губы в улыбку и тихо сказал:

— Вот и видно, благородный Кайзерлинг, что вы не из Трезмона. Всем известно, что этот рыцарь дю Жантий всегда сопровождал короля исключительно на его собственных венценосных вылазках. То есть, если он здесь, то здесь же был и Его Величество.

Он поднялся и посмотрел на брата Ницетаса и фрейхерра Кайзерлинга. Вид его был самым торжествующим. И здесь, в полумраке леса, одна его улыбка среди еще не окоченевших тел казалась дикой и колдовской.

— Переворошить трупы! — приказал он воинам, державшим наготове мечи. Те бросились исполнять приказание своего господина, а господин, между тем, снова склонился к дю Жантию.

— Если здесь нашел свою смерть еще и король, большей удачи и быть не может, — заявил он.

Однако тела короля среди прочих не было. Не сказать, что граф Салет был очень уж разочарован. То, что с королем приключилась беда, сомнений не вызывало. И этого вполне было достаточно.

— Если войско обезглавлено, считайте, нет войска! — объявил фрейхерр Казерлинг.

— А стало быть, сам Господь благоволит к нам! — добавил брат Ницетас. — И дело наше — богоугодное.

— Что ж, мессирь... Не наведаться ли нам по этому случаю в Фенеллу? — весело спросил граф Салет. — Пожалуй, вреда нам от такого путешествия не сделается. А коли повезет, так получим все, за что стоим! По коням, мессирь?

— По коням! — дружно воскликнули фрейхерр Кайзерлинг и брат Ницетас. И вторили

им рыцари дальних провинций.

«Что ж, благородные трезмонские мужи, вперед! К подвигам и славе! Камня на камне от королевского замка не оставьте! Сравняйте с землей, чтобы даже следа не было. Чтобы могилы предков де Наве сделались безымянными. Чтобы потомки их жили в неизвестности. И только тогда я в полной мере стану чувствовать себя отмщенным!»

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Услыхав шум на другом конце конюшни, еще не вполне пьяный, но и давно не вполне трезвый, старина Мусташ, схватившись за кинжал, медленно двинулся в темноте туда, где стоял конь атамана.

К Эле подходить лишний раз было нельзя. Якул сам заботился об этом животном. Мусташу что? Всего-то забот на одну меньше. Но коли что с конем вдруг приключится, так с него, с Мусташа, первого спросят.

Немного не дойдя до стойла, разбойник остановился, узрев там странную и удивительную картину. Возле коня стояла женщина в невиданном алом платье, в каком ей, должно быть, очень холодно в этой чертовой дыре — здесь всегда было холоднее, чем в башне. И если бы Мусташ не видел собственными глазами, он ни за что бы не поверил, что Эле не только подпустил ее к себе, но даже разрешает ласкаться. А ведь упрямое животное безоговорочно признавало только Якула да кое-как грязного цыгана Шаню. Не иначе оттого, что тот — язычник и колдун. Но вот теперь Мусташ стоял и смотрел, как конь ласково кладет голову на плечо странной женщине и разрешает трепать себя за гриву. Женщина что-то приговаривала и, кажется, кроме коня, вообще больше ничего не замечала.

— Эй! — крикнул Мусташ, который о благородных манерах знал только то, что подсмотрел у Якула. — Эй ты! А ну-ка, живо повернулась ко мне!

Маркиза медленно обернулась, смерила презрительным взглядом неопрятного человека неопределенного возраста, посмеявшегося обратиться к ней, и спросила:

— Ты служишь здесь? Откуда этот конь?

Мусташ, решительно обалдевший от такого обращения, повертел в руках кинжал так, чтобы произвести впечатление, и сказал:

— Вопросы здесь я задаю, дурында! Подойди поближе, чтобы мне разглядеть твое лицо!

— Твой хозяин совсем тебя распустил, коль ты позволяешь себе так говорить со знатной дамой! Кто он? — бросила Катрин, не двинувшись с места.

— Не твое дело! — Мусташ не выдержал и сам шагнул к ней. Полумрак будто развеялся, и разбойник раскрыл рот, глядя на ее лицо. Никогда в жизни он не видал такой красавицы. Да что там! В его семье из трех поколений разбойников никто такой не видал.

— Да ты, пожалуй, и впрямь, из благородных, — пробормотал он. — Что ж... из знатных бабы у меня еще не было.

Катрин отшатнулась от пьяного слуги и оглянулась в поисках двери. Но Мусташ был шустрым малым. Не успела она и шага ступить, как он схватил ее за руку и дернул на себя, опалив лицо дыханием с винными парами.

— Куда ж ты собралась, птичка? — рявкнул он, надеясь, что голос звучит достаточно ласково, а при слове «птичка» она должна была оттаять. — Не хочешь уважить доброго Мусташа? Я тебя отпущу после, даже не скажу Якулу, что ты трогала его коня. Ну же...

— Да как ты смеешь! — маркиза безуспешно дернулась из его рук. — Отпусти меня немедленно! — зло выкрикнула Катрин и сильно оцарапала нахалу щеку. В ответ на ее крик беспокойно заржал Игнис.

— Ах, ты по-доброму не хочешь! Ну, так и Мусташ стараться для тебя не будет! — сердито рявкнул Мусташ и приставил к ее горлу кинжал. — Больно, дурында! —

пожаловался он. — Живо ложись вон на ту подстилку!

Он указал в угол, где приготовлена была его постель — куча тряпиц и какая-то шкура.

Катрин с размаху наступила каблуком своей туфли ему на ногу и зашипела прямо в лицо:

— Прокляну! Слабым станешь! Никогда больше ни с кем не ляжешь! И ни одна, даже самая расторопная девка тебе не поможет!

— Ах ты ж, ведьма! — заорал Мусташ и толкнул ее на подстилку. Да так, что она ударилась головой о каменную стену. — Баба дрянная! Я тебе покажу, кто такой Мусташ! Ты у меня башмаки вылизывать будешь!

С губ маркизы сорвался короткий стон, густые волосы смягчили удар, и, придерживаясь за стену, она снова стала подниматься на ноги. Но подняться он ей не дал, навалился всем телом и, приставив одной рукой к горлу нож, другой стал шарить по груди, животу, бедрам, спускаясь все ниже, в поисках края юбки.

— Ну, поцелуй же Мусташа, и он станет поласковее, — бормотал разбойник, слюнявя ее шею и стаскивая с плеча платье. Платье не поддавалось, и он рванул ткань. Та треснула и обнажила ключицу, которую он тоже тут же стал покрывать короткими поцелуями.

Неожиданно конюшня осветилась светом факела. И громкий голос прозвучал в каменных стенах:

— Что здесь происходит? Мусташ!

Единственный голос на свете заставил Катрин окаменеть. Она перестала вырываться, и ничего не видя, кроме мерзкого бородатого лица, вокруг которого все сильнее расплывалось пятно света, прислушивалась к тяжелым шагам, отдававшимся гулким эхом от стен конюшни.

— Мусташ, за каким чертом Эле ржет! Мусташ!

Незадачливый разбойник торопливо сполз с Катрин и глянул на атамана.

— Погляди-ка, Якул! Пыталась увести твоего коня! Да я вовремя поймать успел.

— Вижу я, что ты успел, — проворчал Якул и подошел к подстилке. Факел осветил неровным светом маркизу, в чьих глазах плясали языки пламени.

Она даже не заметила, что стала свободна. Не отрываясь, Катрин смотрела в лицо того, кто откликнулся на имя Якул. Она попыталась что-то сказать, но дыхание перехватило, и в глазах померкло. Больше маркиза де Конфьян ничего не чувствовала.

— Что ты сотворил, мерзавец? — рявкнул Якул, глянув на Мусташа.

— Да никакого вреда я ей не причинил, — отозвался тот. — Это она оцарапала мне щеку да ногу отдала! Можешь сам убедиться!

Мусташ указал на царапину.

— Я всего-то охранял ваше имущество! — добавил он.

— Черт бы тебя подрал! Живо зови Никталь. Если она умрет здесь, нам только того и не доставало!

Он отдал Мусташу факел, склонился над женщиной и подхватил ее на руки. Она была легкой, тонкой, от нее пахло чем-то до боли знакомым, ее волосы свесились с его рук, и он задохнулся глядя на этот золотой поток... Несколько мгновений он смотрел в ее лицо, и что-то в нем дрожало, причиняя мучительную боль. И вместе с тем сил оторвать взгляд от нее у него не было вовсе. Снова заржал Эле. И это заставило Якула прийти в себя.

— Молчи, молчи, друг мой, — сказал он коню. И быстрым шагом направился в башню, в свои покои.

Шел быстро, чувствуя, как ветер бьет в лицо, и как частый острый снег кусает кожу. Остановился. Попытался на весу укутать женщину в свой плащ, но выходило скверно. Тогда помчался к себе еще быстрее.

Добравшись до комнаты, устроил незнакомку в постели, накрыл богатой пушистой шкурой и бросился к кувшину с водой. А потом снова замер над женщиной, не понимая, отчего дрожь внутри не прекращалась, но дрожать теперь начинали еще и руки.

Первое, что почувствовала Катрин, медленно приходя в себя, была саднящая, слабо дергающая боль на шее. Вероятно, там все же был порез. Она чувствовала слабость в теле и в голове мучительно билась мысль о том, сошла ли она с ума от горя и ей все привиделось. Или...

Маркиза открыла глаза и тотчас получила возможность убедиться, что рассудок ее в порядке, а Серж жив, здоров и теперь с некоторым любопытством разглядывает ее.

Возмущение охватило Катрин.

Она приподнялась на локте и выпалила недовольным тоном:

— Что все это значит, Ваша Светлость? В то время, как я оплакиваю вас пятый месяц. Конфьян и Жуайез захвачены вашими родственниками под предводительством графа Салета. Ваши сыновья вынуждены скрываться сначала в Фенелле, а после там, чему я даже названия дать не могу, хотя королева и утверждает, что это ее королевство. А маркиз де Конфьян всего лишь решил испробовать новых впечатлений! — она усмехнулась и зло добавила: — Вы устали от семейных обязанностей? Я надоела вам?

28 декабря 2015 года, Париж

Мари сглотнула и поморгала несколько раз, глядя на место, где мгновение назад сидела маркиза де Конфьян. Потом поморгала еще раз. Но ни маркизы, ни ожерелья по-прежнему не было.

— Черт! — пробормотала Лиз. — Прости... Это Поль... Он еще не вполне научился управлять своими супер-способностями.

— Чем? — слабым голосом спросила Мари.

Лиз подсела к ней поближе и доверительно прошептала:

— Ну... ты знаешь... Я не хочу пока его пугать, но, по-моему, он что-то среднее между суперменом и машиной времени.

— А? — пискнула Мари.

— Ну... У него иногда получается перемещать нас в двенадцатый век и обратно. Ну и каких-то людей перетаскивать. Но он не знает, как у него это получается. Пусть еще потренируется.

— Да причем тут брат Паулюс! — воскликнула Мари.

Кажется, вот теперь, слушая болтовню Вивьен Лиз де Савинье, она по-настоящему рассердилась. Медленно встала с дивана, посмотрела на потолок и закричала:

— Мишель де Наве! Так значит прекрасная маркиза Катрин вам сейчас нужнее вашей собственной жены! Ну, получите вы у меня!

Теперь настала очередь Лиз хлопать ресницами.

— А... Мишель де Наве... это?..

— Это мой муж, который отправил нас с детьми сюда! К слову, я до сих пор не понимаю, почему вы с этим чертовым монахом не в Фенелле!

— Чертовым монахом? — Лиз тоже вскочила. — Поль никакой не монах! Он... он... он теперь работает в моем ресторане!

Мари поперхнулась собственными словами, которые собирались сорваться с губ. Представить себе бывшего монаха Паулюса Бабенбергского в ресторане семьи де Савинье было слишком круто для ее воображения.

— И если ты была уверена, что мы в Фенелле, то зачем искала нас здесь?

— А я знаю, зачем? — в отчаянии всхлипнула Мари. — Маркиза захотела исповедаться. Не везти же ее к настоящему священнику!

— Ааа... — протянула Лиз. — Так это не Поль вас сюда притащил, да?

В ответ на ее слова Мари разрыдалась и снова села на диван.

Слишком много...

Слишком много всего произошло за столь короткий срок.

Смерть маркиза повлекла за собой страшные последствия. И самое ужасное — она так и не знает, что случилось там с ее мужем... Восемь столетий назад... И зачем ему понадобилась маркиза де Конфьян? Ведь не выдать же он ее решил мятежникам! Мишель бы никогда...

Лиз подошла к бару, плеснула в стакан виски и протянула королеве.

— Тебе надо выпить! — решительно заявила она.

Мари послушно хлебнула из стакана и закашлялась.

— Твой Поль здесь ни при чем! — выдохнула королева, вытирая слезы и пытаясь унять дыхание. — Это все Мишель. Он решил укрыть нас здесь, пока там пытается справиться с проблемами.

— Круто! Значит, Поль — обыкновенный, не супермен?

— Угу.

— Ура! — обрадованно рассмеялась Лиз. Это давало надежду, что хоть когда-нибудь они спокойно заживут... Вот только пусть он адаптируется получше.

— Еще? — она указала глазами на бутылку виски.

— Еще, — вздохнула королева.

Бывший монах Поль Бабенберг со скорбным выражением лица, в рясе и скапулярии вышел из спальни.

— Ваша Светлость! Я готов принять вашу исповедь, — торжественно объявил он.

Не услышав никакого ответа, он осмотрелся и заметил Лиз с бутылкой в руках и Мари со стаканом.

— Не понял, — пробормотал он. — Почему бухаем без меня? И где маркиза? — он снова обвел взглядом комнату.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора
— Мое имя Якул, мадам, — медленно и очень четко произнес разбойник.

Каждый раз, пытаясь заглянуть во мрак внутри самого себя, он даже не решался и шага сделать в эту черноту. Что-то заставляло его оставаться здесь, по эту сторону света.

Весь мир делился теперь надвое резкой черной линией. По одну сторону все было светло, просто и ясно. Он был Якулом, атаманом разбойников с Ястребиной горы. По другую была подрагивающая чернота. Вязкая, затягивающая, тревожная, не дающая вздохнуть свободно. Якул стоял на меже. И никак не мог решиться перешагнуть через нее. Его будто приковали к месту и заставляли оставаться здесь. Чернота манила, он оглядывался на нее снова и снова, не в силах идти дальше, но каждый раз дальше взгляда не шло. Он разворачивался назад. К свету и жизни. И любое упоминание об этой черноте вызывало его недовольство. Удивительно... но все это было внутри него. А ему подчас казалось, что снаружи.

— Мое имя Якул, — повторил он. — И вы меня с кем-то перепутали.

— Ваше имя Серж де Конфьян. И я ни с кем вас не перепутала, мессир, — упрямо проговорила Катрин. Стремительно метнувшись к нему, она приблизила свое лицо к его и заглянула прямо в глаза. — Почему вы просто не отправили меня от себя? Это было жестоко, объявить себя погибшим.

Он отшатнулся от огня ее взгляда. Но вместе с тем именно в этом самом взгляде начинал тонуть сильнее, чем если бы переступил через линию, оказавшись в черноте. Его рука сама потянулась к ее лицу, и пальцы скользнули по коже ее щеки.

— Мое имя Якул, и я не знаю вас, — шепнул он.

— Как скажете, мессир, — мрачно заявила Катрин, зло отбросила его руку и откинулась на подушки.

— Лучше скажите, зачем вы пытались увести моего коня?

— Игниса? Я не пыталась... Я лишь была удивлена, увидев его.

— Господи, — он поморщился, — какого еще Игниса? Моего коня зовут Эле. Мусташ сказал, вы пытались его увести. Откуда вы взяли на горе? Как ваше имя? И что за странные на вас одежды?

— Коль вы меня не знаете, мессир, продолжать беседу с незнакомцем для меня неприлично, — хмуро глянула она на Сержа.

— Разгуливать в таком виде неприлично вдвойне, — его губы растянулись в улыбке при виде ее рассерженного лица, и он все никак не мог понять, что именно так притягивает его в ней. Решив не слишком углубляться в подобные мысли, он снова спросил: — Так как зовут вас, прекрасное дитя? Откуда вы пришли?

Ее взгляд в который уж раз метнул в его сторону молнии.

— К моему огромному разочарованию меня зовут маркиза де Конфьян, — фыркнула Катрин, — а пришла я из нашего с вами маркизата, который теперь разграблен графом Салетом, объявившим меня ведьмой. Но почему-то вновь пожелавшим взять меня в жены. Хотя потом он, кажется, передумал это делать. И если бы не король Мишель, возможно, ни меня, ни маленьких Сержа и Клода уже не было бы на этом свете. Впрочем, как я вижу, вас бы это мало опечалило. Даже, наверное, совсем не опечалило. Теперь же, из-за вашей

страсти к забавам, король Мишель вынужден воевать с мятежными провинциями, а мне приходится путешествовать с нашими детьми черт знает где! И почему-то там, ко всему прочему, живет ваш разлюбленный брат Паулюс.

Она сердито выдохнула и резко оборвала свою гневную речь.

Но он пропустил мимо ушей бóльшую часть этой речи, следя исключительно за движениями ее губ, вкус которых ему вдруг захотелось попробовать своими. Но уловил все-таки самое главное — это из-за нее в последнее время доносятся тревожные слухи из провинций.

— Так вы та самая маркиза-ведьма! — медленно произнес он. — Черная Катрин... Хотя почему вдруг черная, если вы — золотая...

— Из-за вас же и черная, мессир! Потому что вы и есть мой второй муж, которого я тоже уморила.

Бровь его дернулась, а лицо расплылось в улыбке. Он лениво рассмеялся, а потом склонился снова к ее лицу просто затем, чтобы вдохнуть ее запах.

— Как видите, мадам, я жив-живехонек. А вам бы следовало быть более приветливой, коли вы решили вдруг, что я ваш муж.

Катрин отвернулась от него и буркнула:

— Нет уж! Быть женой какого-то там Якула — слишком низко для урожденной графини дю Вириль, вдовы герцога де Жуайеза и невесты короля де Наве.

Вдруг повернувшись к нему, она усмехнулась.

— Вы утверждаете, что не знакомы со мной, — прекрасно! И значит, вы не любите меня. А мне никогда не было нужно ни ваше богатство, ни ваши земли, но только ваша любовь. И потому мне незачем быть с вами приветливой.

Катрин снова отвернулась.

— Да хотя бы затем, что в моих руках ваша жизнь, — шепнул он ей на ухо. — И мне решать — отдать вас королю, графу Салету или своим людям. А еще я вполне могу оставить вас при себе. И вы больше никогда не увидите своих сыновей.

— Делайте, что хотите, — устало выдохнула маркиза. И ее глаза стали снова такими, какими были в последние месяцы.

Он тотчас почувствовал в ней эту странную перемену. И не верил, что так выглядит страх. Нет, она не была напуганной. Он отошел от маркизы, задумчиво посмотрел на свечу, дрожавшую на столе. Она дрожала точь-в-точь, как нечто безымянное в его душе. Если бы только он мог вспомнить... Но едва мысленно он произносил слово «вспомнить», как тут же чернота становилась пугающей, а линия, которую он намеревался перешагнуть, превращалась в каменную стену.

— Как вам будет угодно, мадам, — тихо сказал Якул, пытаясь отделаться от кружащих вокруг него мыслей, звенящих и жалящих, будто дикие пчелы. А ведь ему следовало озадачиться куда более важной заботой — что теперь делать с попавшей в его руки маркизой. Ведь за ней наверняка как граф Салет, так и король, дадут богатый выкуп. Но отчего-то сама мысль о том, чтобы сейчас торговать женщиной... именно этой женщиной — претила. И еще не хватало, чтобы кто-то еще в башне узнал ее имя, покуда он сам не решил, что делать.

— Где ваши дети? — спросил он. — Вам нужен был мой конь, чтобы добраться до них? В таком случае, вы сделали хороший выбор. Эле — славное животное.

Катрин, ничего не отвечая, повернулась на бок и сильнее натянула на себя шкуру,

пряча голые плечи и разорванное на них платье. Этот жест от него не укрылся. И только сейчас он заметил, что с ее нарядом. Разбойник сглотнул. Бедняжка и без того горя хлебнула, еще и он вздумал играть с ней, как обыкновенно играл с женщинами.

— Послушайте, — снова начал он. — Я не причиню вам вреда, клянусь. Слово Якула, разбойника, конечно, среди вас, знатных господ, ничего не стоит, но поверьте...

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошла высокая худая женщина с обритой головой и следами ожогов на лице. Она была до того уродлива, что всякий крестился, глядя на нее. Но при этом шрамы свои она будто намеренно обнажала, несла впереди себя и относилась к ним с особой нежностью и трепетностью.

— Якул, любовь моя! — воскликнула женщина. — Ты посылал за мной, и вот я здесь. Кого на сей раз надобно врачевать?

Разбойник только кивнул на свою постель. Женщина усмехнулась и подошла ближе.

— Никталь, душенька, вообрази! Она вздумала увести Эле. Упала в обморок от обхождения Мусташа, а теперь не изволит быть почтительной со мной.

Никталь только рассмеялась:

— Чтобы женщина из плоти и крови отказала тебе в почтительности? Якул, ты, кажется, стареешь!

И откинула край одеяла.

Катрин была ошеломлена подобной бесцеремонностью со стороны загадочной особы, с которой Якула, видимо, связывали какие-то особенные отношения. Маркиза отмахнулась от этой назойливой мысли, вырвала одеяло из рук женщины и презрительно бросила:

— Пошла вон!

— Ишь, какая злая! — засмеялась Никталь. — Якул, тут только любовное зелье поможет!

— Иди к черту, — расхохотался Якул.

— У него я уже была. Скучно! — женщина склонилась к Катрин и шипящим шепотом произнесла: — Что ж ты, красавица? Что болит?

— Ничего! — проворчала маркиза. — С чего ты взяла, что у меня что-то болит?

Ведьма приблизила к ней свое лицо и внимательно вгляделась в глубину глаз Катрин. Черный ее взгляд казался зловещим, но и оторваться от него не было никаких сил. Ведьма медленно шевелила губами, а потом выдохнула:

— Как бы ты ни пыталась, а душа твоя еще живая. Она и болит. Она и дышать не дает.

— Тебе-то какая разница, — усмехнулась Катрин, спокойно глядя на женщину. — Своих хлопот мало?

— Да какие у меня хлопоты? Травки еще по осени собрала, теперь все больше зелья изготавляю. Скучно!

— Никталь, — позвал ее Якул. — Так здорова моя гостья? Переживать не о чем?

— Эта? Эта-то здорова, — подмигнула ему Никталь. — Но вот что переживать не о чем, не поручусь, Якул! — она снова повернулась к Катрин и засмеялась: — Слишком уж хороша. Вростешь в нее, коли при себе оставишь.

— О чем ты, милая?

— Оооо... — глаза ведьмы округлились и почернели еще сильнее. — Любовь моя, да ты уже сейчас принадлежишь ей. И никакого зелья не надо.

Ведьма и разбойник рассмеялись.

Катрин безразлично пожалала плечами на веселую перебранку.

— Вот и скажи своему ненаглядному, пусть прогонит меня, — бросила она Никталь. — Или Салету отдаст. Так надежнее будет.

Она снова накрылась одеялом и отвернулась.

— Салет тебя на костер отправит, глупая женщина! — вдруг рассердился Якул. — Может быть, ты и ведьма, но такую красоту на костер — преступление.

— Да какая там ведьма. Только и может, что тебя околдовать безо всяких чар, — ревниво встала Никталь.

Катрин резко села на кровати, не обращая внимания на сползшее одеяло и разорванное платье. Она ткнула пальцем в ведьму и спросила Якула:

— Если такой стану — отдашь? — а после повернулась к Никталь. — Что с тобой случилось?

Никталь отшатнулась и побледнела, беспомощно взглянув на Якула. Тот же не мог отвести взгляда от рассерженной маркизы. Права Никталь, права... Вростет в нее. Уже сейчас с ума сходит от желания.

— Принеси ей платье, — велел Якул ведьме. — Зеленое. Заберешь у Клодин.

— Как скажешь, — мрачно отозвалась ведьма и вышла из комнаты. Теперь шаги ее были тяжелыми, а шрамы она будто хотела спрятать, но прятать было некуда.

Едва дверь скрипнула, Якул вздрогнул и отошел от кровати к полукруглому окну, в которое проникал лунный свет, ярко очерчивая его профиль. Он вцепился пальцами в резную решетку. И, наконец, произнес:

— Не отдам. Ты будешь здесь, со мной. И не спрашивай, что дальше. Потому что я не знаю.

— Это мы еще посмотрим, — усмехнулась Катрин. — И никакое платье никакой твоей Клодин я надевать не стану.

Он засмеялся, откинув голову назад. Смех его казался злым и одновременно вымученным, будто не смеяться он хотел. А когда этот смех в груди иссяк, Якул повернул голову к Катрин и тихо сказал:

— Оно не Клодин. Оно краденное. Его хозяйка висела вон на том суку еще в ноябре, — разбойник кивнул головой куда-то за окно. — Но разгуливать в этом тебе не позволено. Иначе не только Мустащ, а любой из моих людей не посмотрит, что ты маркиза. Не все здесь такие любезные, как я. Для всех — ты моя. А потом... потом разберемся.

— Вот как? — Катрин удивленно вздернула брови. — Удивительно счастливое платье. Что ж, если всем его хозяйкам уготован сук, тогда оно мне подходит.

Одарив Якула благодарной улыбкой, маркиза снова легла на подушку и накрылась одеялом с головой.

Она чувствовала себя уставшей. Какой длинный, бесконечный вечер. На нее вдруг с непосильной тяжестью навалилось осознание того, что, хотя Серж и жив, для нее ничего не изменилось. Кто он, этот Якул, стоящий сейчас у окна и равнодушно рассуждающий о висельниках? И что ей самой делать дальше? Катрин не знала ответов, но отчетливо понимала, что если бы сейчас ей предложили выбрать, быть рядом с этим незнакомым ей человеком или спокойно вдовствовать в Конфьяне, она, не раздумывая ни мгновения, осталась бы здесь.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонский замок

— Ну ничего, ничего, будет, — бормотала старая Барбара, наливая из кувшина доброго вина. — Будет еще! Вот вернется Его Величество, он вам покажет! Уж он-то научит вас хорошим манерам, уж он-то... Он велит высечь вас! Да так, что кишки полезут! Что из кожи можно будет шнуры делать! Уж он-то... Вот только вернется!

Кухарка всхлипнула, и слезы крупными каплями побежали по круглому некрасивому лицу, нос ее покраснел, и она громко шмыгнула, а после вытерла его рукавом котта.

Плеснула Барбара в кружку с вином меда, чтобы подсластить, поскольку горько было на душе ее. И стала пить залпом.

Дверь распахнулась, и на кухню вбежал Шарль-мясник. Хмуро глядя на свою супругу, он уныло крикнул и не менее уныло сказал:

— И мне наливай! Вина побольше, меду поменьше!

Барбара взяла чашу и сделала ровно наоборот, протянула ему напиток и грустно сказала:

— Сердце разрывается, милый мой Шарль!

Замок был разбужен, когда среди ночи к нему подошли полчища графа Салета

— Отворяйте! — грозным голосом восклицал окаянный граф. — Отворяйте! Беда пришла в наше королевство! Король пал! Отворяйте!

Не желали отворять ворот королевские стражи. Тогда велел граф Салет поднять на крепостную стену тело дю Жантия, дабы все обитатели замка знали, что не лгут мятежники.

— Мы нашли их у Ястребиной горы, — продолжал кричать у ворот граф Салет. — Их трупы были сожжены до неузнаваемости, и только дю Жантия среди горы тел удалось узнать — огонь не тронул его. Его Величество король Трезмонский Мишель I погиб, мессирь! Отворяйте ворота! Звоните в колокола! Беда пришла в Трезмон!

Спустя час жарких споров среди оставшихся приближенных Его Величества войско графа Салета пропустили за крепостную стену. А сам он широким и уверенным шагом направлялся по каменному коридору замка в тронный зал. Потребовал подготовить ему покой и объявил, что не оставит королевство в беде, покуда не найдется наследный принц Мишель.

Рыдала теперь старая Барбара на плече обожаемого своего Шарля. Похлопывал ее мясник по плечу да и приговаривал:

— Мертвым-то его не видели. А коли жив, так ни за что Трезмон не оставит, вернется.

— Несчастливая королева! — продолжала причитать Барбара. — Хоть и умом слаба, но ведь как Его Величество любила! Бедный принц! Что же теперь со всеми нами будет, милый Шарль?

Неожиданно дверь в кухню распахнулась, и на пороге появилась внушительная фигура брата Ницетаса.

— Барбара! — воскликнул он. — Дорогая Барбара, я вернулся! Налей-ка мне вина с медом — я так скучал по твоим напиткам!

Кухарка глухо застонала и беспомощно посмотрела на мясника.

XVI

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Он любил встречать рассвет. Почему-то ему казалось, что на рассвете он ближе всего к самому себе за той чертой, которую он не мог преодолеть. Здесь, на смотровой площадке башни на Ястребиной горе, он глядел на алую полосу солнца на горизонте, и ему казалось, что этот алый, будто вино или кровь, заливаает все небо, но однажды достигнет и его. Наверное, в такие мгновения он видел больше. И мог больше. В такие мгновения он тосковал по чему-то невысказанному, что было в его душе. И это возвращало его в ту первую минуту, когда он очнулся и увидел над собой лицо ведьмы Никталь, врачевавшей его раны. Потом он собой уже не был. Потом ему приходилось быть кем-то другим. Пришлось принять имя, которое ему дали разбойники. Пришлось делать вещи, из-за которых он переступал через себя, настоящего, через эти рассветы на вершине башни, через ту черноту, которая манила его, но и не пускала.

Он вглядывался в небо, думая о том, что день обещает быть солнечным и ветреным. Прочие мысли он гнал.

Позади послышались шаги. Он улыбнулся и, не оборачиваясь, сказал, перекрикивая ветер:

— Чего тебе нужно, Шаню?

— Я пришел сказать, что все готово, Якул.

— Дай подышать ему еще несколько минут, — ответил он.

«И дай подышать мне».

Потом он спустился внутрь башни. Медленно брел винтовой лестницей до своих покоев. Откуда-то снизу доносились негромкие разговоры, но он совсем не желал слушать этих голосов. Голоса не позволили бы ему сохранить главное, что он пытался — самого себя.

Он толкнул дверь и вошел, давая глазам привыкнуть к извечному полумраку этой комнаты. Он снова становился Якулом. Даже не желая того.

Катрин, завернувшись в шкуру, стояла у окна и смотрела, как у раскидистого дерева суетились несколько разбойников, устраивая виселицу. Когда скрипнула дверь, она лишь сильнее запахла на себе мех и продолжала неотрывно смотреть во двор, где людей становилось все больше.

— Вы встали... — тихо сказал Якул. Эту ночь он провел на полу на другом конце комнаты, пытаясь заглушить в себе мысль, что она в его власти, а он сам — всего лишь презренный разбойник, который грабит, убивает и насилует. Эта мысль рисовала перед глазами странные картины, которые он мог бы оживить, если бы в нем не кипело отвращение к себе самому.

— Как вы спали? — зачем-то спросил он.

Маркиза, не поворачиваясь, пожала плечами. Стоило ли рассказывать ему, что она совсем не спала. Как почти не спала с того проклятого дня, когда прочитала письмо управляющего о гибели мужа.

— Вас не интересует, как спал тот, для кого приготовлено это? — она кивнула на виселицу.

— Не интересует, — легко бросил он, проходя вглубь комнаты и приближаясь к ней. —

Если бы я об этом задумывался, скверный из меня вышел бы разбойник, не находите?

— У вас все выходит скверно, — пробормотала Катрин и судорожно вздохнула, мучительно чувствуя, как он подходит к ней все ближе.

А он на мгновение замер. Сердце пропустило удар. «У вас все выходит скверно». Ее слова отозвались в нем какой-то силой, неподвластной разуму, опалили запахом прелой листвы, отозвались печальной мелодией в сердце. «У вас все выходит скверно!» Он дернулся к маркизе, но словно столкнулся со стеной, не дающей прорваться сквозь нее.

— Уж как умею, — проговорил Якул пересохшими губами. — Вы замерзли?

Катрин, наконец, обернулась к нему.

— Нет, с чего вы взяли? Отчего мне должно быть холодно? — удивленно спросила она.

Он улыбнулся и молча кивнул на шкуру, в которую она куталась. Потом прошел к одному из сундуков и вынул оттуда черный плащ, отделанный серебристым мехом, причудливо расшитый серебряной же нитью и застегивающийся изумительной красоты брошью, изображающей птицу. Плащ он раскинул на том же кресле, где лежало зеленое платье, принесенное накануне Никталь.

— Я велю подать сюда завтрак. Мешать вам не буду. У меня довольно дел на сегодня. Выходить вам без меня нельзя, если хотите уцелеть.

— Значит ли это, что я не пленница. И если мне все равно, уцелею я или нет, то я могу выйти? — поинтересовалась маркиза.

Якул раздраженно нахмурился. Все-таки она тревожила его. Тревожила, выводила из себя и вызывала желание покрыть поцелуями это упрямое, капризное и совершенное в своей красоте лицо.

— Мне не все равно, уцелеете вы или нет, — процедил он сквозь зубы. — Впрочем, дело ваше. Дверь открыта.

Якул посмотрел за ее спину, туда, где в окне виднелось дерево, на которое уже приспособили петлю и под которой построили помост. Устало поморщился и добавил:

— Мне пора идти. Когда я вернусь, мы обсудим, что делать с вами дальше.

Катрин скривила губы и снова отвернулась к окну.

— Поторопитесь, а то вдруг начнут без вас. Вы, вероятно, опечалитесь, — бросила она презрительно.

Он не ответил. Он только склонился, как то подобает знатному господину, перед прекрасной дамой. И вышел прочь из комнаты, оставив дверь незапертой.

Будто подталкиваемый в спину, он спускался в темницу, находившуюся в подземелье башни. Туда, где томился упрямый рыцарь, так и не раскрывший своего имени. Этот чертов спектакль с повешением одного из стражей будет на его совести. Но и вечным камнем на душе Якула. Сколько их было, таких камней? Кажется, с того мгновения, как он распахнул глаза и увидел лицо ведьмы Никталь, не помня самого себя, в его душе из таких камней можно бы было построить целый замок. А ведь это всего только несколько месяцев жизни, которой он не помнил, которой не было.

Сняв со стены факел, Якул вошел в подземелье, проскрежетал замком и оказался перед безымянным рыцарем.

Мишель зажмурился от яркого света, каким показался огонь факела в его темнице. Он давно уж не спал, скорее чувствуя рассвет, чем зная, что тот наступил. Да и ночью сон его не был крепким, перемежаясь с тяжелыми мыслями, что где-то здесь может быть Мари. Он приходил в ужас, представляя себе, чем это ей грозит. Чертов Маглор Форжерон! Среди

таких размышлений не нашлось места тому, что сейчас он станет свидетелем казни одного из своих рыцарей. Такова судьба воина — погибнуть за своего короля в минуту опасности. Многие из его стражей погибли вчера. Остальные погибнут в течение недели. Потом настанет его очередь...

Его Величество поднял голову и посмотрел на маркиза.

— Мессир, я полагаю, вы готовы к представлению? — голос Якула звучал отстраненно, равнодушно и оттого зловеще.

— А если не готов, вы отмените казнь?

— Ни в коем случае. Мои люди ждут зрелищ. И потом... Так даже лучше. Мне вас связывать или обойдемся?

— Обойдемся, — коротко бросил Мишель. И не сдержавшись, спросил: — Маркиз, зачем вам это все?

Лицо Якула исказила улыбка, больше похожая на гримасу. Уродующая его черты. И делавшая его, в самом деле, похожим на змея, чье имя он носил. В который раз, будто заклинание, произнес он:

— Мое имя Якул. И я предводитель разбойников. Вы же свое имя так и не назвали. Потому вам придется любоваться на наше представление.

Он шагнул в сторону, пропуская к выходу рыцаря и вынимая из ножен кинжал.

— Вперед, — пригласил он небрежно.

— Уберите кинжал, маркиз. Я не сбегу. Во всяком случае, не сегодня, — усмехнулся король, поднимаясь по многочисленным ступеням, ведущим из подземелья.

Солнце заливало площадку перед башней.

Это был хороший день для казни. Во всяком случае, сам Якул хотел бы, чтобы, когда он попадет в лапы к стражам короля, его вздернули именно в яркий и солнечный день. Когда небо покажется бескрайним океаном, в котором нет места ни печали, ни горестям. В том, что именно такой финал однажды поджидает его, Якул не сомневался. В том была бы высшая справедливость.

Пленника вывели на поляну. Приговоренным к повешению в это утро был старый, но славный де Брильи, верой и правдой служивший еще королю Александру. Принять у него исповедь здесь было некому, потому он, поднимаясь на помост, сам беззвучно шептал слова молитвы. Руки его были развязаны. Но шел он, подгоняемый одним из разбойников, придерживавшим его за руку. Одежду с него сняли всю, кроме белой камизы. Босой и уставший, де Брильи, кажется, не видел ничего, кроме неба над виселицей. Якул невольно усмехнулся. Этот уходил легко. Но греха это не умаляло.

— Вы еще можете спасти его, — обратился разбойник к королю. — Скажите ваше имя, мессир, и я пощажу вашего слугу.

Его Величество тяжело вздохнул. Жаль было старого верного воина. Но целое королевство дороже нескольких жизней.

— Вы знаете мое имя, мессир, — упрямо сказал Мишель.

— Неужели вы полагаете, что, ежели бы я знал ваше имя, я допустил бы до этого? — Якул кивнул на помост, где на голову старика уже надевали мешок.

— Почем мне знать, что вы теперь можете допустить. Вряд ли в вашей башне почитаются совесть и благородство.

Якул только усмехнулся. В его башне совесть и благородство, и впрямь, не в чести. Тут упрямый рыцарь оказался прав.

Петля была наброшена на шею старика. Собравшиеся на казнь глядели на это действие равнодушно, без большого интереса. Будто видели такое каждый день. А Якул вдруг оглянулся на окна башни, словно бы чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Не в силах избавиться от этого навязчивого ощущения, он жестом велел обрушить бревна помоста. Двое разбойников по обе стороны от виселицы, ударами топора разрубили веревки, сдерживавшие опоры, и конструкция обвалилась, оставив тело несчастного висеть в петле. Старик дернулся несколько раз, да и вытянулся — ему повезло, шейные позвонки хрустнули раньше, чем если бы он умер от удушья.

На щеках Мишеля ходили желваки. Он долго смотрел на раскачивающееся тело де Брильи, сдерживая себя от необдуманных поступков. Наконец, он повернулся к маркизу и глухо сказал:

— Ваш балаган окончен?

— Окончен, — холодно бросил Якул. — Но продолжение мы увидим завтра. К концу недели здесь будут висеть семь мертвецов. Ваше имя, мессир!

— Идите к дьяволу, маркиз, — равнодушно ответил Его Величество, вошел обратно в башню и стал медленно спускаться по ступеням.

— Шаню, — Якул посмотрел на цыгана. — Живо за ним. И запри его.

Цыган только кивнул и бросился следом.

Разбойники разбрелись по горе. Кто-то ушел в лес. Кто-то решил наведаться в деревню.

Якул же стоял и смотрел на раскачивающееся от ветра тело. Это хорошо, что голова старика в мешке. Едва он вообразил себе лицо висельника, его начало тошнить. Впервые в жизни по его приказу казнили человека. В бою — другое. В бою — дело смелости и умения.

Они остались один на один. Якул и его жертва. Почему-то взгляд разбойника никак не мог оторваться от босых ног старика. Ноги были покрыты синими венами и мозолями. Совсем не благородные ноги. Самые обыкновенные ноги. Чуть колесоватые — оттого, что жизнь старик провел в седле. И Якула выворачивало наизнанку от одной мысли о том, что это только начало его пути. Его пути к такой же виселице. Что ж, виселицу он заслужил этим утром.

Медленно, как во сне, побрел он в башню. Поднялся по винтовой лестнице наверх, прошел коридором и толкнул дверь в собственные покои. Он снова не помнил себя. Он снова уперся в стену. Голова разламывалась. Во рту была горечь. В нос словно бил запах мертвечины, хотя он в жизни не слышал такого запаха. Но самое страшное, самое отвратительное — тошнота, переворачивающая внутренности. Все, чего он хотел, напиться до смерти, чтобы забыть обо всем.

В вечном полумраке комнаты он прошел к одному из сундуков, на котором стоял кувшин с вином, схватил его и стал жадно пить, не чувствуя вкуса.

— Вам не поможет вино, сколько бы вы его ни выпили, — раздался насмешливый голос.

Он вздрогнул, расплескав вино по одежде. То, словно кровь, окрасило светлую ткань. Якул резко обернулся и вгляделся в глубину комнаты.

— Сана! — выдохнул он и вдруг размахнулся и швырнул кувшин в противоположную от нее стену. С грохотом тот разлетелся в осколки, и теперь уже кровавый цвет побежал по камням.

— Вы быстро вернулись. А говорили, что у вас много дел.

Катрин по-прежнему стояла у окна. Она не могла оторвать взгляда от происходившего

внизу. Она видела, как седой старик в одной камизе поднялся на помост, как ему набросили на шею петлю, как перерубили веревки на помосте, и жизнь, которая могла продолжаться, оборвалась по приказу человека, еще около полугода назад бывшего ее мужем. Добрым, нежным, ласковым. Любящим ее и их детей. Катрин нашла глазами в толпе Сержа. И сердце больно кольнуло, когда он бросил на окно быстрый недобрый взгляд, словно пронзивший ее насквозь. Рядом с Сержем маркиза заметила богато одетого рыцаря. Хорошенько разглядеть его ей не удалось, он стоял в тени, и лицо его было обращено на помост. А когда все закончилось, он отвернулся и вошел в башню. Катрин показалось, что все было затеяно ради этого рыцаря. И ей вдруг отчаянно захотелось ему помочь...

— Неужели надоело вешать людей? — так же насмешливо спросила Катрин.

— Почему вы не надели другое платье? — угрюмо поинтересовался он. — Вам нравится доводить меня до бешенства этим одеянием, какое и распутная девка не стала бы носить? Да еще и разорванное грязными руками разбойника и убийцы, чудом не сотворившего над вами насилие?

— А чем оно хуже платья, которое носила покойница, и что было отдано лагерной распутной девке, после чего отобрано по вашей прихоти? — рассмеялась маркиза.

— Замолчите! — закричал он, сжимая кулаки. Смертельно бледный, он приблизился к ней и прошептал, глядя ей в лицо: — Вы себе даже не представляете, как сложно мне удержаться от того, чтобы сорвать с вас эту тряпку. Потому что я ничем не лучше... того, на конюшне... Потому что я тоже насильник и убийца.

Катрин смотрела в его глаза, пытаясь разглядеть в них хоть что-то, добавившее бы ей уверенности, что этот человек — ее муж. Но не увидела в них ничего, кроме пустоты.

— Вы выбрали этот путь, путь насилия и убийств. И никакое платье не сможет вас остановить, как, вероятно, не останавливало и до сегодняшнего дня, — равнодушно, без тени улыбки сказала маркиза.

Якул сделал отрывистый судорожный вдох, втянув носом ее запах. А потом тихо сказал:

— Ты права, женщина. Если я захочу, я возьму.

Резко притянул ее к себе и рванул ткань платья ровно в том месте, где надорвал его Мустах. Ткань затрещала и поддалась, обнажив тело маркизы от плеча и до самого пояса. Только грудь ее скрывал странный клочок кружева, каких он никогда прежде не видел. А на белоснежной шее, равной по красоте которой не было, оставалось золотое ожерелье в виде змеи.

Катрин безвольно обмякла в его руках и, глядя куда-то мимо разбойника, сказала:

— Так берите — и оставьте меня.

Он только мотнул головой. Снова горечь заполнила все его существо. Снова дрожь внутри превращалась в отвращение к себе. Эта неистовая боль, которую он впускал в душу, только она заставляла его продолжать чувствовать в себе человеческое. Он протянул ладонь и провел пальцами по ее шее, скользнул ладонью к ее затылку, скрытому огненными волосами. Наткнулся на крючок ожерелья. Да, да... он еще и грабитель, вор... Как просто... Нажал на механизм, и змея соскользнула с ее шеи, оказавшись в его руках.

— Славная безделушка для того, кто носит имя Якул, верно? — усмехнулся он, отворачиваясь. Только бы не видеть ее глаз. Все, что угодно, лишь бы не поддаться соблазну, потому что овладеть ею сейчас — все равно, что осквернить. А разве можно осквернить солнце?

Катрин подняла с пола шкуру, снова закуталась в нее и присела на один из

многочисленных сундуков. С кривой улыбкой она наблюдала, как Серж вертел в руках ожерелье, разглядывая его со всех сторон, и надеялась, что оно не слишком ценное для семьи де Наве.

— Оденьтесь, — сказал он вдруг. — Обещаю, что платье лагерной шлюхи рвать на вас я не стану.

Ожерелье было брошено в одну из шкапулок. Однако ключа он не повернул. Потом тяжелой поступью Якул добрал до двери. Резко обернулся к ней. Синеватый свет касался ее лица, а волосы от этого казались не огненными, а... он даже не знал названия этого цвета. «Цвет алой розы на рассвете» — вдруг подумал разбойник.

— Оденьтесь! — крикнул Якул и вышел из комнаты.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Как только Мишель закрывал глаза, он видел болтающийся на ветке труп де Брильи. Он знал, что это видение будет преследовать его еще долго. Королю повезло. Цыган лишь запер за ним решетку, но не связал. И вышагивая по тесной камере, он гнал от себя сон и образы, преследующие его. С каждым шагом короля де Брильи словно удалялся, постепенно его место заняла Мари. И это оказалось еще хуже. Его терзал вопрос, где она могла оказаться, когда Форжерон перенес ее в Трезмон. Воображение подбрасывало ему жуткие картины того, что могло с ней произойти.

— *Vae!* — выкрикнул Мишель и вцепился руками в решетку.

— Ну и зачем ты шумишь? Никто же не придет, — донесся до него писклявый голос откуда-то с потолка.

— *Merda!* — уже тише рыкнул король и поднял голову на писк. Однако в темноте так ничего и не увидел.

— И ругаться совсем ни к чему! — заявил писклявый голос.

А потом раздался шорох... И на плечо короля уселась маленькая летучая мышка.

— Что? Исполнил маркиз свои угрозы?

— Вы и сами знаете, что исполнил. Ведь знаете? — проворчал хмуро Его Величество и опустил на солому в углу.

Мышонок вцепился в его одежду крохотными коготками, чтобы удержаться на плече, а потом грустно вздохнул:

— Ах, Петрунель, ах, племянничек. Тебе, Мишель, следовало расщепить его до молекул! Может, тогда бы всего этого не было.

— При чем здесь Петрунель? — озадаченно глянул Мишель на суемящегося зверька.

— Неужели ты, король, не понимаешь, что все происходящее происходит по его воле? — мышонок так удивился непрозорливости племянника, что даже захлопал крылышками. — Клянусь своими клыками, это он лишил Конфьяна разума!

— Несчастливая маркиза...

— А ты не несчастный? — мышонок снова вздохнул. — Граф Салет, к слову, уже в Фенелле. Мышиное братство донесло. А все твое упрямство!

— Как в Фенелле? Дьявол! — Мишель откинул голову, остро почувствовав собственное бессилие. — Где ожерелье, магистр?

Мышонок спланировал на каменный пол темницы и прошелся перед королем, приставив одну лапку к голове. Словно бы пытался сосредоточиться. А потом посмотрел на короля:

— Бродит! — объявил он. — Бродит где-то рядом!

— Я вас сейчас прихлопну! Как оно бродит? Мари где? — Мишель вскочил на ноги.

— Мари с твоим сыном у брата Паулюса и мадемуазель де Савинье в Париже, где же ей еще быть? — удивился маленький Маг писклявым голосом. Однако отбежал подальше. На всякий случай.

Король помолчал, потер лоб и, наконец, спросил:

— Где ожерелье — не известно. Как поймать Петрунеля, устроившего все это, — не понятно. Что мне делать?

— А может, ты скажешь этому безумцу, что ты король, и он исполнит почтения к тебе и станет помогать, а? — робко спросил Маглор Форжерон.

Мишель от души рассмеялся.

— Разбойник, которого мэтр Петрунель лишил разума? Магистр, я давно так не веселился, — и, перестав смеяться, внимательно посмотрел на мышонка. — А может, мой милейший кузен лишил разума и вас? То-то вы расколдоваться не можете.

Мышонок насупился и отвернулся к стене, пофыркивая и дергая крылышками.

— У меня атеросклероз! — обиженно буркнул он в ответ и больше с королем не заговаривал.

Мишель долго не мог заснуть. Как можно спать в такую ночь? Этот день положил начало тому, что станет концом для всего Трезмона.

А если назвать свое имя? Это не вернет де Брильи, но спасет остальных. Многих из которых он знал не один год. Которые были всегда верны и преданны. Он знал их семьи. Кого завтра он увидит на помосте? И разве не долг короля заботиться о своих людях? А он вместо этого становится вершителем их жизней, позволяя разбойнику развешивать на дереве трупы, как королева Мари развешивала игрушки на рождественской елке.

Королева Мари и рождественская елка... И крошечные пальцы маленького принца, касавшиеся причудливых игрушек, сделанных его матерью... И его звонкий смех... И сапфировый взгляд королевы, застилающий полумрак темницы... Король закрыл глаза, чтобы удержать этот взгляд. Потому что иначе видение ускользнуло бы...

Вневременье

Ветер был беспощаден. Кажется, его стон среди гор звучал громче, чем стон, теснившийся в груди. Тело старого де Брильи раскачивалось на суку, ветер трепал его камизу, раз за разом оголяя ноги. Один взгляд на проклятое дерево причинял невыносимую боль. Но выхода не было. Оставалось только смотреть. Потому что, кроме этого дерева и болтающегося на нем висельника, не было видно ничего.

— Зачем ты пришел сюда, король? — вдруг донеслось до Мишеля.

— Он позвал меня, — кивнул де Наве на мерно раскачивающийся труп.

— Ему все равно. Это тебе не все равно.

По белому снегу босиком в одной камизе шагал Великий Белинус. И ветер трепал его серебрястую бороду.

— Что ты сделал? — спросил он.

— Убил его.

Великий Белинус улыбнулся и тихо сказал:

— Наве, твой предок и его двенадцать рыцарей уничтожили целый город, чтобы сохранить Санграль. И тебе есть, что хранить. У тебя свой Санграль. Не открывай его никому.

— Он был предан мне. Так же, как еще шестеро оставшихся. Санграль примет их кровь?

— Санграль примет все, Наве. Санграль дороже жизней семерых. И они это знают. И покуда все вы храните его тайну, есть надежда спасти его.

Мишель взглянул на свои ладони, окрасившиеся алым.

— Но как мне принять их кровь?

Старец склонился к земле, набрал горсть снега и протер им руки короля. Снег смешивался с кровью, окрашивался ею, таял от соприкосновения с теплыми ладонями. Старец наклонился снова и снова зачерпнул снега. И снова стал мыть этим снегом ладони

Мишеля. Теперь на коже оставалось немного пятен. И в третий раз склонился старец к земле. И в третий раз взял снега и этим снегом стер последние пятна.

— Ты — Истинная кровь, — сказал Великий Белинус. — Ты видишь больше. У тебя один путь, и ты его знаешь.

— Да, Белинус, я знаю. У меня один путь.

Мишель оглянулся вокруг. Все было белым, как борода старца. Ни единое пятнышко не нарушало слепящую белизну. И не было больше ничего. Ни дерева с петлей, ни висельника. Ветер стих. А на груди короля подрагивал свет Санграля.

— Вот и иди по этому пути. Не оглядывайся, — голос старика все продолжал звучать, раздаваясь многократным эхом. — Наве, я не вижу пролесков. Есть здесь пролески?

— Не время для пролесков, — грустно отозвался Мишель.

— Как хорошо! — воскликнул Великий Белинус. — Как хорошо, что не время. Значит, и тебе — не время.

— Не время, — повторил де Наве и опустился на землю. Лег на спину, раскинул руки и смотрел в небо. Такое же белое, как и все вокруг.

29 декабря 2015 года, Париж

Вивьен Лиз сидела за столом, уронив голову на руки. Она никак не могла определиться... спит или нет. Их с Полем комнату заняла Мари со всеми детьми. Поль и Лиз кое-как устроились в гостиной.

Но сон был недолгим.

Она подскочила в шестом часу утра со странной мыслью: «Что-то давно никто не вламывался!»

Потом вспомнила, что всю ночь во сне просидела в сундуке.

Не выдержала. Выбралась из-под своего благоверного и поплелась на кухню варить кофе. До кофе дело так и не дошло. Сидела за столом... Полуспала. Периодически силилась закурить. Но назад, в гостиную идти тоже не хотела. Все равно спать не будет, хоть даст поспать Полю. Пока не начнется очередной акт этой фантазмагии... с детьми... с принцессой Легран, маркизами и трубадурами.

«Только брата Ницетаса не хватает!» — уныло размышляла Лиз, одним глазом рассматривая зажигалку, лежавшую рядом. Другой глаз был закрыт.

— Лииз, — протянул Поль, запустив пальцы в ее волосы и почесав ей затылок. — Кофе сделать?

Он стоял рядом в пижамных штанах и печально смотрел на нее, не зная, чем может помочь. Ему было ужасно стыдно, что за последний месяц жизнь Лиз превратилась в непрекращающийся бред сумасшедшего.

Лиз откинула голову назад, наслаждаясь его прикосновением. Она обожала, когда возились в ее волосах. С детства отец называл ее обезьянкой.

— Нет, садись. Сама сварю, — сонно пробормотала она. — Еще пять минут. Сэндвич будешь?

Поль отошел от Лиз. Налил воды в кофеварку, засыпал кофе, нажал кнопку. И наблюдая, как в кофейник капает темно-коричневая жидкость, сказал:

— Я подумал... Может, мне стоит вернуться домой? Тебе одно беспокойство от меня...

Лиз проснулась. Она совершенно определенно проснулась. Вскочила из-за стола и тут же села обратно. Ее взгляд был не просто растерянным... ее взгляд выражал абсолютную беспомощность. Она пару раз моргнула, совсем как принцесса Легран. И выпалила:

— Ты меня бросить решил, да?

— Нет. Но мне кажется, так будет лучше. Тебе лучше. Еще через пару недель они заявятся уже всем королевством, а количество детей я даже боюсь предположить, — удрученно констатировал Поль.

— Вот мой бывший тоже примерно это говорил, — вздохнула Лиз.

— К вам тоже приходили гости из прошлого? — заинтересовавшись, спросил Поль.

— Нет... Гости приходили. И не из прошлого. А из самого настоящего.

Впервые в жизни она дошла до того, что обсуждала с парнем свои прошлые отношения. Симптом ей сильно не понравился. Она поморщилась, решительно встала из-за стола и подошла к кофеварке.

— Тебе наливать? — получилось сердито.

Поль ничего не ответил, притянул ее к себе и прижался щекой к волосам.

— Что мы с ними делать будем, а?

— Ничего, — ответила она, закрыв глаза и думая о том, что ни в какой Трезмон его не отпустит. — Может, сами уберутся. В крайнем случае... Черт, Поль, если ты вернешься в свой дурацкий двенадцатый век, я туда за тобой припрусь!

— Тебе туда совсем нельзя! — сердито буркнул он. — Они тебя изведут.

— Я здесь без тебя быстрее сама изведусь, милый.

Поль расплылся в блаженной улыбке, чмокнул Лиз в макушку. И мысленно послал весь Трезмон к дьяволу за то, что не может провести это утро так, как полюбил проводить утра рядом с Лиз.

— Давай завтракать, — беззлобно рыкнул он.

Лиз выдохнула: все хорошо. Все равно все хорошо.

Забравшись с головой в холодильник и перебирая там продукты, она вдруг спросила:

— А если все трое проснутся разом и хором заорут... Делать-то что?

— Понятия не имею, — вздохнул Поль. — Нас один младший маркиз достал. Или он теперь старший? Вае! Как же это Скриба угораздило...

Сел на стул и подпер голову кулаком. Ему стало грустно. Он, конечно, все равно никогда бы не увидел больше своего друга. Но знать, что того уж больше нет...

— Это потому что в двенадцатом веке не было контрацептивов, — Лиз взъерошила его челку и вернулась к нарезанию хлеба. — Кстати, что вы там такое едите, что у Легран и у жены трубадура после родов фигуры так отлично сохранились, а? Я не рожала, а все толстею.

— Не выдумывай, — отмахнулся Поль. — Все у тебя классно с фигурой.

Он притянул к себе Лиз. Провел рукой по всем фигурным местам и наклонился к ее губам, когда на пороге кухни возник юный маркиз и деловито заявил:

— Есть!

— Боже... Всегда одно и то же, — на мгновение прикрыв глаза, простонала Лиз. Потом посмотрела на ребенка, улыбнулась ему, подмигнула и спросила: — Ты ветчину ешь?

Серж не моргая некоторое время смотрел на Лиз и снова повторил:

— Есть!

Поль, собираясь усадить мальчишку за стол, подошел к нему и взял на руки. Но тут же опустил, почти оглохнув от вопля Его Светлости:

— Саааам!

— Поль, — вздохнула Лиз, — тащи лэптоп... Я не знаю, что едят дети в полтора года.

Расположившись на диване и поджав ноги, Поль сосредоточенно выискивал сайты для родителей.

«Чем кормить ребенка 1,5 лет» — вводил он раз за разом в поисковую строку. Что-то бормотал, чертыхался, в азарте поиска не заметив, что рядом с ним уже примостился маленький Серж и с любопытством рассматривал картинки, мелькающие среди текста. Когда в лэптопе среди прочего мелькнули куриные яйца, ребенок радостно вскрикнул и ткнул пальцем в экран.

— Лииз! — не менее радостно вскрикнул Поль. — Он будет яйца.

— Вареные или жареные? — донеслось с кухни.

— Вареные или жареные? — спросил он у Сержа. Тот снова тыкнул в экран.

Поль пожав плечами, углубился в чтение и, наконец, облегченно ответил Лиз:

— Вареные вкрутую.

Следующие двадцать минут Лиз колдовала на кухне самостоятельно.

Потом она прошла в гостиную с подносом, на котором принесла завтрак обоим мужчинам, и улыбнулась. Картина, в самом деле, была умилительной. Поль и маленький монстр неплохо смотрелись рядом.

— Нам с тобой омлет, кофе и круассаны, юному маркизу — яйца, булка и сок. Я думаю, это не самый кошмарный завтрак в нашей жизни.

Поль, с удовольствием уплетая омлет, поглядывал на ребенка, с самым серьезным видом разбирающего яйцо на составляющие, потом отправляющего его по частям в рот и уверенно жующего.

— Лииз! Ну ведь здóровский пацан! Давай такого же заведем, а?

Новоявленная чайлдфри захлебнулась кофе и закашлялась.

— Ну ладно, — уныло буркнул Поль. — Понял я...

И только маленький Серж радостно смеялся, глядя как Поль хлопает Лиз по спине.

— Что ты понял? Что ты понял? — кашляя, выдыхала Лиз. — Права получи, потом с детьми рассуждай!

— А, может, не надо пока права? — неуверенно пробормотал Поль. Со времени поисков Трезмонского замка и виноградника Лиз особенно стала настаивать на том, что он должен научиться управлять автомобилем. Но эти странные повозки все еще несколько смущали бывшего монаха.

— Глупости, ничего в этом страшного нет, — отмахнулась Лиз. — Этих, — она кивнула на ребенка, — домой отправим, и запишешься в автошколу. Даже я вожу. А я та еще идиотка по сравнению с тобой.

Пока Поль пытался убедить Лиз, что не готов еще к вождению автомобиля, из спальни раздался оглушительный крик младенца.

— Клод! — довольно произнес Серж-младший.

Через две минуты с отчаянно кричащим ребенком на руках мимо Лиз и Поля пронеслась Мари.

— Молоко! — взвизгнула она, залетая на кухню. — Где у вас молоко?

Из комнаты же донесся плач принца Мишеля, который, по всей видимости, только-только соизволил проснуться.

— Сначала права — потом дети, — многозначительно заявила Лиз.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Катрин уныло смотрела на платье, разложенное на кресле, и сама не понимала, отчего не желает его надевать. Но и ходить постоянно укутанной в шкуру было неразумно. Неожиданно она улыбнулась. Отбросила в сторону свою самодельную накидку и стала дергать крышки сундуков, одного за другим. Некоторые были заперты. Но и в тех, что были открыты, оказалось довольно одежды. И пусть мужской. Катрин было не привыкать. Она нашла себе все необходимое и скоро переделалась. Волосы спрятала под шапероном. Надела темно-коричневый плащ, без украшений и вышивок, подбитый коротким мехом такого же цвета. Потом запихнула наряд от Клодин и плащ, который достал Якул, в один из сундуков. Туда же бросила и испорченное платье, подаренное Лиз.

Взяла несколько яблок с подноса с завтраком, к которому она не притронулась. И покинула комнату.

Катрин вышла на двор. Глубоко вдохнула морозный воздух и быстрым шагом отправилась на конюшню.

— Игнис, — подошла Катрин к коню, погладила его и, прижавшись к его шее, тихонько заплакала. — Он говорит, что не знает меня, совсем не помнит, — всхлипывала она жалобно и бормотала что-то ему на ухо. Если бы конь мог что-то понять. Впрочем, он, кажется, понимал, устраивал свою голову у нее на плече и тихонько сопел носом, будто подбадривая ее и ласкаясь.

Проплакав некоторое время, маркиза утерла слезы и улыбнулась.

— Я принесла твоих любимых яблок, — она поцеловала коня и принялась кормить. — Как же мы теперь...

— Удивительно, что он подпустил вас, — послышалось за ее спиной. — Эле не подпускает никого, кроме меня и Шаню.

Якул наблюдал за ней уже достаточно долго с прохода в конюшню. Наблюдал с улыбкой, и на душе его становилось тепло и светло при виде этой странной женщины, переодетой в мужчину. Откуда она только взялась на его голову? И что ему делать с ней?

Из-за нее где-то там, у подножия Ястребиной горы, шла война. Где-то там у нее остались двое сыновей и могила мужа. Что он может для нее сделать? Кем он может стать для нее? И нужно ли становиться кем-то?

Он шагнул в конюшню и устало проговорил:

— Вы точно ведьма. Околдовали моего коня.

— Никого я не околдовывала, — фыркнула маркиза. — Мы просто с ним друг друга давно знаем. И никакой он не Эле. Он — Игнис. Правда, Игнис? — обратилась она к коню.

Тот заржал и притопнул копытом, явно с ней соглашаясь.

— Я начинаю понимать желание половины королевства отправить вас на костер, — засмеялся Якул. И протянул руку к гриве животного. — Эле был со мной всегда. Он не предаст, не обманет. Он лучший друг. И, кроме него, у меня нет никого.

Маркиза жалобно посмотрела на Якула. Она не понимала, что случилось с Сержем. Может быть, он забыл ее по доброй воле, потому что она ему опротивела. Может быть, была другая причина. Но, так или иначе, она стала для него чужой. Такой же, как и все остальные. И кроме коня, у него больше никого нет. Эта ужасная мысль разрывала ее сердце.

— Если я и стала ведьмой, то в этом виноваты только вы, — вымолвила она и снова погладила Игниса. — Прощай, мой хороший. Ты — лучший друг.

Катрин повернулась и пошла к выходу из конюшни.

Якул бросился следом за ней и, схватив за локоть, удержал.

— Я виноват только в том, что пытаюсь поступить с вами благородно, — выдохнул он ей в лицо. — Потому что вы... вас... Я знаю, для вас я всего лишь презренный разбойник, но у разбойника тоже живое сердце. И совесть. Своя, разбойничья.

Криво усмехнувшись, она пыталась освободить руку из его пальцев.

— Я видела вашу совесть сегодня утром. И, откровенно говоря, если вы поступите со мной неблагородно, выдав Салету, вы меня весьма обяжете. Все, наконец, закончится. К слову сказать, граф наверняка заплатит вам немалую сумму из ваших же денег, захваченных в Конфьяне, — рассмеялась она. — И это будет забавно. Вы же любите забавы?

Он резко разжал пальцы и отпустил ее.

— Я не воюю с женщинами, — хрипло сказал он. — И не торгую женщинами. Вы свободны.

— Благодарю вас, Ваша Светлость, — Катрин манерно поклонилась и неторопливой походкой вышла из конюшни.

Он смотрел ей вслед и никак не мог понять, что удерживает его от того, чтобы догнать ее, затащить в конюшню и здесь же преподать ей урок, который она должна будет запомнить на всю свою жизнь — нельзя перечить тому, кто сильнее. Он сам этот урок усвоил в первые же дни своего пребывания в этом чертовом логове. Дикая люди, отребье, мерзавцы и убийцы сделали его своим предводителем, дав выбор без права выбора. Либо он соглашается на их условия, либо болтаться ему на том самом суку, на котором висел теперь рыцарь.

Якул поднялся на смотровую площадку башни, где встречал только этот рассвет. Рассвет, отделивший его, истинного, от того, который сам стал убийцей. С непокрытой головой и развевающимися отросшими волосами он сделал несколько шагов к краю площадки и посмотрел вниз. Башня была высокой. Один шаг — всего один — и все это закончится. Сжал руки в кулаки и ударил ими по ближайшему зубцу. А после в изнеможении опустился на голые камни.

— Якул, — услышал он голос Шаню. Тот неизменно оказывался рядом тогда, когда предводитель разбойников был близок к пропасти — пропасти внутри самого себя. — Я снова пытался допросить рыцарей. Но они молчат. Имен не называют.

Стражи упрямого знатного господина находились не в темнице. С другой стороны башни была вырыта глубокая яма вроде колодца. Туда бросили их накануне. И оттуда нынче достали старика.

— Как и вчера, я предоставил им выбрать, кто поднимется на виселицу завтра, — добавил Шаню.

— А они? — отозвался Якул.

— А они послали меня к дьяволу.

Якул мрачно рассмеялся и посмотрел вниз, на болтающегося висельника.

— Почему ты не применишь к ним пытки? — спросил цыган.

— Потому что я не святая церковь, — бросил Якул. — Послушай, Шаню... Они ведь, и в самом деле, готовы отдать жизнь за своего господина. А хоть один человек на земле отдаст жизнь за нас с тобой?

— Шутишь, Якул? Кому нужен цыган, который идет за ветром?

— А разбойник, который закончит на виселице? Это лишь вопрос времени, — Якул грустно улыбнулся и кивнул на раскачивающееся тело. — Почему он все еще висит? Вели его снять!

— Вы сами сказали, что к концу недели их будет висеть семеро.

Объяснять, что он не может на это смотреть, Якул не стал. Он чувствовал, как перехватило дыхание, и как невыразимая чернота душит его изнутри. Вскочил на ноги и прошелся по площадке. Потом обернулся к Шаню:

— Верно говорят, что вы, цыгане, можете обмануть глаза и душу?

Шаню улыбнулся и приосанился, сложив руки на груди.

— Два года назад я продал умирающую тощую клячу как чистокровного арабского жеребца! — с гордостью заявил он.

— Положим, рыцарь не кляча, — пробормотал Якул и снова вернулся к зубцам, взглянув вниз, на виселицу. — Вытащи старика из петли. И слушай внимательно, что надо сделать.

Спустя час цыган уже мчался в лес, к ведьме Никталь. Потому что знал наверняка, что задуманное без ее помощи ему не удастся. Но душа его ликовала. Потому что понял он — не продержится Якул в банде и месяца при таких замашках. А когда предводитель сбежит, Шаню будет рядом с ним, верным его слугой. И для обоих это была надежда начать новую жизнь.

Якул станет его ветром, дующим в другую сторону.

29 декабря 2015 года, Париж

Часы показывали 14:03, когда Алекс Романи, вооружившись букетом цветов, бутылкой итальянского вина и заветной коробочкой, обитой бархатом, поднимался по лестнице дома, где жила его будущая невеста. При мысли об этом он блаженно улыбался и счастливо рассуждал о том, что, по всей видимости, сама судьба уберегла его от совершения ошибки, когда он вздумал, что должен жениться на Мари Легран.

Популярный в мире ресторанного бизнеса повар, он мечтал, как всякий творец, о мишленовских звездах. И о женщине, которая поможет ему пройти этот путь с наименьшими потерями для репутации и нервов — в смысле, возьмет под крыло. Легран с ее связями в мире рекламы, конечно, неплохо бы с этой ролью справилась. Но временами она начинала его бесить. У нее все и всегда было слишком сложно. Всяким отношениям она придавала какое-то невысказанное значение, и это тяготило не хуже брачных оков.

Когда несколько дней назад он обнаружил ее замужней и беременной... неожиданно решил! В его жизни пора что-то менять. И он давно избрал свою путеводную звезду. Еще во время съемок рекламы ресторана семейства де Савинье. Лиз. Вивьен Лиз де Савинье Дочь владельца. Красив, умна, богата. Удачный мог бы быть тандем! Собственно, именно Лиз могла удостоиться чести стать его женой и матерью его детей. Тем более, мама, жившая в Тулузе, так мечтает о внуках.

Когда Романи позвонил в дверь, часы показывали 14:05. Он поправил галстук, одернул пальто, надел самую сногшибательную из своих улыбок и стал ждать, пока дверь откроется.

Подмигнув юному маркизу, с которым они довольно успешно играли в поезд, Поль пошел открывать. Кроме него, звонок больше ни на кого не произвел нужного впечатления. Распахнув дверь, он внимательно посмотрел на бутылку вина, потом на букет, а затем в лицо неожиданного гостя.

— Привет! — бросил Поль. — Тебе кого?

Алекс зачем-то снова посмотрел на часы. Потом на лицо незнакомца. А потом выдал сакраментальное:

— Андре де Савинье? Брат моей Лиз?

— Здесь такой не живет, — сказал Поль и толкнул, закрывая, дверь.

Алекс торопливо вставил ногу в оставшуюся щель между дверью и луткой и тут же взвыл от боли — стопу ему прищемило.

— Поль, в чем дело? — в коридоре показалась Лиз с Клодом на руках.

— Да полудурок какой-то Андре де Савинье спрашивает, — Поль кивнул в сторону ботинка, торчащего из двери.

— Лиз! — радостно воскликнул Алекс. — Любовь моя, это Романи!

— Господи, только не это, — простионала Лиз.

Алекс тем временем все же протиснулся в дверь и радостно проковылял в квартиру. Однако в одно мгновение улыбка на его лице сменилась недоумением. Младенец на руках мадемуазель де Савинье отчаянно дергал оную за локон и, кажется, чрезвычайно забавлялся. Правда, Алексу было не до забав.

Следом за ним прошел Поль и, подхватив с пола Сержа, чтобы полудурок, не дай бог, на него не наступил, остановился перед гостем.

— Так, я не понял... — угрюмо сказал он. — Ты кто? Лиз, это кто? — обернулся он к девушке. А Серж протянул руку и начал со смехом обрывать лепестки у цветов, бросая их на пол.

— Ее муж... будущий!

— Мой ухажер... бывший!

Оба одновременно прозвучавших голоса были одинаково уверенными.

Поль медленно кивнул, снова подмигнул Сержу и посмотрел на «бывшего».

— Значит, так! Я — настоящий. Поэтому вышел из квартиры и забыл сюда дорогу.

— А вы, простите, кто такой, настоящий? — поинтересовался Алекс, но тут же переключил внимание на свою возлюбленную, проникновенно зашептав: — Лиз, я знаю, тебе трудно в это поверить, но испытания временем и разлукой я не выдержал. Не могу без тебя. Люблю. И прошу стать моей женой.

С этими словами Алекс упал на одно колено и протянул ей коробочку, немедленно извлеченную из кармана пальто. Выглядело эффектно.

Клод загугукал. А Лиз широко улыбнулась. Потом подмигнула Полю и сказала:

— Никогда так не делай, ладно?

— Ладно, — буркнул тот, решив оставить на потом выяснение того, что же именно он не должен делать: не звать замуж, не протягивать коробочку или не падать на одно колено. Сейчас ему было некогда. Он поставил Сержа на пол. А потом поднял с пола Алекса. — Повторяю для непонятливых, *tuam matrem futuō*, здесь никто твоей женой не будет!

Алекс согласно кивнул и тут же добавил:

— А это мы поглядим! Лиз, это кто?

— Поль Бабенберг.

— Ааааа... А дети чьи?

— Краденные, — прыснула Лиз, — для рынка черной трансплантологии. На почки Клода уже целая очередь.

Поль, вытаращив глаза, беззвучно воззрился на Лиз. И выпустил Алекса из рук.

— Ну, это почти то же, что черная магия, милый, — стала пояснять Лиз. — Замена больных органов на чужие здоровые. Понятно?

Алекс издал какой-то странный булькающий звук.

— Честно говоря, не очень, — Поль аккуратно забрал у Лиз ребенка и обернулся к Алексу. — Вы бы лучше шли отсюда, мессир, подобру-поздорову.

— Куда идти? — тихо спросил Алекс, глядя на младенца.

— Вот тормоз! Да куда угодно, лишь бы подальше отсюда, полудурок!

В этот момент в коридор заполз Мишель-младший, а следом за ним семенила королева Мари.

— Ням-ням! — объявил Его Высочество и величественно указал пальцем себе в рот.

— Я так и не уложила его спать, — пожаловалась королева и, прежде чем уронить челюсть куда-то в район пола, выдохнула: — Алекс! Да за каким чертом ты опять приперся? Я замужем!!!

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Вернувшись из конюшни, маркиза де Конфьян снова замерла у окна, но совсем не замечая, что происходит во дворе. Она неспешно размышляла о том, как найти рыцаря, которого видела утром, и чем сможет ему помочь. Что будет дальше, Катрин не думала, даже не отдавая себе отчета, зачем ей нужно помогать этому рыцарю. Но чем темнее становилось в комнате, тем чаще ее мысли обращались к Сержу. Было поздно, а он все не возвращался. То она видела, как атаман разбойников захвачен в плен или убит рукой какого-нибудь воина. То представляла, что он веселится в компании неунывающей Клодин, лицо которой почему-то очень походило на лицо Аделины.

Катрин начала метаться по комнате, пытаясь выбросить глупые мысли из своей уставшей головы. Не сдержавшись, она перевернула поднос с едой, с наслаждением прислушавшись к треску разбитой посуды. Схватив с сундука кувшин, в котором оказалось вино, сделала несколько глотков, после разбив и его. Вывернула на пол драгоценности из шкатулки, куда Серж утром бросил ожерелье, снятое с ее шеи.

Остановившись посреди устроенного разгрома, Катрин облегченно выдохнула. И, добавив к беспорядку свою одежду, отправилась в постель. Она не знала, сколько прошло времени и спала ли хоть минуту... Впрочем, наверное, все же спала, потому что совсем ничего не слышала, покуда сквозь сон ее не прорвались звуки струн дувцимера. Неспешные, тихие... Пронзительно печальные. Будто из черноты прошлого, они проникали в эту комнату и в этот мрак. Неровно подрагивала свеча. И до боли и слез глубокий голос выводил такую знакомую канцону:

Цена всей жизни — небо этим утром.

И голос той, чей образ на века

В душе моей. И вот она — рука,

Сияет совершенным перламутром,

Она сражает с нежностью цветка,

И манит лаской острого клинка.

Распахнув глаза, Катрин затаила дыхание. Она не верила своим ушам. Серж пел. Пел одну из грустных своих мелодий, которые когда-то особенно терзали ее. И сейчас маркизе показалось, что из нее снова вынимают сердце. Почему он оставил ее? И почему поет песни, которые посвящал ей? Она вцепилась пальцами в шкуру, изо всех сил сдерживая рыдания, рвущиеся наружу.

А голос все звучал, не смолкал ни на минуту, сгущая и прошлое, и настоящее, и будущее в одно только это мгновение в темной комнате. Он сидел у свечи, под окном, и лунный свет, врывавшийся в этот мрак, освещал его лицо — все то же лицо, которое когда-то раз за разом склонялось к ней, распростертой на постели, чтобы осенять поцелуями ее лоб, глаза, нос, губы. Теперь оно было отстраненным, задумчивым, будто он находился где-то далеко, безумно далеко от этого места. И только музыка и голос — все, что осталось.

То пытка жизни — холод поцелуев,

Мороз объятий, лед в густой крови.

И есть ли в том хоть тень ее любви?

Иль от любви ненужной обезумев,

Безумен только я? И как ни назови -
Господь, любовь ее благослови!

Не имея больше сил смотреть на трубадура, она крепко закрыла глаза. И приложила ладони к ушам, больше не имея сил слушать. Но голос и музыка продолжали звучать. Прорывались сквозь пальцы, проникая в самую душу, где она всегда слышала их с того проклятого дня...

Вся сила жизни — ясность ее глаз.
В которых страсти под покровом ночи
Есть исступленность...

Неожиданно струны всхлипнули, замолчали под его пальцами, и мелодия оборвалась. Он же, опустив голову, тихо и отчетливо произнес:
— *Vae!*

Но отчего-то это было больше похоже на рыдание, что так и не сорвалось с губ.

Наступившая тишина оглушила и разрушила хрупкий мир ее воспоминаний. Но к чему вспоминать, если рядом с ней, в этой же комнате находится единственный человек, без которого она не мыслит своей жизни.

Катрин схватилась с кровати и босиком в короткой камизе приблизилась к мужу. Опустилась на пол и, склонив голову ему на колени, проговорила:

— Я люблю вас, мой трубадур. Как бы вы теперь себя ни называли. Я люблю вас.

Он дернулся, будто она ударила его. Смотрел на ее голову на своих коленях, на то, как серебрились ее волосы в свете луны. А потом не выдержал. Протянул руку и коснулся легким поглаживанием ее макушки.

— Вы безумны, — шепнул он. — Любовь к вашему мужу сделала вас безумной, мадам... Но, Господи, я отдал бы жизнь за то, чтобы так, как его, вы любили меня.

Катрин отшатнулась и посмотрела в родное лицо, искаженное лунным светом и отблесками пламени свечи.

— Что вы только что пели?

— Я не знаю, — пожал он плечами и грустно улыбнулся. — Где-то слышал, должно быть... Я и слова-то позабыл...

Маркиза вскочила на ноги.

— Где-то слышал, — передразнила она его. — Конечно! Песенки трубадура Скриба известны во всем королевстве.

И насмешливо проговорила:

Вся сила жизни — ясность ее глаз.
В которых страсти под покровом ночи
Есть исступленность... Ах, чужие очи!
Родные очи! Уст ее атлас -
Услады, вдохновения источник.
Они блаженство или боль пророчат?

— Вы измучили меня, маркиз де Конфьян! — в отчаянии воскликнула она, развернулась и пошла обратно в постель. Наступив на осколок, она поморщилась и зло отбросила его ногой в сторону. Забравшись снова под шкуры, она не выдержала и обиду свою холодно бросила в темноту: — Не завидуйте моему мужу, Якул. Моя любовь так докучает Его Светлости, что он с завидным постоянством бежит от нее.

— Несчастный глупец, — выдохнул Якул. — Несчастный глупец... Его любили.

Он медленно встал и прошел по комнате, наклонился, подняв с пола что-то из того, что валялось под ногами. Усмехнулся и сказал:

— Спасибо, что пощадили мой дульцимер. Вполне могли и его приложить о стену.

— В следующий раз я так и поступлю, — буркнула из-под шкуры Катрин.

Он посмотрел на постель. Улыбка на его лице расплзлась все шире.

Бросил назад на пол побрякушку, подобранную мгновение назад. И широким шагом пересек комнату, откинул с женщины шкуру, схватил за плечи и приподнял, чтобы их лица оказались так близко, что стал слышать ее дыхание.

— Ну, довольно, — шепнул Якул и завладел ее губами.

Со всей силой она уперлась ему в грудь руками, пытаясь вырваться из его почти жестокого объятия. И отвернулась, отняв у него губы.

Не понимая толком, что происходит, что произошло, что он делает, Якул снова дернул ее на себя, глаза в глаза, опаяя взглядом. И никогда ему не подходило так его прозвище, как в это самое мгновение.

— Ты нужна мне. Если бы только ты знала, как ты нужна мне.

Катрин начала брыкаться с еще большей яростью.

— Оставьте! — фыркнула она. — Вы столько месяцев обходились без меня.

— Сколько месяцев? Сколько? — выкрикнул он. — Я знаю тебя второй день, но ты уже теперь заслонила мне солнце! Уже сейчас ты забрала мое сердце!

Вдруг губы его скривились в презрительной усмешке, а в глазах отразилась догадка. И он ослабил хватку:

— Ах, да... Знатная маркиза и разбойник... Какая пошлость...

От удивления Катрин приоткрыла рот, позабыв, что хотела сказать. На мгновение замерла и вдруг расхохоталась. Громко и весело.

— Так значит, пошлость? — сквозь смех, проговорила она. — Поверьте, не бóльшая пошлость, чем герцогиня и трубадур.

Он непонимающе глядел в ее гневное лицо. Одно, два, три мгновения. Потом оторвал от нее взгляд и тихо сказал:

— Я устал... Можете спать спокойно, я не потревожу вас. Завтра же изыщу способ доставить Вашу Светлость к королю.

— А если я не поеду? — усмехнулась Катрин.

Якул только мотнул головой. Отчего-то ему казалось, что теперь уже он сходит с ума. Впрочем, он и был безумен. Давно. Одно он знал наверняка — он любил эту женщину. Он любил только эту женщину всю свою жизнь. Хоть и не знал ее. Но сердце его ее узнавало.

— Чего вы хотите от меня, мадам? — хрипло спросил он. — Прикажите. Вы можете приказать, куда я еще жив. Потому что мне неизвестно, что будет завтра. Конец у таких историй один. И он несчастливый.

Усмешка сползла с губ маркизы. Однажды она его уже похоронила. И умирала день за днем без него. Она не сможет пройти через подобное снова. И жить вдали от него не сможет.

— Почему вы здесь? Почему не оставите все это?

— Потому что другой жизни я не знаю. У меня нет выбора. Я как загнанный зверь на последнем издыхании.

— Станьте моим мужем! — выдохнула она. — Уедем отсюда вместе. Вы поможете мне избавиться от графа Салета. И в Трезмоне снова наступит мир.

На некоторое время он утратил дар речи. Просто смотрел на нее, пытаясь понять, насколько она серьезна. И вдруг не выдержал, чувствуя, что к горлу подкатывает смех. Расхохотался. Зло. Неистово. Отчаянно. Оборвав свой смех на полувдохе странным всхлипом, напоминающим синий лай.

— Вы любите меня? — спросил он, чувствуя себя так, будто опьянел. Но ведь он никогда не пьянел.

Катрин ласково улыбнулась ему. Все это уже однажды было. И даже если он забыл, она станет помнить за них двоих. Она приблизила к нему свое лицо и прошептала:

— Когда вы увидите наших сыновей, вы перестанете сомневаться в этом.

— Безумная, — шепнул он в ее губы, почти касаясь их, — такая же безумная, как и я.

Даже если бы теперь она попыталась отстраниться, он бы не позволил. В том больше не было смысла. Он сдергивал с тонкого плеча камизу, покрывая частыми жадными поцелуями шею, ловя губами биение ее сердца где-то у горла. Ниже, к ключице. Еще ниже. Туда, где так мешала ткань. Остановился на одно мгновение и помог ей снять одежду. Потом опрокинул ее на постель, где среди шкур и диковинных расшитых цветными нитями подушек, будто уже навсегда, затерялся запах ее волос — те пахли дикими травами и ветром. Он скользил губами по ее телу, не успевая восхититься, но так желая насытиться ею. И знал: никогда ему не насытиться. Она навсегда останется только мечтой, потому что большего быть не может. Не в его жизни. Да, они безумны оба. Его, разбойника, она любила вместо своего мужа. Что за рана была в ее душе? Что за рана была в его? Отчего теперь, соприкоснувшись, эти раны оказывались будто близнецами, зеркальными отражениями? Словно бы их, сросшихся душами, однажды оторвали друг от друга?

— Катрин, — шептал он ей на ухо, возвращаясь к лицу, — Катрин...

И снова овладевал ее губами. Он никогда не устанет целовать эти губы. Не было ни слаже их, ни горше. Потому что они были единственными губами, какие он желал знать.

Сдергивал с себя одеяние. Нетерпеливо, почти сердито. Потому что не мог быть вдали от нее теперь и нескольких секунд. Иначе снова начинала болеть душа там, где она переставала касаться ее души.

Она прижималась к нему так, чтобы больше никогда не оторвать. Так, что снова слышала его душу и чувствовала его сердце. Ее пальцы скользили по его лицу, плечам, рукам, спине так, чтобы увериться, что он тот же, каким жил в ее воспоминаниях. Он был тем же, несмотря ни на что. Он был прежним, тем, что одним лишь легким прикосновением губ дарил ей счастье. Только сейчас она поняла, как сильно скучала по его рукам, губам. По его глазам, которые всегда смотрели на нее так, что она начинала летать. Чтобы увидеть их в лунном свете, проникающем сквозь окно, Катрин чуть оттолкнула его от себя. И застыла.

Лунный луч выхватил грубый шрам у самого сердца. Она протянула руку, но так и не осмелилась коснуться нежной, почти свежей полупрозрачной кожи.

— Серж, — вырвалось у нее глухим стоном.

— Мое имя Якул, — прохрипел он. — Якул, слышишь?

Катрин закрыла глаза и обхватила его за шею. Не говоря больше ни слова, не издав ни звука. В своей тишине она слушала его душу и чувствовала его шрам у самого своего сердца.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонский замок

— И вот, что скажу я вам, дорогие мессирсы! — воскликнул фрейхерр Кайзерлинг, сидевший по левую руку графа Салета за длинным дубовым столом в огромном зале для трапез, где собрались первые из мятежников и приближенные короля. — Мы оттого теперь здесь, что главное в нас — отношение к доброй мужской дружбе! Где бы я был, коли б не дружба дражайшего Фридриха Гогенштауфена из Вестфалии? Он отправил меня посланцем год назад в Трезмон. И с той самой поры не могу я добраться до дома — в дружбу должен я оставаться здесь, поскольку наилучшее, что можно по дружбе сделать моему благодетелю, это устроить добрососедские отношения с правителем Трезмона! Беда в том, мессирсы, что правитель Трезмона дружбы водить с нами не пожелал! Зато граф Салет оказался самым что ни на есть дружественным человеком всех провинций. Не оттого ли он объединил нас, славные мессирсы? Не потому ли стали мы под его знамена? Что ни говорите, а я, фрейхерр Кайзерлинг из Вестфалии, не имел другого пути, как помочь ему! И во благо своего правителя. И во благо Трезмона. И во благо родной Вестфалии! Мы пришли предложить дружбу и вам. Все мы приняли посвящение боем. Так пусть же это будет посвящением в добрую, крепкую, нерушимую мужскую дружбу, мессирсы!

Рыцари молчали в ответ, лишь мрачно переглядываясь. Приехавшие в замок чужаки, принесшие известия о гибели Его Величества, сперва заставили их растеряться. Теперь же, когда они по милости и глупости вассалов короля оказались в замке, выкурить их отсюда представлялось сложной задачей.

— Граф! — пробасил один из советников Его Величества. — На рассвете мы выдвинемся на поиски останков нашего сюзерена. Нам нужен будет провожатый из числа ваших людей, чтобы указать место побоища.

Салет оторвался от жареного окорока, который до этого с удовольствием поглощал, и сказал:

— Вы возьмете моих людей, сколько будет нужно, но короля вы от прочих не отличите — тела обгорели до неузнаваемости. Конечно, их нужно похоронить, как подобает, со всеми почестями. Но в королевский склеп кого укладывать непонятно.

— Короля! — громыхнул советник. — Я знаю его с детства. Вы полагаете, я не узнал бы его?

Граф широко улыбнулся в ответ на его слова и ответил:

— Как вам будет угодно, мессир. Все, что я могу, я сделаю для Трезмона.

По правую его руку чуть закашлялся брат Ницетас:

— Коли Господу будет угодно, чтобы тело Его Величества покоилось в его земле, то кто мы такие, чтобы не помочь исполняющим Его волю? Мессирсы, мы не варвары. Мы пришли помочь королевству.

— И подружиться с теми, кто остался милостью проклятой ведьмы без своего короля! — добавил фрейхерр Кайзерлинг, нисколько не обратив внимания на то, как скрипнули зубы советника. — Потому что нет ничего лучше доброй мужской дружбы, мессирсы! Вот уж что я буду всегда теперь вспоминать, так это медовый напиток в вашем королевстве! Славно его у вас готовят, ох славно!

К ночи доблестное рыцарство бывших мятежников стало маяться животами. Да так

маяться, что и к утру не уснули. Не видали прежде стены Фенеллы столько голых задов одновременно.

И только старая Барбара, сидя на своей кухне да начищая до блеска сковородку, тихонько ворчала любезному своему супругу, мяснику Шарлю:

— Видит Бог, добрый мой муж, не было иного у меня пути. Чтоб у них кишки повылезали, у паскудников! Вот вернется славный наш король да и спросит: «Что ты сделала, Барбара, чтобы изгнать этих разбойников из Трезмона?» И что я ему бы сказала? Стыдиться трусости в моем возрасте не пристало. Уж лучше сделать да жалеть, чем жалеть о несделанном! Верно тебе говорю! Завтра к утру еще им меду добавлю. Пусть хоть запьются! Неделя такой жизни — уедут сами!

— Или два дня, и поймут, что к чему. Тут-то тебя и казнят за твои проделки, — хмуро ответил ей Шарль. А в ответ на ее слезы, утешил ее старым, как мир, способом — в излюбленной их кладовой.

«Ну ничего, ничего! Отойдут рыцари! Королевству и так конец! А через день-два казнят нашего милого кузена, и точно никто ничего не вернет! Всего-то и нужно — набраться терпения!»

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Ветер трепал его волосы, а он все не мог оторвать глаз от горизонта, где вновь разливался кровавый рассвет. Здесь, на Ястребиной горе, рассветы казались ярче, чем где бы то ни было на земле. А впрочем, что на этой земле он видел, кроме своей Ястребиной горы?

Он проснулся оттого, что очень остро почувствовал ее дыхание на своей щеке. Они так и заснули — сплетаясь телами. Странно... так странно... Он любил ее. Он понял это в то мгновение, когда увидел ее в конюшне в первый же вечер. Между ними было нечто, что нельзя разорвать. И она тоже любила его — невозможно было поверить, что это что-то иное, не любовь. Но при этом в ее сердце он слился с образом покойного мужа... Да, люди сумасшедшие! Все до единого! Люди ищут любовь там, где может быть только отчаяние и смерть. Да, они готовы стать уязвимыми ради единственного мгновения счастья. И все равно, что боль после будет еще страшнее. Все равно...

Он очень долго смотрел на нее в полумраке. И знал, что им отведены крохи... И она всегда будет звать его чужим именем. А он всегда будет желать, чтобы любила она его. Его, а не того, который умер. И всегда будет смиряться с той ее любовью, которая оказалась сильнее смерти. Господи... чьей смерти? Сержа де Конфьяна или его собственной? Может быть, это знамение? Предвестник? Что ж... Наверное, это было бы освобождением... И единственное, с чем ему страшно расстаться — так это с ней.

Он выбрался из-под шкуры, боясь разбудить маркизу. Оделся в полутьме и, бросив последний взгляд на Катрин, вышел из комнаты. Поднялся по винтовой лестнице и выбрался на крышу башни, где была смотровая площадка — его собственное гнездо якула.

— Все готово, — услышал он голос Шаню.

— Никталь уже пришла?

— Где ж ей быть? Прибежала. Она для тебя что угодно сделает, Якул.

Он пожал плечами. Те самые первые дни, когда он вынырнул из пропасти, определили все. Никталь спасла его, дала ему новую жизнь. Если бы у него была мать — и та не сделала бы столько. Но, Господи... Иногда он ненавидел Никталь за собственное спасение. Потому что жизнь его была пыткой. Он делал то, чего не хотел, жил с людьми, которые были ему чужими, и вырваться из этого ада не мог. Что-то держало. Будто здесь эту гору обнесли стеной, которую видел только он один. И только его одного она не пускала.

— Хорошо, — произнес Якул. — Тогда начинайте. Я скоро приду. Вино для висельника приготовили?

— Да он уже на ногах не стоит, — рассмеялся Шаню.

— Вот и славно. Пропадать не так страшно, — разбойник улыбнулся и подмигнул цыгану.

А после проследовал к люку вниз и спустился, считая ступени в подземелье. К упрямому рыцарю, который стал его собственным испытанием.

Шаги в коридоре и приближающийся свет означали для Мишеля наступление утра. И значит, пришло время новой казни. Этой ночью король заставил себя заснуть, изгнав всех призраков из мыслей. Он знал, что с каждым днем этих призраков будет становиться все больше. Но так и не придумал, как это изменить.

Мишель поднялся на ноги.

— Вы всегда были слишком настойчивы, маркиз, — проворчал он.

— Довольно! — холодно ответил разбойник. — Моя имя Якул. Зовите меня Якул.

— Даже Скриб звучало приличнее, — хохотнул Мишель.

— Трубадур, известный на все королевство... А вы, мессир? Вы так и не решили позволить мне помочь вам?

— Мне нравится ваше гостеприимство. Не хочу покидать вас раньше времени, — манерно кивнул Его Величество.

— Как вам будет угодно, мессир, — Якул не менее манерно поклонился. Слишком манерно для простолюдина.

Он распахнул дверь, вынул кинжал и кивнул пленнику в сторону выхода.

— Я полагаю, нет смысла и дальше ходить вокруг да около. Мы подготовили для вас новое представление. Все балаганные шуты в сборе. Ждут только вас и меня.

На дворе короля встретил резкий порыв ветра, бросивший ему в лицо горсть колючих снежинок. Тяжелый полумрак от затянувших небо свинцовых туч несколько скрывал приготовленный для казни помост. Все остальное, как и вчера. Петля в ожидании своей жертвы, безучастные зрители, которых, кажется, было меньше.

Мишель нахмурился.

— А где де Бриллы? — неожиданно спросил он.

— Зарыт у подножия горы. Он был верен вам. И не заслужил того, чтобы по вашей милости болтаться здесь. Но, уверяю, когда черед дойдет до вас, вы будете очень долго раскачиваться на этом суку.

— Благодарю вас, буду ждать с нетерпением, — ответил Мишель и повернулся к дереву с петлей.

Якул напряженно проследил за его взглядом. А потом резко дернулся и посмотрел в сторону задворка, с которого Шаню тащил рыцаря, совсем не стоявшего на ногах. Этот был еще молод, силен... И наверняка счастлив служить у знатного господина, сделавшись гордостью своей семьи. А теперь у него отнимали жизнь по велению и прихоти людей, которых он не знал, и какие не имели к нему никакого отношения. Якул поморщился, глядя на ноги юноши, одетого в одну камизу. Когда ему на голову надевали мешок, он не устоял, упал навзничь. И Шаню, ослепительно улыбнувшись, выкрикнул:

— Перебрал ты, брат, эликсира храбрости!

— Зачем вы его напоили, маркиз? — не глядя на Сержа, спросил Его Величество. — Молодой де Вержи никогда не пил много вина.

— Это было его последнее желание, — усмехнулся Якул, в очередной раз пропустив мимо ушей «маркиза». — Точнее он просил еще и девку, но это, право, слишком.

Тем временем Шаню завел несчастного, уже даже ноги не волочившего, за помост, и вскоре втащил наверх, с трудом продев его голову в петлю — малый, кажется, уснул.

— Итак, мессир, вы по-прежнему будете молчать? — спросил Якул.

Ответом ему послужил вой ветра.

Взгляд Якула сверкнул яростью, и предводитель разбойников махнул рукой, давая команду рубить веревки на подпорах. Шаню ловко спрыгнул с помоста, а люди заработали топорами. Когда подпоры рухнули, тело свесилось и, раскачиваемое ветром, больше походило на тряпичную куклу.

— Его счастье, он даже ничего не понял, — процедил сквозь зубы Якул.

Его Величество посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Мне жаль вас, маркиз. И жаль, что я не в силах вам помочь.

Как и вчерашним утром, Мишель развернулся и стал спускаться по лестнице в свою темницу.

— Мое имя Якул. Якул, — выдохнул разбойник, глядя, как Шаню торопится к валунам на краю горы вместо того, чтобы запереть пленника. — Мусташ! — яростно позвал предводитель.

Двое разбойников перерубили веревки на помосте, и Катрин зажмурилась. Сколько еще ей предстоит увидеть казней, прежде чем она решится хотя бы попробовать убежать отсюда?

Проснувшись поутру от скрипа двери, она долго лежала, подтянув ноги к груди и не открывая глаз. Он прав, она безумна. И в голову ей приходили безумные мысли. Сегодня ночью она изменила своему мужу со своим же собственным супругом. Сначала, боясь пошевелиться, Катрин прислушивалась к его дыханию, собираясь перебраться на лавку, как только уверится, что он заснул. И вдруг вспомнила... «...с дерева в него выстрелили из лука и пронзили самую грудь» Что случилось потом? Почему он остался здесь? Не имея сил покинуть его, Катрин лишь теснее прижалась к Сержу.

Открыв, наконец, глаза, маркиза долго смотрела в одну точку перед собой, ничего не видя. Вчерашние мысли вернулись снова, мучая отсутствием ответов. Может, Никталь знает, что произошло? Но где ее искать...

Она медленно поднялась с кровати и, закутавшись в шкуру, подошла к окну, чтобы вновь увидеть, кем стал ее муж — равнодушным убийцей. Но даже такой он ей дороже всего остального мира. И никогда никуда она от него не убежит. Потому что она безумна.

Дверь грохнула. И за спиной маркизы раздались тяжелые шаги. Катрин вздрогнула и обернулась. Вгляделась в лицо мужа, пытаясь понять, что он чувствует.

Якул же стоял, привалившись к стене, и обреченно смотрел на нее. Да, он был прав прошлой ночью, когда говорил, что он загнанный зверь. Никогда в жизни не был более загнан, чем в эту минуту.

— Вы видели? — глухо спросил Якул.

— Видела. Вам нравится, когда много зрителей?

— Нет. Мне не нравится.

Он будто с трудом отлепился от стены и подошел к Катрин.

— Это представление было не для ваших глаз, Ваша Светлость.

— Для чьих? — она отвернулась к окну, где по-прежнему болталось на ветру тело рыцаря.

— Для одного упрянца, который знает, что у него нет выбора. И все-таки выбирает.

— Разве вы не поступаете так же? — усмехнулась Катрин.

Якул посмотрел в окно и прошептал:

— В том-то самое страшное. У нас обоих выбора нет. Либо он сломает меня. Либо я сломаю его. И это будет означать гибель. Для каждого из нас.

— Отпустите рыцаря. Зачем он вам? Ради выкупа?

Якул криво усмехнулся.

— Ради выкупа, — легко бросил он. — Я ведь презренный разбойник, мадам.

Катрин повернулась к нему и быстро зашептала:

— Так уедемте со мной! Вы больше не будете нуждаться ни в чем и никогда! Будете жить в роскоши, никого не грабя и не убивая.

— Вы верите в рок, мадам?

— Вам нравится то, чем вы занимаетесь? — ответила она вопросом на вопрос.

— Господи, Катрин... Это моя жизнь. Пришедший из бездны не несет ничего, кроме бездны. Я не умею иначе.

— Откуда вы знаете?

Якул кивнул на окно, где так и болтался висельник. На щеках его заходили желваки. Казалось, он в бешенстве.

— У него спросите, — прорычал он.

— Я спрашиваю у вас. Вы пробовали оставить все это?

— А это вас не касается, Ваша Светлость.

Катрин отвернулась от мужа и пошла вдоль комнаты, по дороге сердито отбрасывая ногами все, что попадалось от вчерашнего беспорядка. Забравшись на постель, она с насмешкой спросила его:

— Здесь мое место, не так ли?

Он побледнел. Сжал кулаки. Потом разжал их. Медленно приблизился к маркизе и надменно проговорил:

— Я уже говорил вам — вы свободны. И вольны поступать по своему разумению. Но Боже вас упаси от того, чтобы соваться в мою душу. Испачкаетесь.

— С чего бы? Я уморила двух мужей. И чувствую себя прекрасно.

Он ничего не ответил на ее слова. Смерил ее, такую прекрасную, трогательную и воинственную одновременно, усталым взглядом и пошел прочь, как и она минуту назад, отбрасывая ногами в стороны все, что было опрокинуто на пол накануне. Дойдя до порога, Якул обернулся и бесстрастно сообщил:

— На закате я отправлю вас с провожатым в Трезмонский замок. Сами понимаете, среди бела дня моим людям путешествовать опасно.

И после этого вышел, громко хлопнул дверью, отделив, таким образом, себя от нее. И вместе с тем, та самая душа, в которую он велел ей не заглядывать, кровоточила.

— Коль я свободна, то не стану ждать вечера! Прямо сейчас и уйду! — зло крикнула Катрин ему вслед и, вскочив, стала быстро одеваться.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Мишель равнодушно слушал лязг запираемой за ним решетки. И вновь он остался один на один с темнотой. Правильно ли он поступал? Де Брильи был славным воином, но его жизненный путь вышел долгим. Молодой де Вержи еще мог совершить не один подвиг и покрыть себя славой, как и его отец, верой и правдой служивший Александру де Наве. Стоит ли его королевство жизнью людей, которые были ему близки? Ради Катрин де Конфьян он принял вызов графа Салета. Не задумываясь, что станет с королевством. А теперь он жертвует своими воинами в угоду Петрунелю Форжерону. Проклятый мэтр!

Его Величество прикрыл глаза. Все было белым, как борода старца. Ни единое пятнышко не нарушало слепящую белизну. И не было больше ничего. Ни дерева с петлей, ни висельника.

— У меня один путь, — прошептал он.

Сев в углу на тонкий тюфяк, Мишель опустил лицо в ладони и замер. Неожиданно на голову ему с потолка свалилось что-то мелкое и холодное и завозилось в волосах. Раздвинуло челку короля и заглянуло в лицо.

Мишель протянул руку, взял ящерицу, правый глаз которой неестественно подергивался, и посадил ее на край своего плаща.

— Зачем на этот раз пожаловали, магистр? — устало спросил Его Величество.

— Я все видел! — противным голосом заверещал Великий магистр Маглор Форжерон. — Ты понимаешь, что тебя тоже повесят? Понимаешь или нет? Кому я передам титул? О чем ты здесь думаешь? *Stultus stultorum rex!*

— О Мари и сыне...

— О Мари и сыне? — магистр открыл пасть. — То есть, глядя, как вешают твоих подданных, ты думаешь о Мари?

— Я думаю, это хорошо, что они сейчас не здесь. Мари будет проще устроиться в привычном ей мире. Потому что, когда меня не станет, здесь наверняка найдется тот, кто захочет сделаться ее опекуном и начнет принуждать ее к монастырю или неугоднему браку.

— *Podex perfectus es!* — завопила ящерица. — *Filius tu canis et cameli! Asinus Stultissimus! Canis matrem tuam subagiget! Faciem durum cacantis habes! Morologus es! Mihi irruma et te pedicabo!*

Еще долго она бегала кругами по плащу короля и изрыгала проклятия.

— Магистр, успокойтесь! У вас закружится голова и вас стошнит на мои одежды.

— Успокоиться? — Маглор Форжерон на минуту замер. — Успокоиться, говоришь? Мари и Мишель — там! Тебя здесь казнят! Ожерелье неизвестно где! Санграль я перетащить не могу, он мне не подчиняется! Салет решил короновать себя! А ты сидишь здесь и беспокоишься о чистоте своего плаща?

— Пока еще есть время, попробуйте все же найти ожерелье, — Мишель почесал ящерицу по голове.

— Я пытаюсь! Я постоянно пытаюсь! Мне мешает рыжий мальчик, который бежит по башне. Он постоянно что-то думает и сбивает меня!

Ящерица залезла на колени к королю и грустно устроила голову у него на ладони, жалобно заглядывая в глаза:

— Я не справлюсь один! Я стар! И у меня атеросклероз. В моем возрасте внуков нянчить, а я вместо этого пытаюсь вытащить тебя из петли!

— Vaе! Какой еще мальчик! Вы совсем с ума спятили!

Ящерица надула щеки и показала королю язык.

— Атеросклероз и маразм — разные вещи, король. Мальчик! Рыжий! Бегает все время то ли за маркизом, то ли от маркиза. Я не разобрался.

— А по-моему, все-таки маразм! Расколдоваться вы не можете, разобраться, кто в какую сторону бегают, — тоже. Ожерелье перенесли сюда и теперь даже не знаете, где оно находится, — Мишель вздохнул. — Магистр! Отправляйтесь к Мари. Здесь от вас проку мало. А там хотя бы повеселите принца.

— У меня встречное предложение, Ваше Величество! Давай я лучше сюда перенесу королеву. Мари — девочка смышленная. Найдет твое ожерелье. Ну, или в Трезмонский замок сбегает за Сангралем.

— Идите к дьяволу, магистр! — рявкнул Его Величество.

Ящерица вцепилась лапками в его плащ и стала карабкаться на плечо. Выходило скверно. Она скатывалась по ткани вниз, пыхтела, но ничего у нее не получалось. В конце концов, она стукнула хвостиком по колену короля и воскликнула:

— Как же ты не понимаешь, Мишель, что помочь больше некому?! Если Мари не поможет, ты умрешь! И это убьет ее!

Король, схватив ящерицу за хвост, отодрал ее от своего плаща и, глядя в ее по-прежнему дергающийся глаз, проворчал:

— Только посмейте!

В следующее мгновение в его пальцах трепыхался один только хвост.

Ящерица в ужасе привстала на задние лапы, потом посмотрела на свой зад и упала навзничь. Это был самый настоящий обморок.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонский замок

Промаявшись ночь животом, к утру граф Салет был недоволен. Кишки выворачивало так, что хоть на стену лезь. Пожалуй, сравниться это могло только с пытками в плену у сельджукских турок. Славный был плен! Чуть кожу с него в те времена не сняли. Промаявшись две недели на одной воде, едва живой, он был чудом спасен отрядом Рено де Шатильона. На нем тогда несколько месяцев все заживало.

— Ваша Светлость, — услышал он вдруг и неохотно поднял голову с подушки, — Ваша Светлость, завтрак готов.

— К черту завтрак! — рявкнул граф Салет и снова уронил голову на подушку. — Точно представлюсь с вашей чертовой трезмонской стряпней! Кто ужин готовил?

— Кухарка наша, старая Барбара.

— Четвертовать!

Спустя час, когда до кухни дошли вести о том, что Барбару-кухарку, жену мясника, велено казнить, там уже толпились наивернейшие подданные короля Мишеля, не желавшие отдавать милую их сердцу старуху.

— Казнить меня дано только моему повелителю! А граф Салет мне никто! Мошка из кучи навоза! — ругалась Барбара — совсем не изящно, не латынью.

Спустя еще час слова старой кухарки донесли до так и не вставшего в постели графа. Он сердито глядел на посланца и размышлял. В самом деле, что может он в этом королевстве без такой малости, как корона?

— Повелитель, говоришь, может казнить эту злодейку? — спросил граф дрожавшего, как осиновый лист, посланца. — Прекрасно! Королевству нужен король, и оно получит короля! Объявляй всем — Салет претендует на трон!

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Маркизе удалось незамеченной выбраться из башни. На дворе разбойников было немного — погода не располагала к посиделкам, и каждый из них был чем-то занят. Избегая смотреть на виселицу, шмыгнула за угол и, к неожиданной радости, увидела неширокую тропку, ведущую в перелесок. По ней она и пошла скорым шагом, мысленно продолжая спорить с Сержем. Она не знала, сколько времени почти бежала через лес и как далеко ушла от башни, когда почувствовала усталость в ногах и пустоту в голове. Привалившись к стволу дерева, Катрин ловила на ладонь редкие снежинки, сыпавшие с неба.

— Не поеду я ни в какой замок, Ваша Светлость! — улыбнулась она и прикрыла глаза.

— Так ведь и он тоже не поедет! — раздался возле нее веселый и звонкий женский голос. — Упрямец, каких свет не видывал!

Катрин оглянулась. Возле нее стояла ведьма Никталь, и правда, по-ведьмински тихо подкраваясь, будто явившаяся по воздуху.

— Ты-то мне как раз и нужна, — сказала маркиза. — Рассказывай, что здесь произошло прошлой осенью. И не вздумай мне врать!

— Гляди, какая ты быстрая! — засмеялась ведьма. Села на землю у ног Катрин и посмотрела на нее снизу вверх. — Никталь всегда правду говорит, за то и поплатилась.

— Не напускай таинственности на обычные вещи!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ведьма коротко рассмеялась и снова подняла голову, чтобы видеть лицо маркизы. Ее глаза казались теперь еще чернее, чем в свете свечи. И уродливые шрамы с толку не сбивали — когда-то и она была красива.

— Ты считаешь хоть что-то из происходящего здесь обычным? — спросила Никталь.

— А что необычного в том, что шайка разбойников, прячась в горных лесах, грабит и убивает? — пожалала плечами маркиза.

— И впрямь ничего! Но, может быть, если подумать, то, что это шайкой управляет не разбойник?

— Вот и расскажи мне, почему он ею управляет! — рассердилась Катрин.

— Он светлый, — шепнула Никталь. — А держит его тьма. И не пускает. Хочет к свету шагнуть, а мерещится ему, что тьма — это он сам. Все просто. Да ты и сама знаешь.

Катрин фыркнула:

— Что же ты, ведьма, не вылечишь его от тьмы?

Никталь опустила глаза, а потом резко вскочила на ноги и взяла маркизу за руку. Ладонь ее она приложила к своему лицу. Провела по буграм шрамов, по шероховатостям пересохшей кожи, по гладко выбритому черепу... Который оказался совсем не бритым — это был сплошной ожог, на котором не росли больше волосы.

— Я не ведьма, — мягко сказала Никталь. — Я не ведьма, я просто вижу тени и свет. И врачевать умею. Видишь. Жгли меня за это. Больно жгли. Пламя вокруг было адово. А дождь пошел, загасил кострище. Значит, есть Господь. Берегись людей. Ненавидят тебя за красоту твою. За силу любить ненавидят.

Не отнимая руки, Катрин слушала Никталь.

— Глупости говоришь, — негромко бросила она. — С чего мне людей беречься? Это все

Салет. Жадный он. А к красоте да любви он равнодушен.

— Пусть будет так, моя хорошая, — ведьма грустно улыбнулась и отступила на шаг. Руки ее свесились вдоль тела, словно бы сил у нее теперь не было. И заговорила она тихо, устало, безо всяких красок в голосе: — Его принесли ко мне осенью, когда лес стал золотистым, но еще не начал становиться серым. Он чуть дышал, говорили, не выживет. Грудь ему стрела пронзила. Ее подожгли сперва, а потом уже запустили. Но я слушала его сердце, и оно говорило мне, что не все еще кончено, что он хочет жить и будет жить. Я выхаживала его в этой башне, в змеином гнезде. Я и цыган Шаню. Он метался в бреду несколько дней, а потом глаза распахнул... и ничего не сказал. Ни о чем не спрашивал. И вопросов слушать не хотел. Будто не пускал никого... Лишь после я увидела — это его не пускают.

— Это он велел могилу свою сделать? — не глядя на женщину, спросила маркиза.

— О какой могиле ты говоришь?

— Король Мишель видел его могилу. И обещал... по весне... — Катрин замолчала, не в силах продолжать.

— Якула могилу? — переспросила ведьма. — Зачем ему могила, когда он живой?

— Откуда вообще взялось это имя? — устало спросила Катрин.

— Так его Шаню окрестил. Он говорил, что, когда на Якула в лесу напали, он на прежнего атамана так с мечом наскочил — ну, сущий летучий змей. Его за то предводителем и вынудили стать. Разбойники ценят отвагу и силу. Другого языка они не знают. Он выбрал жизнь и взял это имя.

— А прежнее похоронил, — прошептала маркиза и отвернулась. — С новым именем легко быть отважным и сильным с пленниками, верно, ведьма?

Никталь посмотрела на Катрин и улыбнулась, обнажив удивительно белые и ровные зубы.

— Это ты про упрямого рыцаря, который тоже имя свое забыл?

— А есть еще какой?

— Есть еще пятеро в колодце, которые усердно помогают ему не помнить. А ведь назовись он, Якул получил бы свой выкуп и отпустил бы их восвояси.

— Так рыцарь тот, наверное, велит им помогать?

— Уж не знаю, милая. То мне не ведомо. Знаю только, что смерть им принять проще, чем выдать имя упрямого рыцаря. Вот и сидят в колодце. Каждый день выбирают, кого следующим повесят. А тот в темнице томится. И молчит!

— Может, ему тоже прежнее имя не по душе. Вот и забыл он его, — усмехнулась маркиза, оттолкнулась от дерева и побрела по тропинке дальше в лес.

Ведьма же смотрела ей вслед еще некоторое время, потом содрала с дерева, о которое опиралась маркиза, кусочек мха, понюхала его, растерла пальцем по ладони да и сунула в суму, висевшую на поясе.

— Ну, поглядим, правду ли говорят, что от похмелья верное средство, — проворчала она себе под нос и направилась вниз, к подножию горы.

30 декабря 2015 года, Париж

Детей пришлось поделить. Полю достался Серж-младший. У этого изверга, кажется, никогда не садилась батарейки. На улице глаза мальчишки округлились, он все время тыкал во что-то пальцем и категорически отказывался быть на руках, оглашая окрестность воплем: «Сааам!». Поль опускал его на дорожку сквера недалеко от дома Лиз, где Его Светлости постоянно норовил опуститься на четвереньки — так двигаться у него получалось гораздо быстрее и увереннее.

Минут через тридцать Поль чувствовал себя совершенно разбитым. Он не уставал так, даже когда приходилось рубить лес, чтобы расчистить место для новой келарни. А тогда приходилось работать по десять часов в сутки, и ему часто доводилось пропускать часы молитвы.

— Лииз! — обернулся Поль в поисках подруги, пытаясь все же одним глазом следить за неугомонным пацаном.

Лиз держала Мишеля подмышкой и разговаривала по телефону. Юного принца, кажется, столь непочтительное к нему отношение нисколько не смущало. Он отчаянно тянулся к ее руке с телефоном, но перехватить его ему не удавалось. Он морщился, казался очень серьезным, но в истерику не впадал — не пристало особе королевской крови рыдать на весь сквер.

Услышав голос Поля, Лиз обернулась. Вид ее был не самым радостным.

— У? — спросила она, не отнимая трубки от уха, и тут же закричала в телефон: — Нет! Я сказала, что это исключено! Конкретно сейчас все должно быть именно так, как эти засранцы хотят!

— Может, хватит им свежего воздуха? — с надеждой в голосе спросил Поль.

— Хватит! — решительно объявила Лиз то ли Полю, то ли собеседнику из телефона. — Я еду. Разберусь на месте.

— Ты куда? А мы?

В это время Серж-младший снова плюхнулся на колени и жизнерадостно пополз в сторону прогуливающегося вместе с хозяином мраморного дога.

— Со мной, разумеется! — рывнула Лиз, пытаясь спрятать свой телефон. Это вызвало живейшее негодование Его Высочества. Лиз погрозила ему пальцем и посмотрела на Поля. — Пусть Мари сама с рыжим отсыпается. А ты бери этого и поехали. Устроишься с монстрами на заднем сидении.

Поль устремился за юным маркизом, поймав его за капюшон комбинезона и предусмотрительно сунув ему в рот леденец на палочке, помчался за девушкой.

— Мы куда? — поинтересовался он на ходу.

— Как минимум взрывать офис одного придурка, который вино нам в ресторан поставляет. Как максимум — разрывать с ним контракт.

Лиз открыла дверцу машины и кивнула Полю:

— Заодно посмотришь, какая я неумеха в ведении дел.

Поль запихнул обоих детей в салон, уселся рядом и сообщил:

— Ни фигя не понял, что ты хочешь сделать с придурком.

— Убить и закопать где-нибудь в лесу. И эти двое, — она кивнула на малолетних

аристократов, — определенно готовы стать соучастниками.

Устроившись в авто, Лиз решительно спросила:

— Готовы?

— Готовы? — повторил Серж и живо занял место между передними сидениями.

— Весь в папашу, — проворчал бывший монах и подпер юного трубадура коленом.

Вино, как и прочие алкогольные напитки, в ресторан семейства де Савинье поставляла маленькая, но давно хорошо зарекомендовавшая себя компания, с которой у месье Пьера де Савинье завязались партнерские отношения много лет назад. Почему сейчас они сорвали поставку Chateau La Lagune 2009 года, Лиз искренно не понимала. А заказчик, который устраивал вечеринку в ресторане в новогоднюю ночь, хотел именно это вино. Именно. Это. И у Лиз это был шанс доказать отцу, что она на что-то там способна в управлении рестораном. У отца не было вариантов, кроме нее. Брат и младшая сестра избрали себе совсем иной род деятельности. Лиз же бредила ресторанным бизнесом с тех пор, как в пятилетнем возрасте переступила порог «Chateau du troubadour».

И она совсем не была готова к тому, чтобы потерять этого заказчика.

Они доехали до Ля Дефанс в рекордный срок.

Припарковав авто возле высотного здания, где размещался офис поставщика, Лиз спросила:

— Со мной или здесь ждете? Это может быть надолго, — замолчала, подумала и тут же добавила жалостливым голосом: — И мне нужна группа поддержки.

— Конечно, с тобой, — оживившись, ответил Поль, который всю дорогу уныло наблюдал за фигурным вождением Лиз. И ведь она не отстанет от него. Заставит идти на эти дебилские курсы. Их сумасшедшая гонка по вертикали нравилась только мелкому извергу. Он радостно смеялся, пританцовывая в такт музыке, раздававшейся из динамиков.

Выскочив из автомобиля, Поль выволок Сержа и Мишеля, подхватил их обоих подмышки и широким шагом пошел рядом с Лиз. С твердым намерением помочь ей хоть в убийстве, хоть в закапывании трупа.

Собственно, мадемуазель де Савинье была настроена самым решительным образом. Пройдя через стеклянную дверь, уже совсем механически придержала ее, чтобы вошел Поль с детьми. А потом была увлекательная поездка в лифте на десятый этаж. Дети притихли и с опаской поглядывали по сторонам.

В кабинет месье Венуа ворвались всей толпой, несмотря на просьбы секретаря подождать в приемной.

— Заказ отгружен со склада и доставляется, — с каменным лицом и лишенным всяких эмоций голосом заявил месье Венуа, выслушав ее тираду.

— Неделю доставляется? — рассерженно спросила Лиз.

— А доставляется откуда? Из соседнего государства? — уточнил Поль то ли у Лиз, то ли у хозяина кабинета, то ли у мальчишек, которых он устраивал на шикарном кожаном диване. Мишель обиженно крикнул, и Поль сунул ему в руки телефон. Любитель кнопочек тут же притих, в то время как Серж внимательно разглядывал величественного месье за столом.

— Наша компания занимается также доставкой вин из Италии и Испании, — невозмутимо ответил величественный месье.

— Chateau La Lagune 2009 года, Бордо, — процедила сквозь зубы Лиз. — Наш клиент хочет это. Тридцать бутылок. Наш сомелье заказал это. Тридцать бутылок. Но именно этого до сих пор нет. Вам придется выплачивать компенсацию за срыв банкета.

— Ваш сомелье оговаривал тридцатое декабря сроком поставки. Товар отгружен и доставляется.

— Значит, доставляется, — проговорил Поль, удобно расположившись на стуле перед месье Венуа. — Хотя уже должен быть доставлен, *matrem tuam*. Сегодня. В ресторан семьи Де Савинье. Так за каким дьяволом он все еще доставляется? — облокотившись на стол, Поль пристально посмотрел в глаза поставщика.

Лиз едва не подпрыгнула на месте, глядя на вклинившегося в разговор бывшего монаха из двенадцатого века.

— До конца рабочего дня еще больше двух часов.

— Мы ждали вас до обеда! — приходя в себя от делового вида Поля, заявила Лиз. — Вечером приезжает клиент! Если все не будет готово!..

Клиент, к слову, был настоящим прыщом на заднице — желал воочию убедиться в том, что подготовка к вечеринке проходит идеально.

— Лиз, — Поль неожиданно отвернулся от хозяина кабинета. — Мне кажется, этот человек больше не хочет, чтобы твой ресторан покупал у него вино.

— Точняк. Не хочет, — сердито фыркнула Лиз.

— Послушайте, — месье Венуа устало потер виски, — мы работаем вместе много лет. Такой инцидент происходит впервые. Да, в том числе и по нашей вине. Вино задержали из Бордо, сомелье не указал, насколько срочен заказ. Свободных машин не было. На данный момент вино отгружено. Можете пройти на склад и убедиться. Машина отправляется через двадцать минут. Я надеюсь.

— На вашем месте, я бы в это верил, — вкрадчиво сказал Поль. — Потому как в противном случае...

За спиной его раздался грохот. Он обернулся и увидел довольного собой маркиза, вытягивающего бутылки из деревянного стеллажа.

— Ой, — пискнула Лиз. Юный принц вслед за маркизом тащил бутылку, та была для него слишком тяжелой, но мальчик отличался большим упрямством. Ему непременно нужна была бутылка, раз уж маркизу процесс вытаскивания так легко давался.

Не успела Лиз вскочить с кресла, как бутылка оказалась на полу... с отвалившимся горлом.

С радостным воплем Серж наблюдал некоторое время за растекающейся на полу лужей. Потом, обмакнув в нее пятерню, лизнул сам и протянул ладошку Его Высочеству.

— Вы с ума сошли? — возопил месье Венуа, вскакивая из-за стола и бросаясь к детям. — Вы видите, что они творят? Родители!

Вслед за ним к мальчикам подскочил Поль, отодвинув плечом хозяина кабинета.

— Не пугайте мне детей, — рыкнул он. Опустился на пол к юным аристократам, лизнул пальцы Сержа. И удивленно взглянул на маркиза. — Неужели вам это нравится, Ваша Светлость?

— Пррррррр, — протрещало в ответ.

— Лиз, — несостоявшийся винодел поднял голову, — ты когда-нибудь пробовала его вино?

— Пробовала, — ответила подросшая Лиз. — Если бы не пробовала, мы давно нашли другого поставщика!

— Эти — элитные, с двадцатилетней выдержкой, — раздался голос месье Венуа, исполненный гордости.

Глядя на лужу двадцатилетнего вина на полу, мадемуазель де Савинье поморщилась. Принц радостно намочил ладошку элитным напитком и шлепнул ее по лбу.

— Уверена? — с подозрением спросил Поль, не обращая внимания на заявления Венуа. — Потому что это, — он обмакнул ладонь в лужу и протянул ее Лиз, — в лучшем случае двух-, ну трехлетнее вино.

Лиз послушно лизнула ладонь Поля и улыбнулась.

— Это отличное вино!

— Это обычное вино!

— Одно из лучших, что я пробовала!

Поль что-то промычал...

— Если это, — он кивнул в сторону лужи, у которой происходила молчаливая потасовка: принц тянулся к луже, а юный маркиз его отталкивал, — лучшее, что ты пробовала... Я, пожалуй, заберу детей и вернусь домой.

— Домой в смысле домой или в смысле в Фенеллу? — охнула Лиз. Не то, чтобы она не была уверена, но все-таки свежи еще были воспоминания о самом дурацком утре в ее жизни, когда Поль решил, что он ей не нужен.

— Как это... ЭТО!!! может нравиться?! — Поль пожал плечами, поднялся и подхватил на руки Мишеля. Серж на четвереньках помчался, не оглядываясь, в сторону двери.

— Ну ты же не притащишь мне бочонок шардоне из своего гребанного двенадцатого века! Или, может, перепробуешь все вина на его складе, — Лиз кивнула на обалдевшего месье Венуа, — чтобы определить то, что хоть немного похоже на тот нектар, который водится только в твоём гребанном двенадцатом веке? Или, черт подери, скажешь, что еще, кроме вина, лучше в твоём гребанном двенадцатом веке?

В два шага добравшись до Сержа-младшего и привычно ухватив его за капюшон, Поль посмотрел на Лиз.

— Могу и перепробовать, — заявил он, — но и без этого я тебе скажу, что лучше. Я!

— Ах ты! — задыхнулась Лиз то ли от ярости, то ли от обожания. — Ты самый невыносимый, самый упрямый, самый бесстыжий!

«Самый любимый, самый добрый, самый лучший».

— А еще монах!

— Я не монах! Больше не монах! И тебе это известно лучше прочих. Лииз, — примирительно протянул Поль, — дело ведь не только в том, что это — херня, — он кивнул в сторону винной лужи. — Он тебе за сколько это продает?

— То, что мадемуазель Де Савинье заказала для ресторана — сто евро за бутылку, — вставил месье Венуа, с любопытством разглядывая «бывшего монаха».

— Оно такое же, как это?

Маленький Серж весело пнул ботинком стеклянное горлышко.

— На четырнадцать лет моложе, — обреченно вздохнула Лиз, понимая, что, кажется, поставщика все-таки придется менять. Как бы она ни возмущалась, а если в чем Поль и разбирался, то это в винах. Правда, большой вопрос — найдут ли они хоть что-то... лучше?

— Твою ж мать! — присвистнул Поль. — Да ему наверняка цена семь девяносто в ярмарочный день! С таким успехом проще заскочить в супермаркет. И к банкету успеем, и денег сэкономим.

— Я бы попросил! — рассердился месье Венуа. — Я не желаю выслушивать обвинения о некачественности моего товара от бывшего монаха из двенадцатого века!

— Клиент хочет это, — уныло пробормотала рестораторша, не обращая внимания на месье Венуа, и кивнула на чертову лужу на полу.

Поль расхохотался. Юные аристократы, отвлекшись каждый от своего занятия, не мигая, воззрились на него.

— Ты серьезно думаешь, что заметна разница между этим, — «монах» глянул на вино от месье Венуа, — и тем, что можно купить в обычном магазине?

Мишель и Серж дружно крякнули и поддержали смех своей няньки.

— Да? — спросила Лиз, глядя на троих мужчин перед собой и чувствуя себя идиоткой.

— Поехали! — заявил Поль. — С этим... виноторговцем потом разберемся. Толку от него все равно нет. А мелким скоро обедать, — он кивнул на мальчишек.

— Да? — снова переспросила Лиз.

Поль закатил глаза. Упрямство Лиз, которое очень часто вызывало у него особенное чувство, похожее на обожание, порой бывало нерациональным. Он вручил ей Мишеля, подхватил Сержа и, крепко ухватив за руку саму Лиз, уверенно повел ее из кабинета.

— А tout a l'heure! — бросил он перед тем, как громко хлопнуть дверью.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Он бродил по каменной пустоши за Ястребиной горой и думал о том, как просто было бы уйти туда, где садится солнце — по этой самой каменистой земле, кишашей змеями и пауками. Наступишь на камень, а из-под него покажется голова гадюки. Зашипит, кинется на ногу, обовьется вокруг, прокусит кожу, пустит яд. И все закончится. Так, как должно было закончиться еще несколько месяцев назад, когда он умирал в башне. И зачем только Никталь вдохнула жизнь в того, кто был обречен умирать?

Якул криво усмехнулся и пнул ногой камень. Но вместо змеиной шипящей головы обнаружил пустое гнездо авдотки. Он улыбнулся, склонился к земле и вернул камень на место. Пусть так. У всех свои гнезда. Даже те, в которые не возвращаются.

Скорым шагом Якул шел обратно, к башне. Она возвышалась среди крон деревьев и казалась ему сейчас неприступным замком. И даже грядущая смерть не могла быть страшнее этой неприступности.

«Довольно!» — Якул тряхнул головой и посмотрел в небо. Небо было серым, тяжелым, полным снега, будто свинца. Того и гляди, обрушится на землю метелью. И застрянут они в этой чертовой башне, покуда не успокоится. И завтрашнюю казнь придется отменить. Губы его растянулись в улыбку от этой мысли. Но самое восхитительное — маркизу он никуда не повезет. Она окажется здесь такой же пленницей, как и он сам. Хотя бы на время этой метели. Только бы та разразилась.

Он вдруг понял — у него нет сил прогнать ее. У него нет сил бороться с ней. У него нет сил оторваться от нее. Потому что она принадлежит ему так же, как и он ей. Он для нее — маркиз де Конфьян? Пусть! Он готов быть кем угодно для нее. Только бы она, только бы с ней.

И пусть день, два, три... И пусть потом она вернется к своей семье, к своим детям. Эти дни заменят ему целую жизнь, которой не было, которой не могло быть. И как так случилось, что за краткое время Катрин де Конфьян сделалась для него... всем?

Он поднимался по лестнице в свои покои. Распахнул дверь. Влетел в комнату. И замер. Катрин не было. Одежды, в которой она разгуливала накануне, что была брошена в кресло, не было тоже. Следующий час он и Шаню прочесывали башню и окрестности. К исходу его гнев Якула сменился отчаянием.

— Седлай Эле, — бросил он. — Поеду в деревню, быть может, она там.

— Умом ты тронулся, — отвечал цыган. — Опасно тебе показываться в деревне, Якул.

— Если она там, я сразу вернусь, — сердито буркнул разбойник. Просто знать, что с ней все хорошо. Что ее не загрызли в лесу дикие звери. Что она сама ушла, по своей воле. Это было больно. Но и достаточно, чтобы найти успокоение.

— Позволь, я поеду с тобой, — просил его Шаню на конюшне, похлопывая по крупу Эле.

— Оставайся. Надо снять висельника и все приготовить на завтра. Тебе нужно остаться, больше мне положиться не на кого, цыган.

И с этими словами он выехал во двор.

Чем ближе Катрин подходила к башне, тем чаще оглядывалась. Ей совсем не хотелось встретиться ни с кем из разбойников. Она собиралась заглянуть на конюшню, а после

вернуться в комнату Якула так же незаметно, как и утром. Осторожно пробираясь вдоль каменной стены, она выглянула из-за угла и уперлась взглядом в морду коня с черной отметиной.

— Игнис! — радостно вскрикнула маркиза и, достав из кармана яблоко, протянула ему. Конь фыркнул и взял губами лакомство.

— Вы безумны и решили свести с ума еще и меня! — раздался сверху голос Якула.

Катрин подняла на него удивленные глаза и прижалась к шее благородного животного, ничего не отвечая.

— Где вы были? Я искал вас.

— Гуляла. Вы, кажется, утверждали, что я не пленница.

— Вы соскучились по объятиям Мусташа? — осведомился разбойник. — У меня таких еще полсотни человек. А в лесу дикие звери.

— Может, и соскучилась... — она усмехнулась. Ей захотелось, чтобы все прошедшие месяцы, которые она провела без него, оказались дурным сном. И они стояли бы во дворе Конфьяна. И он бы сердился на нее. А она бы подшучивала над ним. Но, несмотря на то, что им довелось встретиться в логове разбойников, Катрин смотрела на мужа, и в душе ее разливалась бесконечная нежность. В эту минуту она была счастлива. Одним тем, что он жив. И может быть рядом. О будущем маркиза не позволяла себе думать.

Он же не знал, злиться ему или сгрести ее в охапку и расцеловать. И то, и другое представлялось одинаково заманчивым и невозможным. Вместо этого Якул чуть наклонился и протянул ей руку.

— А по мне вы не соскучились? — с улыбкой спросил он.

— Пожалуй, нет, — глядя на него, манерно ответила Катрин и, протянув Игнису еще одно яблоко, спросила: — Вы уезжаете?

Якул приподнял бровь, бросил поводья, наклонился еще ниже и, подхватив ее под руки, затащил на коня. Их лица на мгновение оказались так близко, что ему казалось, он чувствует тепло ее кожи. А румянец от легкого мороза на ее щеках казался таким очаровательным... Противиться порыву после прошедшей ночи было невыносимо. И он, глядя прямо ей в глаза, то ли спрашивая разрешения, то ли наоборот, утверждая свое право, поцеловал ее. Подчиняясь ему, Катрин пробралась руками под его плащ, притянула себя к нему как могла ближе и, прикрыв глаза, целовала его губы, лицо, глаза. Остановившись, чтобы вздохнуть, она прошептала, касаясь губами его кожи:

— И все-таки я твоя пленница, Якул?

Когда она назвала его имя, губы его дрогнули, будто с них должно было сорваться возражение. Но тут же сомкнулись, и на них отразилась легкая, чуть кривая улыбка.

— Нет, ты не пленница. Это я твой пленник.

Катрин улыбнулась ему в ответ.

— Тогда куда ты едешь? Я не отпускаю тебя.

— И никогда не отпустишь?

Она вмиг стала серьезной, и в глазах застыло все горе ее последних месяцев.

— Никогда. Я не умею жить без тебя. Совсем не умею.

Не отрывая глаз от лица Катрин, он взял ее ладони в свои руки, неторопливо сдернул одну рукавицу, перевернул ее и тихо сказал:

— Никталь однажды читала мою ладонь. Твою я хочу прочесть сам. Ты позволишь мне? Катрин кивнула.

— Чему еще научила тебя эта ведьма? — голос ее чуть заметно дрожал.

— Не терять рассудка тогда, когда сохранить его невозможно. Правда, в вашем случае наука ее бессильна.

Он опустил глаза и посмотрел на ладонь маркизы. Водил по ней пальцами, словно бы ласкал ее линии. Склонился еще ниже, обдавая ее теплом своего дыхания, и снова смотрел. А потом тихо рассмеялся и показал ей свою ладонь.

— Линии любви у нас с вами похожи. Четкие, прямые. Какие бывают у тех, кто способен любить лишь раз, но так, что без одного другой погибнет. Это наше с вами благословение. И наша с вами беда.

— Неправда! Любовь не может быть бедой, — маркиза отняла у него свою руку и надела рукавицу. — Отпустите меня. Я устала. А вы куда-то собирались...

— Не могу! — с улыбкой сказал он. — Не могу, потому что вы меня не отпускаете. Вы обещали.

В ответ Катрин всхлипнула, уткнулась ему в грудь и расплакалась.

Он замер, не зная, что делать. В его присутствии женщины рыдали лишь в том случае, когда он оставлял их. Это злило его и заставляло становиться жестоким. Но Катрин... мысль о том, что ей больно, причиняла боль и ему. И эта боль стала комом в горле. Горячим, обжигающим комом, который вырвался тихим шепотом:

— Не плачь... Не плачь... Господи, только не плачь, Катрин, любовь моя...

Она вздрогнула, сердито утерла слезы и проворчала:

— Хорошо, я не стану больше плакать. И я не поеду ни в какой замок. Можешь не утруждаться. Если же ты все-таки отправишь меня туда, то я сбегу по дороге.

Он только грустно улыбнулся. Будет другой день. И сердце ее станет разрываться от тоски по детям. Сколько она станет жить с ним так, в этой башне? Не женой, не венчаной... Не маркизой де Конфьян, а безымянной и бесправной спутницей человека, чья судьба — болтаться в петле подобно его жертвам. Якул... Какой он Якул? Предводитель стаи шакалов... Сколько она выдержит так? Как он потом сможет позволить ей уйти?

— Не отправлю, — глухо сказал разбойник. — Я хочу показать тебе свой мир, если ты хочешь его увидеть.

— Хочу, — проговорила она. Быть может, ей удастся понять, что в этом мире так держит его. И что оказалось сильнее их общего мира.

Он легко коснулся губами ее виска, снова вдохнув запах тонкой и бледной кожи. И подумал, что так бы и замер на всю жизнь, чтобы дышать ею.

После он стоял на вершине башни, опираясь руками на зубцы смотровой площадки, и смотрел, как лучи закатного солнца теряются в червонном золоте ее волос. Господи! Как он любил эти волосы! Если можно было стать счастливым, то только здесь и сейчас. Будет ли счастье потом? Нет, не будет. Есть одно мгновение, когда ее зеленый взгляд останавливается на нем. И в этом взгляде отражается их первый закат.

Катрин мечтательно смотрела вокруг себя. Дух захватывало от красоты, открывающейся с башни. Потом глянула вниз и подумала, что все, оставшееся там, не имеет значения. Оно так далеко, что даже не видно в сгущающихся сумерках и опускающемся с вершин тумане.

Маркиза придвинулась ближе к мужу, положила свою руку на его и негромко сказала:

— Здесь чудесно. Но тебе никогда не хотелось увидеть что-то другое? Есть места, где еще красивее.

— Здесь чудесно. И больше у меня нет ничего. Это все, что я могу дать.

— А я? У тебя есть я... — прошептала Катрин.

Он долго смотрел на нее, не зная, позабыв, как дышать. И, кажется, даже ветер смолк в ответ на ее слова.

— Да, — наконец, смог выдохнуть он, и сердце его вдруг забилося так часто, так отчаянно часто, но при этом боли уже больше не было. И с удивлением понял — в нем сейчас родилась надежда. Впервые за долгие месяцы. — Да, — засмеялся Якул, притягивая к себе Катрин, — ты у меня есть.

Она с улыбкой слушала его смех. А после обвила его шею руками, несколькими быстрыми поцелуями прикоснулась к его губам и, устроив голову у него на плече, спросила:

— А что еще прочитала Никталь на твоей ладони?

— Чтобы я опасался виселицы. Она может оборвать мою жизнь.

— Она глупая ведьма, Якул. Не верь ей, — буркнула Катрин, в попытке успокоить свое бестолковое сердце, замершее от его слов.

Как и в прошлый раз, губы его чуть дрогнули, будто бы возражая против того, чтобы она звала его этим именем. И точно так же, как в прошлый раз, расплзлись в улыбку. Она права... Любовь не бывает бедой. Любовь — это воздух.

— Не буду верить, — ответил он и, подхватив ее на руки, закружил по площадке. Их причудливые тени в золотом свечении солнца, казалось, танцевали на этих камнях. Да, солнце играло на закате, превращая их в миражи. Потому что потом их не было. Потом были только губы, тихий смех, глаза в глаза и голоса, рассеивающиеся где-то в воздухе и не долетавшие до подножия Ястребиной горы. Они были. И их не было. Как не бывает имен у душ. И только души — единственное, что есть настоящего.

«Matrem tuam! Что-то здесь совсем благодать! Еще немного, и распустят пленников, и начнут с разбойниками возделывать земли вокруг башни! Нет, нет! Этого допустить нельзя. Иначе вся интрига к чертям!»

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонский замок

Брат Ницетас стоял у зеркала, во все глаза глядя на собственное отражение. Теперь он казался себе особенно величественным. В праздничной сутане из сундука брата Паулюса его вид, и впрямь, был очень уж хорош. Да, брат Ницетас гордился собой. Ведь гордыня, хоть и грех, но весьма прощительный в его случае — войдет его имя в историю! А там и до канонизации недолго! Сперва он венчал покойного короля с королевой Мари. Теперь возведет на трон графа Салета.

От собственной значимости он высоко держал голову. И все казалось ему, что от всей его фигуры словно бы исходит неясное, но такое прекрасное свечение. Господь милостив к нему! Брат Ницетас мысленно возвел благодарственную молитву и повернулся к сундуку — пора было разоблачиться и отправляться почивать. На утро была назначена коронация. Пока что тайная. Но вскоре весь Трезмон узнает имя своего нового правителя и его соратников.

— Ох, и хорош же ты, монах! — услышал он за спиной голос фрейхерра Кайзерлинга. — Тебе бы армиями с таким-то телом командовать, на коне сидеть!

— Моя стезя — служба Господу, любезный Кайзерлинг, — отозвался брат Ницетас, раскладывая сутану на сундуке, чтобы не измялась до утра. — Вот и завтра послужу во славу Его и нашего отважного графа!

Фрейхерр Кайзерлинг прошел в комнату, которую прежде занимал брат Паулюс, и в которой устроился брат Ницетас. Внимательно оглядел мышцы на руках святого брата и скользнул глазами по его широкой груди.

— Объединил нас граф Салет, ничего не скажешь! Истинной дружбой наградил. Не желаешь ли выпить за эту радость.

Германец извлек из-под одежды флягу доброго вина.

— Отчего бы и не выпить, любезный Кайзерлинг? Пожалуй!

Как был, не одеваясь, прошел монах к столу и подал фрейхерру чаши. Тот наполнил их красным ароматным вином и поднял свою.

— За добрую мужскую дружбу! — объявил Кайзерлинг и подмигнул святому брату.

К утру у святого брата святости поубавилось. Чего не сделаешь ради доброй мужской дружбы с милейшим душкой-Кайзерлингом? Особо после того, как с женщинами, прямо скажем, не слишком ладилось.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

До самого горизонта небо было покрыто тяжелыми грозными тучами. Сыпались злые льдинки, больно бьющие в лицо. От сильного ветра гнулись ветви дерева, на котором вновь болталась пустующая петля. Маркиза ясно слышала, как скрипит она, раскачиваясь из стороны в сторону. Вот на помост вывели рыцаря, того самого, который всегда стоял рядом с Сержем. Теперь рядом с ним у стены башни, кутаясь в плащ, стояла Катрин. Ветер разведал ее непокрытые волосы, сплетая с волосами мужа.

И снова не успела маркиза разглядеть лица рыцаря — так быстро набросили ему мешок на голову. Серж махнул рукой, разбойники перерубили опоры помоста. И в тот же миг весь небосвод залился алым. А Серж обернулся белоснежным якулом, хлопнул крыльями и взмыл стрелой в кровавое небо. Откуда-то сверху раздался голос Никталь: «Опасайся виселицы, она оборвет твою жизнь».

Катрин спрятала лицо в ладони, почувствовала, как затекла рука, и открыла глаза. Комната в башне, чернота безлунной ночи, одинокая свеча и Серж, так привычно спящий у нее на плече.

«Опасайся виселицы...» — по-прежнему звучало у нее в ушах. Катрин внимательно вглядывалась в родные черты и не видела в них сейчас ничего разбойничьего. И не было полсотни головорезов, гуляющих где-то внизу. Не было висельников, появляющихся каждое утро под деревом. Не было рыцаря...

Рыцарь! Катрин осторожно, стараясь не разбудить мужа, выбралась из постели и на цыпочках засуетилась по комнате. Быстро оделась, пошарив по одежде Сержа, нашла связку ключей и выскользнула за дверь. Она выпустит рыцаря, томящегося в темнице. Тот спасет своих стражей. И тогда Якулу больше не придется их вешать. Эти люди не будут на его совести.

На дворе никого не оказалось. Да и кто в здравом уме в такую метель и в такой мороз будет среди ночи прогуливаться по свежему воздуху. Пьяные вопли разбойников раздавались с другого конца башни, где наверняка было весело и жарко. Катрин прокралась к двери, в которую каждый раз после казни уходил рыцарь, и медленно, наощупь стала спускаться по лестнице. По дороге ей попался догорающий чадящий факел. С ним она и добралась до камер, в одной из которых увидела лежавшего, отвернувшись к стене, незнакомца.

— Эй! — негромко окликнула она его. — Мессир, проснитесь!

Услышав женский голос, тот быстро обернулся к решетке. В слабом свете факела он увидел мальчишечью фигуру, которая пыталась что-то сделать с замком.

Он поднялся, подошел ближе и присвистнул.

— Маркиза! Вы здесь откуда?

Катрин перестала греметь ключами и изумленно уставилась на короля.

— Ваше Величество, — она с удвоенным старанием продолжила подбирать ключ. — Сейчас я вас выпущу.

Замок лязгнул, и Катрин попыталась оттолкнуть дверь. Мишель помог ей и вышел, наконец, из своей темницы.

— И все-таки, как вы здесь оказались? — снова спросил он.

— Не знаю. Я была с Ее Величеством в ее королевстве, а в следующее мгновение

оказалась здесь.

— И чем вы были заняты в тот момент? — вкрадчиво спросил король.

— Они меня наряжали, — буркнула маркиза.

— Ожерелье надевали?

Катрин кивнула.

— Вот тебе и рыжий мальчик, — пробормотал Мишель. — Вы видели маркиза? — спросил он громче и уже в следующее мгновение успокаивал рыдающую у себя на груди женщину.

— Он оставил меня. И не хочет помнить, что было раньше, — всхлипывала маркиза, цепляясь пальцами за королевский плащ, и совсем тихо, себе одной прошептала: — И любит.

— Катрин, все не так, как вам...

Неожиданно подземелье осветилось ярким светом. И шаги ворвались в оглушающую тишину, нарушаемую только шепотом маркизы и короля.

Высокая тень мелькнула на стене. И под сводом темницы выросла зловещая фигура предводителя разбойников.

— Вот, значит, как, прекрасная маркиза? — проговорил он ровным голосом, и только подрагивание щеки выдавало волнение. Он вставил факел в одно из колец в стене.

Катрин вздрогнула и медленно взглянула на Сержа. Также медленно высвободилась из рук короля и подошла ближе.

— Освободите его, Якул! Вы сами не знаете, чем грозит вам его казнь.

Он отшатнулся от нее, будто от змеи, но взгляда от ее глаз оторвать не мог.

— Вы лгали мне, — хрипло выдохнул разбойник. И куда делось его самообладание. Смертельно бледный, он будто искал что-то на ее лице. А найдя, отшатнулся еще явственней.

— Правду говорят, — прошептал он. — Вы колдунья.

Горько рассмеявшись, Катрин подошла к нему совсем близко и пробормотала:

— Если бы я была колдуньей, мы сейчас все были бы дома, а не в этой проклятой темнице.

Он не слушал ее. Теперь он смотрел на пленника. Смотрел пристальным ненавидящим взглядом. Вынул из ножен кинжал и тихо сказал:

— Шаню, верни птицу в клетку.

И в то же мгновение в дверь темницы вошел цыган.

— Заходи, что ли, — растерянно пробормотал Шаню.

Катрин проводила взглядом Его Величество, который угрюмо вернулся обратно, и схватила Сержа за руку.

— Я прошу вас. Освободите его и его стражей. Неужели вы действительно желаете их смерти?

— Теперь, как никогда ранее. Мессир! — крикнул он пленнику. — Ваше имя!

Его Величество обернулся к разбойнику и молча пожал плечами. Якул удовлетворенно усмехнулся. Будто только того и ждал. Его взгляд вернулся к взволнованной Катрин. И он отчетливо произнес, глядя прямо ей в глаза:

— Тогда завтра на рассвете мы будем наблюдать казнь маркизы де Конфьян.

— Не говорите глупостей, маркиз! — в сердцах выкрикнул Мишель, схватился за решетки так, что побелели костяшки, и зло дернул несколько раз — лязг засова,

трепыхавшегося в петлях, громко отозвался под сводами темницы. — Она здесь ни при чем. Ну хорошо же! Я...

Катрин метнулась к королю и положила свои ладони на его руки.

— Нет, мессир, молчите! Так лучше, и вы сами знаете об этом. Я принесла всем слишком много бед. Не костер, так виселица...

Глядя на это их объяснение, Якул побледнел еще сильнее, хотя, казалось, он и так мертвенно бледен. Он кинулся к ней, схватил ее за руку и развернул лицом к себе, словно вновь пытался найти что-то жизненно важное в ее совершенных чертах, которые будут преследовать его до конца жизни.

— И ты умрешь ради него? — глухо спросил он.

— Я давно мечтала о смерти, — проговорила она, не отводя взгляда от него. — С того самого дня, когда узнала о вашей гибели. Но, кажется, только ваша любовь удерживала меня от того, чтобы мне не отправиться вслед за вами. Потому что ваша любовь прекрасна, — она замолчала, рассматривая его в подрагивающем свете факела. — И если теперь тебе мало забыть меня, Якул, — моя смерть станет мне желанной. Лучше совсем не жить, чем жить без твоей любви, которой ты вновь лишаешь меня, подарив надежду.

— Лгунья, — выдохнул он, снова оттолкнув ее. — Ты хуже ядовитой змеи. Та жалит открыто, мгновенно. Ты же сперва обовьешь всего, прижмешься так, что не оторвать, заставишь верить тебе, а после вгрызаешься в плоть, оставляя на ней смертельные раны. Зачем ты пришла на Ястребиную гору? За ним? — Якул кивнул на пленника. — Его хотела спасти? Для него стала делить со мной ложе? Отвечай!

— Катрин! — окликнул маркизу Его Величество. — Не Серж сейчас говорит с вами. Недостойный Петрунель Форжерон лишил его разума, — он посмотрел на разбойника. — Единственный, о ком может думать эта женщина, — ее муж. И мне жаль, маркиз, что вы не понимаете этого.

— Ваше имя, мессир! В последний раз прошу вас назваться!

— Хватит! — мрачно и холодно проговорила Катрин, останавливая перебранку взбешенных мужчин. Выпрямив спину и высоко вздернув подбородок, она смотрела прямо в змеиные глаза, не отводя потухшего своего взгляда, без малейшего страха и надежды, которая еще ночью наполняла ее душу. — Да, я за ним пришла на Ястребиную гору. И дам за него любой выкуп, какой пожелаешь.

Якул привалился спиной к стене и глядел на нее затравленным зверем. Сил в нем больше не было. Теперь кончено. Навсегда.

— Как скажешь. Пусть твоя жизнь. Только его это не спасет. Шаню! — он посмотрел на цыгана, стоявшего в стороне и в ужасе взиравшего на происходящее. — Запри ее.

— Здесь? — спросил Шаню.

— Нет. В моих покоях. На смерть она пойдет оттуда, но не из этой темницы. Пусть глядит в окно на приготовления.

— Маркиз! — зарычал Мишель и в бессильной ярости стукнул кулаком по влажным камням своей тюрьмы. — Однажды вы пожалеете!

Якул не смотрел на пленника. Он смотрел только на маркизу. Смотрел и не верил в происходящее.

— Я? — не своим — совсем тихим, сиплым — голосом прошептал разбойник. — Я жалею лишь о том, что жив. Это я зря... — он оторвался от стены и широким шагом направился к выходу. Потом вдруг обернулся и крикнул: — Шаню! В моих покоях!

— Да, да, Якул.

Когда предводитель разбойников слился с мраком подземелья, цыган посмотрел на пленницу и тихо сказал:

— Ну... чего уж... Идемте, Ваша Светлость...

Кончиком кинжала он указал в черноту, в которой только что скрылся Якул.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора Нет, цыгану Шаню вся эта темная история совсем не нравилась.

Женщину на Ястребиной горе казнили не впервые. За свою жизнь с разбойниками Шаню и не такого навиделся. Но это ведь был Якул! Ну, мог он на девку прикрикнуть, коли та становилась назойливой. Но чаще выпроваживал куда подальше. Но чтобы вешать! Такое впервые. Хотя до него такое случалось. Последнюю повесили еще в октябре, при старом атамане. Долго она провисела на суку старого дерева. И первое, что потребовал Якул, когда возглавил их банду — вынуть тело из петли и похоронить, как положено.

Глядя на ровную спину маркизы, идущей впереди него, он только вздыхал — нет, не будет из этого добра. Якул мальчишку-висельника пожалел. Телом старика заменили. Славная была шутка. Никто ведь, и впрямь, не заметил, что за помост мальчишка еще кое-как ноги передвигал, а из-за помоста Шаню тащил уже бездыханное тело с мешком на голове. Никталь же спрятала спасенного пленника — там обрыв сразу был, валуны да выступы, и маленькая хорошо скрытая пещера, куда бедняга и поместился. Уж лучше на жестких камнях, чем в петле.

А после того, как все разошлись, Шаню помог Никталь увести не стоявшего на ногах мальчишку к ней в хижину.

И теперь, после всего, Якул приказал казнить маркизу де Конфьян!

Нет, Шаню не сразу сообразил, что эта казнь будет самой настоящей. Первые несколько мгновений, покуда они шли по ступенькам в комнату Якула, он думал о том, что не представляет, как за эту тощую женщину можно выдать старого рыцаря, который теперь лежал в пещере за готовящимся новым помостом. Да никак! И вот тут он понял, что Якул приговорил ее к смерти. Настоящей, не мнимой.

Прищелкивая языком, он возился с замком покоев своего хозяина, потом впустил в открытую дверь маркизу, а, захлопнув ту за ней, замер с ключом в руке.

Да что же такое творится?!

Да как же можно?!

Ведь это Якул!

Шаню опустил ключ и оставил дверь незапертой. Если судьба ей жить — уйдет. Не судьба — останется.

И в ужасе от содеянного он бросился вниз, туда, где в большом и великолепном в своем убожестве зале, видимо, когда-то тронном, гуляли разбойники.

Он почти оглох от шума и, пристроившись в каком-то углу, прикрыл глаза.

— Правду говорят, что девку, которую Якул у себя держал, завтра повесят? Ты с ним в приятелях, ты знать должен, — услышал он сквозь разноголосый гул.

Цыган посмотрел на пьяного Мусташа и тяжело вздохнул:

— Тебе какое дело?

— Так говорят она полюбовница нашего птенчика из подземелья! Ты ведь видел! Все знают.

«И как успевают вести разноситься по этой проклятой башне?» — уныло подумал Шаню и отвернулся.

— Стало быть, правда! — обрадовался Мусташ, вливая в себя еще кружку вина. Вино

было поганое, но в голову било крепко.

И уже спустя час брел он по лестнице вверх, чтобы воздать по заслугам рыжей ведьме за его унижение, пока та еще не болтается в петле.

Сидя на сундуке и глядя в одну точку, маркиза де Конфьян уже казалась неживой. Она не слышала, как закрылась дверь за цыганом, не слышала резких пьяных вскриков, доносившихся снизу. Пыталась вспомнить своих сыновей, но вместо этого видела лицо мужа. В конюшне, на башне, в темнице. Катрин прикрыла глаза, боясь, что пламя свечи спугнет ее видения, и не заметила тень, медленно подступающую к ней.

— Попалась птичка в силки! — раздался вдруг сиплый голос, и в лицо ударил смрадный запах.

Катрин слабо вздрогнула. Неприятное чувство кольнуло сердце.

— Кто пустил тебя сюда?

— Якул пустил. Якул всякого желающего пускает, когда с девкой наиграется, — проговорил заплетающимся языком разбойник и грубо схватил ее за руки, намереваясь стащить с сундука.

— Он не мог, — прошептала маркиза, подавшись к нему, как тряпичная кукла, не имея ни сил, ни желания бороться. Больше ничего не имело значения, если он позволяет любому подняться в свою комнату.

— Мог, еще и не такое мог! — заявил разбойник, стягивая с ее плеча одежду и слюнявя смрадным ртом шею. Потом потащил ее к постели — к тому самому ложу, на котором всего несколько часов назад... — Ну же, ведьма, ты же порадуешь напоследок Мусташа?

— Оставь меня, все равно ничего у тебя не выйдет, — пыталась она слабо упираться.

— Ну, с ним-то ты поласковее была, девка, придется сделать, чтобы и у меня вышло. А не то...

— Откуда тебе знать, какой я с ним была, — зло рассмеялась Катрин. — Думаешь, за что он меня повесить решил?

На мгновение Мусташ оторвался от ее шеи и поднял мутный взгляд на лицо.

— У? — спросил он многозначительно.

Катрин оттолкнула разбойника от себя и выхватила у него из-за пояса кинжал.

— Оставь меня, говорю! — уперла она лезвие ему в грудь.

— Вот же дурында! — ошалело протянул разбойник и толкнул ее на постель.

Зажмуриив глаза, Катрин взмахнула кинжалом, стараясь попасть по гадкой бородатой морде, и после дернула с постели шкуру, заворачиваясь в нее. Мусташ схватил ее за руку и выдернул из тонких пальцев оружие, отбросив его в сторону. И, ни слова более не говоря, навалился на женщину, откидывая в сторону шкуру, не давая ей вырваться, рванул край ворота, ткань с треском разорвалась, обнажая грудь. И в этот момент за его спиной кто-то по-змеиному зловеще зашипел:

— Одной ведьмы не боишься, а две тебя в могилу сведут.

Мусташ вздрогнул и обернулся. Высокая худая тень черным пятном стояла на стене. Тень шевельнулась и двинулась в его сторону.

— Она проклянет. Я прокляну. А завтра сорвешься в пропасть, что за виселицей.

Спихнув с себя испуганного разбойника, Катрин быстро переместилась по кровати дальше от него, натягивая на себя шкуру и не сводя глаз с приближающейся тени.

— Никталь, это ты? — спросил дрожащим шепотом Мусташ.

— Нет, твоя некрещенная мать, родившая тебя от пса! Уйди с глаз, чтобы не было. И

никогда больше не заходи в эту комнату.

Мусташ закивал, зачем-то поправил шкуру на Катрин и опрометью бросился к двери.

Тень же приближалась теперь к постели, покуда пламя свечи не осветило уродливые шрамы на лице Никталь.

— Говорила же — берегись, — проворчала ведьма. — Твоя сила тебя же и губит.

— Не важно теперь, — спокойно ответила маркиза и отвернулась от ведьмы.

— Я несла Якулу мазь — сама из трав варила. Шрам его врачевать. А выходит, к тебе. Вся башня шумит — завтра повесят пленницу. Пойдем со мной. Уведу тебя.

— Не пойду никуда, — глухо из-под шкур донеслось до Никталь.

Ведьма села на постель возле маркизы и вздохнула:

— Горе лишило тебя разума. Пока жив человек, все возможно. Это мертвому одна дорога — в землю. Ты сама о том лучше меня знаешь.

— Оставь свои загадки для Якула. Мертвый решил остаться на земле. Я займу его место в могиле. Кому до этого какое дело?

— Он без тебя жить не будет. За собой его унесешь.

— Зелья ему какого дашь. Он и забудет обо всем.

— Я не ведьма. Я только людей могу пугать — с таким лицом не великое дело. Врачую да по руке читаю. Видела я ладонь его. Пойдем, хорошая, бежать тебе надо. После вернешься за ним. А иначе обоих не будет.

— А коли не ведьма — так и не знаешь ничего, — усмехнулась Катрин и села на постели. — Граф Салет просил короля отдать меня, чтобы на костер отправить. И как ни старался Его Величество спасти меня, а оказалась я здесь, чтобы на виселицу угодить. Значит, лишняя я на этом свете. Так лучше уж в петле от его руки, чем в огне по воле Салета.

— Глупая ты! — рассердилась Никталь. — Говорю: бежим! Молодая, жить надо. Не жить — успеешь еще.

Маркиза негромко, легко рассмеялась. Встала с кровати, прошлась по комнате, сделала несколько глотков вина из кувшина, поморщившись от его сладости. После резко обернулась к Никталь.

— Я давно уж не живу. Да только никто понять не хочет. А ты ступай. Не уйду я. Моя жизнь ему принадлежит. И он ею распорядился.

Ведьма покачала головой и, поднявшись на ноги, медленно прошла к двери. На пороге она снова посмотрела на маркизу. В разорванной на груди одежде, со злым взглядом, с обреченностью во всем своем виде... Сердце Никталь болезненно сжалось.

— Ты живая, — прошептала она. — Возле него ты живая. И он возле тебя — живой.

С этими словами Никталь бросилась вниз, туда, где давно уже поусыпали разбойники. Но Шаню среди них не было. Устало вздохнув, она вышла во двор, вдохнула морозный воздух, только успокоившийся после метели, и посмотрела на готовый уже помост — его установили с вечера. На этом помосте сидел Шаню, свесив ноги, и грустно смотрел наверх, на башню.

Никталь подошла к нему и проследила за его взглядом. Она никого не видела за зубцами.

— Якул там? — тихо спросила она.

— Сейчас там. Где ж ему еще быть — рассвет скоро.

— Надо остановить его, цыган.

— Я к нему не пойду. Я еще жизнью не надыхался, ведьма. Ты его не видела, когда он

ее у пленника в объятиях поймал. А я видел. Он будто не он стал, разума лишился.

— Тогда надо ее заставить уйти из башни. Сейчас. Шаню, ты же великий пройдоха! Придумай что-нибудь.

— Эй! Ведьма! Только дурак станет пилить сук, на котором сидит!

Тут оба раскрыли рты и посмотрели вверх, где над их головами раскинулась крона дерева, на котором столько перебивало висельников.

30 декабря 2015 года, Париж

Клод спал. Оказывается, дети прекрасно засыпают под звук работающего телевизора. И работает это не менее эффективно, чем колыбельные песни. Ей пришлось разучить несколько в Трезмоне — телевизора в двенадцатом веке, увы, не было. Мари, прикрыв глаза и откинувшись на спинку дивана, только слушала ведущего кулинарного шоу и вяло рассуждала о том, что надо что-то решать. До бесконечности так продолжаться не может.

Она не имела ни малейшего представления о том, что произошло в Фенелле, и для чего Мишелю понадобилась Катрин. Но теперь у нее на руках трое детей и на носу кошмарная депрессия. Однако впасть в нее было не самой лучшей идеей. Именно потому, что детей трое. И что теперь с ними делать, она не имела ни малейшего представления.

Одно ясно наверняка.

Лиз де Савинье они уже достали.

«Господи, ну что с тобой? Что ты делаешь?» — отчаянно подумала Мари.

И услышала, как в двери поворачивается ключ.

Первым в квартиру влетел юный маркиз и с диким воплем: «Клооод!» помчался по коридору. За ним зашла Вивьен Лиз с Мишелем. Завершал процессию Поль.

— Лиз, ну ты же сама прекрасно понимаешь, что хорошее вино — это особенно важно для ресторана. И значит, нужно, понимаешь, очень нужно искать поставщика, у которого есть такое... именно хорошее вино, — бубнил он, продолжая начатый разговор.

— Понимаю! Понимаю! Но и ты пойми, что с двенадцатого века критерии, по которым определяют качество вина, несколько изменились! — заявила Лиз, поставив Мишеля на пол. Тот немедленно опустился на все четыре конечности и пополз к телевизору, толком не обратив внимания на мать.

«Двадцать первый век их точно испортит», — отстраненно подумала королева.

— Фигня! Надо лишь получше поискать. И наверняка найдем. А может... сами заведем виноградник, м? — с надеждой в голосе спросил Поль у Лиз.

— Прямо сейчас?

Поль от удивления открыл рот. Он приготовился выслушивать долгие образные объяснения Лиз, почему это невозможно. Но вместо этого... Надо было немедленно пользоваться шансом. Подтверждение уже почти слетело с его губ, когда он вспомнил про королеву. Если они сейчас займутся поиском виноградника, то ей придется остаться одной с тремя охламонами. Еще и маркиза пропала. От нее, конечно, толку было немного. И некоторым образом, она вполне могла сойти за четвертого. Но все же... Поль почесал затылок, приуныл, буркнул:

— Неа, не сейчас, — и поплелся искать Сержа.

— Слава Богу. Это до января подождет, — вздохнула Лиз и подхватила на руки Мишеля, чтобы оттащить его подальше от экрана.

— Мы едем домой! — раздался голос королевы Мари.

Поль подпрыгнул.

— Ку... куда домой?

— Домой. На рю Камбон...

— Plein les couilles! — Лиз опустилась в кресло. — И что ты там будешь делать?

— Я не знаю, — еле слышно ответила королева Мари.

— Вот когда узнаете, Ваше Величество, тогда и поедете! — проворчал Поль и вернулся к поискам Сержа. В кухне, куда живо отправился юный маркиз якобы в поисках брата, было подозрительно тихо. Но недолго. Раздался звук, похожий на всплеск, шум чего-то упавшего и шорох. Все это сопровождалось довольным хрюканьем.

— Лииз! — едва смог выдохнуть Поль, наблюдая у стола мелкого трубадура, облитого остатками кофе из кофейника, валявшегося рядом, и теперь засыпающего себя хлопьями из банки.

Лиз вбежала на кухню и засмеялась при виде открывшейся ей картины.

— Мыться! — коротко объявила она, хватаясь за обожаемого сорванца, и поволокла его в ванную. Однако дорогу ей преградила королева.

— Нет, мы едем сегодня. Я могу работать на дому. Я созванивалась с бывшим шефом перед Рождеством. Они хотят, чтобы я вернулась. Я буду работать и возиться с ними, — она кивнула на чумазого маркиза на руках Лиз, — пока Его Величество меня не заберет.

— Ваше Величество! — Поль подошел к королеве, взял ее за плечи и усадил на стул. — С ними втроем управляться трудно. Как же вы сами-то? А еще и работать собираетесь. Да они вам квартиру по кирпичикам разберут, а из вас пугало сделают. Оставайтесь лучше у нас, пока король Мишель не вернет вас обратно. Да? — обернулся он к Лиз. — Маркизу вот Его Величество уже забрал.

Тут выдержки королевы не хватило. Она, совсем как простая смертная, выпятила нижнюю губу и всхлипнула:

— Да! Ее он забрал! Ему она нужнее меня и Его Высочества!

— Приехали! — рассердилась Лиз. — Поль, накапай ей чего-то.... Успокоительного!

— Не надо меня успокаивать!

Поль метнулся в комнату за джином. Быстро разлил по бокалам. И тот, в котором было больше, протянул королеве.

— Эу, ты что ей дал? — охнула Лиз. — Донормил в аптечке в шкафчике в нашей комнате!

Но королева решительно взяла бокал в руки и опрокинула в себя его содержимое.

— А она, кажется, не против моего успокоительного, — широко улыбнулся Поль. — Нафига твоя химия?

— Ну... зато куда ей теперь с детьми нетрезвой?

— К черту! Поеду завтра! — выдохнула Мари и снова всхлипнула: — Как же я хочу домой!!!

И через секунду Лиз и Поль изумленно смотрели на то место, где она стояла. Мари на кухне больше не было. Неожиданно Поль звонко хлопнул себя по лбу.

— *Matrem tuam*, Лиз. Пацаны-то остались!

Он влил в себя джин, который был в бокале. Одновременно с ним выпила и Лиз. А из спальни раздался громкий детский плач.

— Клод! — с гордостью провозгласил Серж-младший и радостно оставил отпечаток кофейной пятерни на белой футболке Лиз.

Нет, Полин никогда не верила, что судьба ее — чистить проклятые сковородки старой Барбары. Напротив, она была уверена, что судьба ее совсем в ином. Когда ее, младенцем, подбросили в Трезмонский замок, а подобрала и воспитала кухарка, вот тогда и свершилась ужаснейшая ошибка, какая могла свершиться. Ведь ясно же, отчего подбросили ее именно к

королю! Ведь не иначе она — его дочь, плод любви, прижитая от простолюдинки, но все же настоящая принцесса. И могла бы носить дорогие платья и украшения, как у самой королевы. Но воспитала ее кухарка! Никому даже в голову не пришло отдать ее настоящему отцу! А ведь старик мог бы и дольше пожить, коли б она, принцесса Полин, окружила его любовью и дочерней заботой.

Так думала девица, натирая сковородку, и, вздыхая, косилась на заезжего рыцаря из числа мятежников — больно хорошенький был рыцарь. И совсем-совсем юный. Была бы она принцессой...

— А объявил бы ты меня дамой сердца, мессир Антуан, коли б я была благородная? — спросила Полин, подмигнув юнцу. — Всякому рыцарю дама сердца полагается.

— Да какая ж из тебя дама сердца, милая? — засмеялся юный нахал. — Ты для других потребностей хороша. А сердце я берегу.

— Трусы вы все, за сердца свои боитесь! Вот возьму и перестану тебя в постель свою пускать — будешь знать. Поди, сердце сразу зайдетя!

— Ты-то? Да, чтобы в твоей постели перестали бывать, тебе вовсе исчезнуть надо! — засмеялся он. — И то, на твое ложе тут же придет другая служанка. Помоложе да покрасивее.

— Ну и пусть придет! — обиженно воскликнула Полин. — А я исчезну! Лишь бы не видеть твоей окаянной рожи!

Всхлипнула и обнаружила себя в удивительном месте. Шумном, трещащем, жужжащем. Жарком. Где сновали люди в белых одеждах и диковинных колпаках. И пахло чем-то, чему названия Полин не знала.

— Где эта чертова сковородка? — кричал самый толстый и старый господин в самом большом колпаке. — Где эта чертова блинная сковородка! Банкет! Завтра! Ни хрена не готово!

Полин посмотрела на сковороду в своих руках, подбежала к незнакомцу, который, конечно, был здесь еще и самым важным, и почтительно сказала:

— Возьмите эту, мессир. Все утро чистила!

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Он сидел, привалившись спиной к одному из каменных зубцов башни. Холода не чувствовал. Он больше никогда не станет чувствовать ни холода, ни теплоты. Измучил себя. Катрин победила. Она заставила его сломаться. Но, Господи, он никогда, никогда не покажет ей того, что сломан. Что внутри у него переломаны кости, разорваны вены, перемешано все в сплошное кровавое месиво. И это он, он сам сделал с собой. Потому что она победила.

Якул откинул голову назад и тихо рассмеялся. Смех прервался стоном, вырвавшимся, наконец, из его груди, в которой не было места ничему живому. В которой тоже было месиво. Сглотнул.

Она предала его. Она лгала ему. Она не любила его.

Жалкий глупец... Несчастный мечтатель!

До рассвета оставалось все меньше времени...

Он медленно потянулся к шее, провел пальцами у кадыка. Снова сглотнул. Завтра будет наброшена петля. Стянет ее шею. И красные кольца перед глазами застыт ей целый мир.

— Все, — выдохнул разбойник. — Все...

— Нет, не все! — донеслось до него.

И женщина в белоснежных одеждах замерла на другом конце площадки. Рыжие ее волосы золотились в свете луны. И он точно знал, какого цвета ее глаза.

— Убирайся, я не звал тебя, — проговорил Якул.

— Нет. Ты зовешь меня каждое мгновение. Ты не можешь без меня. Не умеешь.

Она мелькнула серебристым лучом и оказалась чуть ближе.

— Ты отравлен мной. Потому что я — яд, текущий в твоих венах вместо крови.

— Не приближайся, — выдохнул Якул.

— Боишься меня? — ее лица он не видел, но знал, отчего-то знал, что она улыбается.

Якул следил за ней пристально, сосредоточенно, так, что болели глаза. Он чувствовал, как злая улыбка заставляет растягиваться его губы по зубам.

— Я освобожу тебя, — выдохнул разбойник. — Завтра ты уйдешь. И никогда больше не приблизишься к башне.

— И ты позволишь мне? — теперь уже смеялась она.

— Позволю. Да, позволю! Я не желаю видеть тебя, пусть и болтающейся на суку.

Она взметнулась в воздух, и вокруг нее хлопья белого снега танцевали свой танец. Она танцевала вместе с ними. Нечеловеческий танец над камнями разрушенной башни.

— Я не уйду с Ястребиной горы. Я не уйду из тебя. Я вечно буду мучить тебя, Якул. Ты знаешь, как сладки поцелуи рыцаря, который томится пленником, — пела она. — Я хочу целовать его мертвый рот. Устроишь мне это — вечно буду твоей.

— Ты не нужна мне!

— Лжешь! Я в тебе!

Он закрыл глаза, чтобы не видеть ее. Чтобы не смотреть ее танец в метели. В метели из звезд и пепла.

Но тут же почувствовал прикосновение ее ледяных пальцев к своим векам. Распахнул их и встретился с ее взглядом. Кроме глаз на этом лице, он не видел ничего. Ни змеиных

локонов волос, ни огня из ее губ, ни чешуи вместо кожи.

— Ты никогда не освободишься от меня. Пока я жива, ты будешь здесь, в этой башне. Ты будешь принадлежать мне, Якул! Дай мне только его, мертвого.

— Нет. Вы будете мертвы оба.

— Даже так? Ты думаешь, что это спасет тебя?

— Не спасет. Я не хочу спасения. Я смерти хочу.

Она засмеялась и снова взмыла в воздух. За спиной ее росли драконьи крылья. И уже не снег, уже падающие с неба огни, жалящие кожу, танцевали вокруг нее.

— Один шаг с этой башни и все. Но ты и этого не сделаешь. Я не пущу. Завтра на рассвете меня повесят. Завтра на рассвете закончится твоя жизнь. Моя виселица оборвет ее. Только так. Или мертвый рот твоего пленника в обмен на то, чтобы я осталась с тобой.

Она пела, и ее голос отдавался в горах тысячным эхом. Он забивался в самые узкие щели, он отражался на каждом камне, он был повсюду. И Якул, закрывая уши, чтобы только не слышать, все-таки слышал этот голос внутри самого себя. Он был в нем. Среди кровавого месива из его костей и потрохов. Как он хотел избавиться от этого голоса. Хотел и не мог. Потом его накрыла чернота. В ней не было ни спасения, ни надежды, но не было и страдания. Одно только забвение. Если смерть хоть немного похожа на эту черноту... Если только похожа...

Лишь спасительный рассвет заставил его открыть глаза.

Он нашел себя лежащим на камнях. Небо было еще темным, но кровавая краска заливала небосвод с востока. Он был, будто саваном, укрыт снегом. В душе его был покой. Он знал, что освободится. Теперь он знал. Она была злом. И этому злу не оставалось места на земле. И если это зло заберет его с собой, тем лучше. Потому что ему тоже нет места на земле.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Во мраке темницы раздался грустный вздох и топот чьих-то лапок.

Эти лапки добежали до ног короля Мишеля, и до него донеслось тихое шипение с едва различимым:

— Рассвет занимается.

Его Величество безразлично посмотрел на невиданное живое существо, замершее у ног. Тень этого существа, увеличенная в несколько раз, причудливо расползлась по влажным камням темницы. Но король этого даже не заметил и снова отвернулся от болтуна-магистра.

— И виселица уже готова... — добавила неизвестная зверушка. — Я вот думаю... Чтс не станут они недели ждать, как хотели. Если сегодня имени не скажешь, вздернут рядом с маркизой, как пить дать.

Не шелохнувшись, Мишель лишь прикрыл глаза. Сдерживая себя из последних сил, чтобы не швырнуть говорящее нечто о стену.

— Мишель, мне не нравится, когда ты меня игнорируешь. С твоей стороны некрасиво вести себя так с существом, которого ты ни разу в жизни в глаза не видел и вряд ли еще увидишь. Ты когда-нибудь в жизни слышал про черепах, а? Хоть раз?

Магистр по-прежнему разговаривал сам с собой.

— Балбес, — вздохнув, беззлобно сказал черепашка Маглор Форжерон и зачем-то залез в панцирь. Оттуда раздался громкий, напоминающий хрюканье, звук. И в это самое мгновение во мраке темницы послышался женский вскрик:

— Мама!

— Vaе! Магистр! Зачем вы это сделали? — зло рявкнул Мишель.

— А какие у меня были варианты? Я не могу лишиться единственного относительно путевого наследника.

В подземелье вдруг стало очень тихо. Слышно стало только тяжелое дыхание по ту сторону решетки. Потом из тени вышла женская фигурка, обозначившаяся силуэтом в едва различимом свете факела.

— Мишель? — голос королевы дрожал.

— Да, Мари, я здесь, — ласково ответил король.

Он поднялся со своего тюфяка и подошел к решетке.

— Прости, тебе не место здесь. Это все чертов Маглор Форжерон, — проговорил он устало.

Фигурка встrepенулась и бросилась к нему. Наткнувшись на решетку, она протянула ладонь, чтобы прикоснуться к мужу, чтобы понять, что это действительно он, настоящий, любимый...

— Господи! Где мы? Что происходит?

— А происходит то, Мари, — подползла к решетке черепашка, — что завтра, скорее всего, маркиз де Конфьян повесит твоего мужа вслед за собственной женой.

Королева опустила взгляд на пол... И у нее подкосились ноги. Она не знала, от чего больше. От услышанного или от вида говорящей черепашки.

— Мари! — Мишель присел со своей стороны решетки и взял ее за руку. — Не пугайся, это наш славный Великий магистр.

— Да при чем здесь дядя Маг! — прошипела Мари, вцепившись в его пальцы и не желая их отпускать. — Как ты мог допустить до этого? Ты, взрослый человек, король, отец, в конце концов! — вдруг она замерла с открытым ртом, хлопнула несколько раз пушистыми ресницами и выдохнула: — Маркиз жив, да?

— Лучше бы он был мертв, — угрюмо ответил Мишель, поглаживая пальцы Мари. — Лучше и для него самого, и для маркизы Катрин.

Мари тихонько охнула и посмотрела на черепашку, уныло опустившую голову на пол.

— Серж Скриб что? Свихнулся?

— Определенно, — вздохнула черепашка. — Он теперь требует называть себя Якулом и вешает всех подряд, — Великий магистр встрепенулся и посмотрел на короля. — А что у тебя с судебной системой в королевстве, а? Надо бы, когда Мари нас всех спасет, наказать мерзавца.

— За что, хотелось бы знать? — усмехнулся Мишель. — За то, что мэтр Петрунель воспользовался им? А если бы он воспользовался кем-то дорогим для вас? Вы бы и тогда настаивали на расправе?

— Правдоискатель! — фыркнула черепашка. — С такими представлениями о жизни нельзя на трон садиться.

— Так, значит... мэтр Петрунель? Это он все устроил? — спросила Мари и тут же снова вспыхнула: — Мишель! Я никогда в жизни тебе не прощу, что ты отправил меня в Париж! Никогда!

— Мари! Не сердись, — Мишель коснулся пальцами ее волос, щеки, губ. — Я думал о тебе и нашем сыне. Здесь было опасно. Здесь и сейчас опасно. А там для тебя все родное.

— Родное? — опешила королева. — Родное? Все, что у меня есть родного в жизни, связано с тобой! Ты... ты, не спрашивая, отправил меня из дома! Ты не позволил мне быть с тобой в трудное время! Ты отнял у меня право стоять возле тебя! Я — твоя жена! Я имела это право!

Королева рассерженно ударила ладонью по решетке.

— Мари, не волнуйся! Прошу тебя, — Его Величество улыбнулся, любясь воинственным видом жены. — Подумай о Мишеле. Где был бы он, когда ты была бы со мной?

— Вот именно это нам и следовало обсудить вместе, Мишель! Как же ты не понимаешь? Всего этого могло не быть сейчас, если бы я осталась с тобой! Неужели ты так мало доверяешь мне, что не позволил бы помочь?

— Все это случилось бы, несмотря ни на что. Или ты думаешь, что я взял бы тебя в лагерь? — Мишель рассмеялся, представив свое семейство в королевском шатре. — Все, что я делал и делаю, все это только ради тебя и принца.

— О, да! Какая прелесть! Значит, это ради меня и Мишеля ты сидишь за решеткой, готовясь к смерти!

— Мне не хотелось бы вмешиваться в ваши семейные дразги, — раздался с пола голос черепашки. — Но не кажется ли вам, что пора бы обсудить, как выйти из сложившейся ситуации?

— Идите к дьяволу, магистр. Что тут обсуждать? Я попросил вас о маленькой помощи, вы и с ней не справились. И, к слову сказать, в том, что сегодня утром казнят маркизу де Конфьян, есть и ваша вина. Это вы перенесли ее сюда.

— Я перенес ожерелье, — медленно и четко сказал Маглор Форжерон. — Я не виноват,

что твоя маркиза была в том чертовом ожерелье!

— А если бы в нем была Мари? — загремел король.

— Если бы в нем была Мари, ей бы хватило ума не злить маркиза!

— Замолчите! — еще сильнее рассердилась королева. — Санграль где?

— Дома, — проворчал Мишель.

— Господи, ну ты хуже ребенка. Меч и доспехи прихватил, а самое главное оставил дома.

— Ты предлагаешь мне расположиться у камина и магией победить всех врагов?

— Правдоискатель! — снова фыркнула черепашка.

Мари обреченно кивнула.

— Значит, — сказала она, — единственная надежда — ожерелье. И где оно может быть?

— Бродило по замку. Сейчас, вероятнее всего, в покоях Якула.

— Так перенесите его сюда! — сказал Мишель.

— Я не могу, — трагично объявил Маглор Форжерон. — Временами я еще кое-как повелеваю... но в этом времени я всего лишь черепашка. И ничего не получается.

По черепашьей щеке покатила слеза. Мари внимательно смотрела на эту слезу, чуть мерцавшую в полумраке, и, наконец, произнесла:

— Кстати, а почему дядя Маг — черепашка?

В ответ на ее слова Великий магистр разразился громкими рыданиями.

Мишель скривился.

— Мари, прошу тебя. Пожалей его. Я не знаю, что хуже. Возможная виселица или его постоянные превращения.

— Господи, ну и влипли же мы, — пробормотала Мари. И в каменных стенах подземелья раздались чьи-то уверенные шаги. Мари испуганно посмотрела на мужа.

— Маркиз, собственной персоной, — быстро прошептал Мишель. — Мари, спрячься. Он совсем не тот, кого ты знаешь.

— Там ниша в стене, — тут же успокоилась черепашка. — Я там сплю. За решеткой мне неловко.

Мари быстро кивнула и скользнула в спасительную тень подземелья.

Едва она скрылась, как камни, из которых были сложены стены темницы, осветились неровным светом, казавшимся теперь таким ярким. С факелом в руках в темницу вошел Якул.

Он казался совсем другим, чем был еще накануне. Словно за одну ночь постарел на десять лет. Взгляд его пронзительных темных глаз сделался пустым, отстраненным. И только пламя, отражавшееся в зрачках, казалось единственной жизнью, что в нем оставалась.

— Мессир! — бросил он холодно. И в голосе его тоже совсем не было жизни.

— Маркиз! — спокойно отозвался Мишель.

— Своего имени вы не помните, мое — забываете. Ну, ничего. Я освежу вашу память, мессир. Меня зовут Якул. И если вы не назоветесь здесь и сейчас, Катрин де Конфьян будет повешена. Я жду вашего решения.

— Желаете разделить свою вину со мной? Извольте. Но ведь меня недолго будет преследовать ее призрак, верно?

На лице разбойника ничего не дрогнуло. Взгляд оставался пустым и равнодушным.

— Я думал, вы любили ее. А, выходит, она отдает за вас жизнь зря. Мне жаль тратить на

вас сук, на котором придется болтаться ей, мессир.

— Merda! Проклятый Петрунель! — выкрикнул Мишель. — Я никогда ее не любил. Уважал и считал своим долгом помочь. А жизнь свою она отдает за вас, настоящего, которого не смогла забыть. Потому что тот, в кого вы превратились, пусть и не по своей воле, не смог оценить ее так, как она того достойна. Жалкий глупец!

— Довольно, мессир, — лицо Якула оставалось бесстрастным. Он открыл дверь его темницы и вынул кинжал. — Этой ночью она говорила о том, как сладки ваши поцелуи. И просила ваш мертвый рот. Ваша ведьма недолго будет ждать вас.

— Да какая из нее ведьма... — пробормотал Мишель, поднимаясь по гладким ступеням, снова и снова посылая Маглора Форжерона ко всем чертям за то, что он перенес сюда Мари. Едва смолкли их шаги, Мари выбежала из своего убежища.

— Дядя Маг! — крикнула она. — Дядя Маг!

— Здесь я, здесь, — отозвалась черепашка, и голос ее был полон слез. — Какая драма, моя дорогая! Куда там Шекспиру!

— Дядя Маг, сколько у нас времени?

— Не знаю. Обычно через полчаса после ухода он возвращается.

Это значило, что она не имеет права ни ошибиться, ни замешкаться. У нее всего одна попытка и несколько минут.

— Черт! — рывкнула королева. — Где комната Скриба?

— Наверху, — черепашка Маглор Форжерон подняла глаза к потолку. — На самом верхнем уровне замка.

Мари только кивнула, подхватила на руки черепаху и бросилась бежать — какое счастье, что она в джинсах и кроссовках!

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Начавшийся рассвет застал Катрин судорожно рыскающей по сундукам. Она искала платье. Зеленое платье висельницы. Вот и оно пригодилось. Маркиза усмехнулась, обнаружив его, наконец, в очередном сундуке. Переделалась, аккуратно завязав шнуровки и расправив каждую складку, заплела в косы ленты и теперь спокойно и без сожалений ожидала свою последнюю минуту.

Ее не заставили долго ждать. Вскоре дверь отворилась, и в покои вошел цыган. Он казался растерянным. И даже смуглое лицо его, кажется, побледнело.

— Доброе утро, Ваша Светлость, — сказал он и тут же осекся. Какое же оно доброе?

Когда в это распроклятое утро он, почти уже привычно, поднялся на смотровую площадку башни, Якул лежал на камнях и смотрел в небо. Белый снег кружил в воздухе и ложился на его черную одежду. Увидев его, Шаню испугался — да жив ли он? Но Якул поднялся, посмотрел на него осмысленным взглядом и сказал: «Солнце встало, Шаню».

«Верно, Якул! — отвечал цыган и тут же произнес в надежде, что предводитель уже успел успокоиться: — Там рыцари уж выбрали следующего...»

«Ты, верно, забыл, Шаню, — усмехнулся Якул. — Сегодня черед маркизы».

«Тогда сам и веди ее на помост!»

Якул сжал зубы так, что заходили желваки, и сказал тихо:

«Нет, цыган. Сам веди ее. Ни к чему менять распорядок ради маркизы. Я иду за пленником. А ты ведешь висельника. Все, как всегда».

Все, как всегда — так дорогой повторял себе Шаню. А теперь смотрел на маркизу и думал: черта с два, как всегда! Совсем Якул обезумел!

— Вы платье надели, — озадаченно сказал он. — У нас в исподнем обычно... Так всегда делают.

Маркиза де Конфьян посмотрела на цыгана долгим взглядом.

— Я никогда не делаю так, как обычно, — заявила она и сузила глаза. — Впрочем, ты можешь попробовать его снять...

— Делать мне, что ли, нечего, Ваша Светлость? — отмахнулся Шаню. И тут же достал из-за пазухи флягу: — Никталь передала вам. Велела выпить. Вы не почувствуете ничего. И страха не будет.

— Поблагодари ее, — Катрин отвела его руку и пошла к выходу из комнаты.

Цыган бросился следом за ней и, нагнав уже на лестнице, проворчал:

— Да куда ж вы торопитесь? У меня поджилки трясутся, а вы спешите.

— Стоит ли время терять, цыган? — улыбнулась маркиза, обернувшись.

Шаню только покачал головой. Подумал да и хлебнул из фляги, что дала ему Никталь.

— Уж туда-то вы точно всегда успеете, — мрачно сказал он и хлебнул еще раз.

Катрин пожала плечами и вышла на двор. Зябко поежившись, она глянула туда, где всегда стоял Серж. Он и теперь был там, у стены. Рядом, как и накануне, оказался король Мишель, глядящий себе под ноги.

Маркизе оставалось несколько мгновений, и думала она лишь об одном: она была счастлива. Пусть недолго. И пусть ее счастье было жестоко разрушено. Но оно было. И если теперь она должна за него заплатить, то сделает это с легким сердцем.

— Ну что же ты? Словно это я веду тебя на виселицу. Холодно! — бросила Катрин цыгану.

— Сейчас согреешься, — мрачно ответил Шаню и тоже глянул на хозяина.

Якул стоял, чуть прикрыв глаза, и под ветром развевались его волосы. Да, Катрин была права — холодно. Наверное, невыносимо холодно, но холода этого он не чувствовал. Он и не знал, что это будет так невыносимо, так отчаянно больно. Когда она вышла на солнечный свет и прошла легкой поступью по серебрящемуся снегу, он думал только о том, чтобы вдыхать и выдыхать воздух. Но вскоре сбился, потому что дышать и смотреть на нее одновременно он не мог. «Скоро все будет кончено», — успокаивал он себя. Она умрет, и он освободится. Как просто. Быть может, тогда ему достанет сил броситься вниз головой с Ястребиной горы — заодно проверит, есть ли у якула крылья. Или все сказки.

Потому что крылья у него были только возле нее.

Когда на голову Катрин уже так привычно Шаню набросил мешок, Якул рассмеялся. Этот черный смех вырывался из его груди, звучал среди гор, достигал самого неба. Он был похож на крик ворона в тишине. Холодящий кровь и заставляющий смолкнуть даже ветер. И разбойники, стоявшие во дворе башни, переглядывались между собой.

— Что, мессир? — оборвав свой смех, спросил Якул пленника. — Как думаете, уготован мне ад?

— Я вам не священник, — отозвался Мишель, не поднимая головы.

— В аду не может быть хуже, чем здесь и сейчас. А коли так — все едино. Ваше имя?

— Идите к дьяволу! — Мишель поднял голову и посмотрел прямо в глаза маркизу, избегая смотреть на виселицу.

Якул дернулся и отвел взгляд. Теперь он видел одну только фигуру, которую уже вели к помосту. Сейчас на одно мгновение она скроется за ним, а потом поднимется наверх. Там была пещера. Маленькая пещера, где прятали мальчишку из стражи пленника. И где, наверное, так и лежало тело старого висельника, которого они хотели выдавать за каждого последующего приговоренного. Якул сделал шаг вперед. Что это дрожит? Это земля дрожит? Или это он сам дрожит?

Болезненная, мучительная судорога прокатилась по его членам и заставила стоять на месте. Он смотрел. Смотрел, отсчитывая время. Сейчас ее фигура покажется на помосте. Никакого чуда не произойдет. Птицы не унесут ее с собой в горы. Шаню не подменит тела. Ничего сделать нельзя. Или можно? Или все еще можно.

Он хотел было крикнуть, чтобы немедленно все прекратили. Но вместо этого услышал свой голос, произносивший:

— Отчего вы тянете? Шаню, шевелись!

Цыган подпрыгнул от неожиданности и торопливо подвел маркизу к тому месту, где с дерева свисала петля.

Якул глядел, как ее голову, скрытую мешком, продевали в эту петлю. И чувствовал, как веревка стягивает и его шею тоже. Она стояла там. В нескольких шагах от него, но уже теперь такая далекая. В горле его сделалось сухо. Он хотел кричать о том, чтобы немедленно все прекратили, но ничего не прекращалось. Ни слова не срывалось с его губ, покуда шли последние приготовления. Он ничего не мог сделать. Он не мог заставить тело двигаться. Оно не слушалось его. Он словно бы повиновался чему-то, что было выше и сильнее его. Чувствовал себя куклой, что не способна что-либо изменить.

Он в ужасе, словно бы в страшном сне, видел, как вверх сама — сама! — поднялась его

рука и сделала жест рубить подпоры.

И перед глазами замелькало.

«Я думала, что вы талантливый творец, а оказалось, что вы лишь старательный ремесленник».

«Этот ремесленник любит вас, мадам».

Когда это было... что это было? Морозный запах и звуки дульцимера. И сорванный с губ запретный поцелуй...

«А если у меня нет сил уйти от вас? Как мне быть, моя госпожа? Как мне быть, если даже с этими канцонами, я жив только подле вас, когда дышу с вами одним воздухом?»

«Я не знаю. Я не знаю, как вам быть. Я не знаю...»

Ее голос... И кошелек, который она вышивала... Изрезанный ножницами... Такой же, завершенный, после был подарен ему. Он помнил. Тот кошелек всегда висел у него на поясе.

«Вы любите меня, хоть и не произнесли этого слова ни разу».

«Слова... как много значения вы придаете словам».

Она не позвала его в ту ночь, и утро встречал он на ее пороге. Там же он готов был провести всю свою жизнь. Потому что другого места у него быть не могло. Только возле нее. Только возле нее одной.

«Довольно, мадам! Собирайтесь. Мы едем в Конфьян нынче же».

«Я никуда с вами не поеду».

И все-таки он забрал ее домой. Домой! В Конфьян!

И там она стала его женой еще до наступления заката.

Воспоминания наслаивались одно на другое, превращаясь в жизнь, превращаясь в свет, возрождая к жизни его самого. Рождение сыновей... Материнская брошь с розой... поездка на Инцитате, когда он до конца уверовал в истинность ее любви... Он знал, что снова может дышать. Он знал, что переступил черту, отделяющую белое от черного. И вернулся в мир живых — к ней.

В этот момент раздался треск подпор. Разбойники работали топорами.

Серж де Конфьян вздрогнул, приходя в себя. Катрин... Катрин! Катрин!

Он пытался кричать, чтобы прекратили рубить веревки, но из него не вырывалось ни звука.

Он пытался бежать к ней, чтобы снять ее с помоста. Но ноги были будто прикованы к этой проклятой земле.

Катрин!

Если бы мог он вгрызаться в землю — вгрызался бы.

Если бы он мог взмыть в воздух — взмыл бы.

Но вместо этого стоял и смотрел на происходящее спокойно, неподвижно. Только взгляд метался пойманной птицей. Но Катрин не видела этого взгляда. И никогда не увидит. И через какое-то мгновение все оборвется.

Подпоры рухнули.

Его сердце остановилось. Жар ладоней сменился холодом. И он молился о том, чтобы сердце не вздумало возобновлять свой ход. Пусть бы молчало. Отныне и навсегда. Потому что жить без нее он не станет.

Ее тело на мгновение повисло в воздухе. И он сам начал задыхаться. Пусть только хрустнут позвонки. Пусть только не от удушья. Пусть ангелы заберут ее на небо. Пусть ей больше никогда не будет больно. Пусть больно будет только ему.

И вдруг страшный треск зазвучал под небом вместе с криком воронья, взметнувшегося куда-то испуганной стаей. Сук многовекового дерева рухнул вместе с телом повешенной на нем женщины.

— Катрин!!! — раздался над горами его крик.

И, словно освободившись, маркиз де Конфьян бросился вперед, к бревнам разрушенного помоста, где под огромным суком была погребена его собственная жизнь.

30 декабря 2015 года, Париж

Картинки в телевизоре изменялись каждую секунду, издавая булькающие звуки, — принц Мишель сосредоточенно нажимал кнопки пульта. Маркиз Серж не менее сосредоточенно разглядывал елку, установленную на тумбочке. Он подходил к ней то слева, то справа, предпринимая безуспешные попытки дотянуться до гирлянды, подмигивающей ему разноцветными лампочками. Поль с дивана наблюдал за потугами мелкого трубадура, медленно покачивая Клода, норовящего захныкать, и вяло размышляя о том, какого дьявола елка, которую нарядила Лиз, белого цвета. Поседела она, что ли?

— Вот и я могу в скором времени поседеть, если к нам еще кто-нибудь припрется, — мрачно сообщил Поль Клоду и вздрогнул, услышав звонок.

С рыжим маркизом на руках он поплелся в коридор и распахнул дверь.

На пороге стоял высокий почтенный господин в летах, с убеленными благородной сединой висками и сердито сопевший носом.

— Поль предположительно Бабенберг? — сухо осведомился он.

— А вы предположительно кто? — поинтересовался Поль.

— Я определенно отец женщины, с которой вы живете, — заявил он, решительно проходя в квартиру. — Что за ребенок? Ваш?

Мужчина кивнул на Клода.

— Наш! — не менее решительно вслед за ним отправился Поль.

Из кухни показалась голова Лиз, она тихо ойкнула, помахала папе ручкой, сказала:

— Salut, papa!

И снова скрылась.

Рара тихонько булькнул и снова посмотрел на рыжего младенца. Открыл рот, чтобы что-то спросить, но в этот момент из гостиной задом наперед выполз маркиз, тащивший за собой гирлянду. Увидев новое лицо, он радостно засунул одну из лампочек в рот.

— Серж! — вскрикнул Поль и посмотрел на предполагаемого тестя. — Ну что вы стоите, как статуя нераскаившегося грешника? Заберите у него лампочку!

Степенный господин, а попросту месье де Савинье, медленно кивнул, тут же спохватился и бросился к ребенку. Через мгновение он уже усердно боролся с юным маркизом, гирлянду отдавать не желавшим.

— А этот чей? — в ужасе спросил он.

— Наш! — ответил Поль. — Послушайте, месье. Так не пойдет. Возьмите Клода, а я займусь Сержем.

— Вы рехнулись? Я его и в руки-то взять боюсь.

Месье де Савинье совершенно позабыл, что вырастил троих детей.

— Не бойтесь! Вы же мужчина.

Поль вручил ему младенца и склонился над Сержем, разжимая его пальцы, вцепившиеся в провод. Ему это удалось, и он стал сматывать гирлянду, которая поддавалась плохо. Не успев задуматься почему, он ошалело уставился на въезжающего в коридор принца, держащегося обеими руками за конец гирлянды.

Месье де Савинье икнул, глядя на светловолосого мальчонку. Потом беспомощно посмотрел на Поля. Открыл рот, чтобы что-то спросить. Но, видимо, передумал и закрыл

его. И потом схватился свободной рукой за сердце.

Лиз, удачно рассчитавшая на кухне время, выскочила со стаканом воды, в котором шипела таблетка Донормила.

— Уже бегу! — бросила она на ходу. Забрала у отца Клода и сунула ему в руки стакан.

Месье де Савинье шумно глотнул содержимое, поморщился. И наконец, спросил почти совсем не грозно:

— Обезьянка... Чьи все эти дети?

— Наши! — уверенно заявила Лиз.

После этого он в очередной раз схватился за сердце и медленно сполз по стене на пол.

— То есть временно наши. Конкретно сейчас наши. Но все еще может десять раз измениться! — пропищала она, прижимая к себе Клода.

Поль хмуро смотрел на отца Лиз. Ему определенно не нравились ни его тон, ни, тем более, его обращение.

— И кого это вы обезьяной обзываете, а? — поинтересовался он.

У стены в это время происходило нечто похожее на шабаш ведьм. Серж, воспользовавшись тем, что Поль оставил его без внимания, принялся обматывать гирляндой сидящего на полу месье де Савинье. Мишель ему живо помогал.

— Ее, — пробормотал месье де Савинье и ткнул пальцем в дочь.

Лиз улыбнулась и развела руками.

— Он с детства так меня зовет.

— Какая ж ты обезьяна? — Поль недоуменно посмотрел на Лиз. Он отлично помнил, как однажды она повела его в зоопарк, где он увидел множество животных, никогда ранее им не виденных. И кроме того, он отлично помнил обезьянник. С гиббонами, гориллами и огромным семейством гамадрилов.

— Обыкновенная краснобрюхая мартышка, — спокойно ответила Лиз, глядя, как юный маркиз перекинул гирлянду через ухо месье де Савинье и удовлетворенно рыкнул.

— Нифига ты не обыкновенная! Но если тебе нравится быть обезьяной... — он пожал плечами.

— Откуда у вас дети? — вдруг раздался грозный голос месье де Савинье, кажется, начинавшего приходить в себя.

— Вам какая разница, — проворчал Поль. — Они же у нас, а не у вас.

— Видишь ли, папа... — начала Лиз и тут же замолчала.

Мысль о том, что друзья попросили их присмотреть за детьми, была отброшена. Отец в жизни не поверит, что кто-нибудь в своем уме доверит его непутевой дочери троих детей. «Ты безответственная!» — заявил он десять лет назад, когда у нее засох цветок в горшке, потому что она забывала его поливать. С тех пор своего вердикта он не изменил. Управление рестораном было под довольно жестким контролем отца. И этот гребанный банкет обернулся ее надеждой убедить его, что ей можно доверить его детище!

Черт... ресторан, банкет... дети!

Вторая мысль была о том, что они решили организовать нечто вроде семейного приюта. Глупость, конечно, но...

— Мы решили их усыновить! — уверенно заявила Лиз.

— В общем, они наши, — подтвердил Поль. — Прикольные пацаны, правда?

— Что за чушь? — взревел Пьер де Савинье, глядя на избранника своей дочери. — Вы слышите себя или нет?

Следующие полчаса, расхаживая вокруг несчастного отца, украшенного елочной гирляндой, Лиз рассказывала ему печальную и трогательную историю о том, как трудно пришлось Полю — ведь бедняга рос в приюте при монастыре, не зная ничего о своих родителях. А теперь, когда он нашел их, наконец, они не верили ему, не желали принять в свою семью и унижали анализами ДНК. А какие анализы, когда у него на лице написано, что он сын Николая Бабенберга? И вот теперь, когда все более или менее устроилось, и у Поля появилась она, Вивьен Лиз де Савинье, они решили сделать доброе дело и принять в свою семью этих несчастных сироток, чтобы хоть кому-то в этом несправедливом мире повезло.

При этом она так нежно прижимала к себе Клода, что даже он стал изумленно коситься на нее. А принц и маркиз, сидевшие на коленях месье де Савинье, в кои-то веки молча слушали.

Поль, открыв рот, внимал Лиз так же изумленно и молча, как и дети. Не отрывая глаз, следил он за ее блужданиями вокруг отца, восхищаясь стройностью ее мыслей. И она еще называет себя идиоткой! Да он бы никогда не придумал такой правдоподобной истории.

— Классная она, правда? — спросил он у месье де Савинье.

— Идиотка! — вынес очередной вердикт месье де Савинье, смахивая скупую слезу от гордости. — Вздумаешь ее обидеть, будешь иметь дело со мной. И только попробуй ее бросить!

Поль жалобно взглянул на Лиз.

— В общем, если комитет по этим делам, вечно забываю, как оно называется, примет решение, что нам можно доверять, дети наши! — заключила девушка.

— А нам можно доверять, — уверенно подтвердил Поль. — Может, чаю?

— Нет, спасибо, — пробормотал месье де Савинье, но уголки его губ ползли вверх. — И как зовут моих внуков?

— Вот этот рыжий, — кивнул Поль в сторону Лиз, — Клод. Это Мишель. А это Серж. Очень умный пацан. Вероятно, в папу пошел, — широко улыбнулся будущий отец.

Месье де Савинье посмотрел на притихших малышей возле себя. Потом поднялся и подошел к дочери, посмотрел на Клода и распорядился:

— Сообщите моей секретарше даты их рождений. Позвоните матери. Чтобы ее сердечный приступ не хватил, когда она придет к вам в гости. И главное, не провалите завтрашний банкет.

Он потрепал малыша Клода за щеку и глубокомысленно изрек напоследок:

— Ну... может, хоть из этих кто-то будет достоин занять мое место.

С этими словами Пьер де Савинье направился к входной двери и покинул квартиру. Как был. В гирлянде.

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Ястребиная гора

Тишина взорвалась криком маркиза де Конфьяна, треском и хлопаньем десятков крыльев. Его Величество посмотрел туда, где должна была быть виселица, но увидел лишь груды бревен и ветвей. Среди них угадывалось яркое зеленое пятно. К нему бежал Серж, за маркизом устремился и Мишель. Возможно, Катрин еще можно спасти... Потому что даже мысль о том, что нельзя, была невыносима.

— Стоять! — несколько разбойников преградили ему дорогу, угрожая своими палицами.

Быстрый удар по лицу свалил одного из них. Его Величество выхватил его палицу и стал прокладывать себе дорогу дальше.

— Эй, оставьте его! — выкрикнул Шаню, оказавшийся рядом со своим кинжалом. — Представление окончено!

— А денег, как не было, так и нет, — рывкнул один из нападавших.

— Заткнись, Мусташ. Никуда Его Светлость не убежит, — он обернулся к пленнику. — Верно, Ваша Светлость?

— Верно! — отмахнулся Мишель, глядя как маркиз начинает разбирать завал из сучьев.

— Да ему и бежать-то некуда, — проворчал Мусташ, отступая в сторону, — горы кругом. Взбеленились все из-за девки.

Шаню подмигнул пленнику и вместе с ним помчался к предводителю.

Сук был отброшен в сторону, и маркиз бросился к жене, припадая лицом к ее груди. Она дышала! Едва заметно! Но она дышала! Отрывистыми движениями судорожно дрожавших рук он устроил ее голову у себя на коленях и принялся развязывать мешок на ее лице, молясь Господу о том, чтобы она ничего серьезного не повредила себе при падении и ударе. Хоть и невысоко, но кости переломать о бревна недолго.

Узел не поддавался. Петля была стянута туго. Он вынул кинжал из-за пояса и перерезал веревку, а после стащил с ее головы мешок. Перехватило дыхание, а сердце сжалось от боли.

— Катрин, — прошептал он, потянувшись ладонью к ее лицу, и тут же отдернул руку, словно бы не осмеливаясь прикоснуться. Лицо уже теперь было припухшим, под глазами от переносицы начинали расползаться темные багровые пятна — видимо, по носу пришелся удар ветки, смягченный мешком. Но тот же грубый мешок по всему лицу оставил пятна немного счесанной кожи, отчего теперь оно быстро опухало. Взгляд его скользнул ниже, к шее, где темной полоской остался след от петли.

— Катрин, — снова вырвалось сдавленным стоном.

— Да ничего смертельного! — объявил довольный собой Шаню. Кажется, хозяин не станет ругать его за спиленный сук.

— Жива? — спросил Мишель, наклоняясь к маркизу и рассматривая лицо Катрин. И нахмурился, снова вспомнив поездку в Монсальваж. Кому, как не ему, были понятны сейчас чувства Сержа.

— Жива, — хрипло выдохнул де Конфьян и вздрогнул. Король? Откуда здесь король? Пленник подземелья Ястребиной горы — король. И теперь воспоминания о произошедшем за несколько последних дней, будто вытесненные навалившимися на него прошлым и настоящим, перемешались со всем прочим, что называлось памятью. Но все это было

неважным. Он смотрел на лицо жены и молился о том, чтобы она размежила веки, чтобы увидела его глаза — ведь этого довольно, чтобы понять, что... Чтобы понять что? Что муж сделался ее палачом?

Неожиданно она вздрогнула всем телом в его руках, и он крепче прижал ее.

— Катрин, — снова прошептал маркиз.

Первое, что увидела Катрин — лицо Сержа. Кажется, все это уже было. Но только смотрел он на нее напряженно и с беспокойством. Она всматривалась в его черты, родные, любимые, и верила, что с Якулом покончено. Ее муж, наконец, вернулся к ней. Взгляд Катрин упал на его виски, припорошенные белым. Она протянула руку, чтобы смахнуть дерзкие снежинки, и поняла, что они теперь останутся у него навсегда. Несчастный! Сколько бесконечных дней тьма держала его! Маркиза попыталась сказать, что сожалеет, и к своему ужасу не услышала ни звука. Снова раскрыла губы — и снова тишина. Катрин резко бросилась к мужу, чтобы обнять его, прижаться к нему, чтобы ее сердце сказало его сердцу, как сильно любит его, но резкая боль пронзила все ее тело, и она откинулась обратно, прикрыв глаза рукой.

Он ничего не мог более, кроме как припасть губами к ее руке, которой она закрыла лицо. И так и замереть над ней, желая слиться с нею навеки, но зная, что того, что он сделал, простить нельзя. Никогда. Как бы ни была сильна любовь. Самого себя он тоже никогда уже не простит. Он молча покачивал ее на руках и слушал, как бьется ее сердце. Этого было довольно. Большого быть не может.

— Опоздаем, — уныло сказала черепашка, глядя из своего угла, как королева Мари переворачивает вверх дном комнату Якула.

— Не опоздаем! — почти зарычала королева. — Я очень пунктуальна.

— Ты умудрилась опоздать даже на собственную свадьбу. Напомнить, сколько времени король прождал тебя в церкви?

— Это совсем другое! — прикрикнула Мари и тут же сердито откинула в сторону черепок битой посуды. — У маркиза странные понятия о чистоте.

— Так он теперь не маркиз. Он теперь Якул, — засмеялся Маглор Форжерон.

— Лучше бы вы, дядюшка, попытались расколдоваться — помогли бы мне искать ожерелье.

— Да сколько раз тебе объяснять, глупое создание, не могу я! Сто раз пробовал, ничего не получалось! Вот видишь? Видишь? — черепашка стала стучать лапкой по полу. И после очередного удара на месте черепашки появился старец с длинной бородой и в черном плаще вместо панциря. Старец посмотрел на свои руки и изумленно выдохнул: — Смотри-ка... и как это я так...

Мари, не обращая внимания на Великого магистра, стала грохотать шкатулками и сундучками, вываливая их содержимое на пол.

— Вот же! — воскликнула она и показала магистру золотистую голову змеи. — Давай, отправляй нас к Мишелю!

В следующее мгновение они уже стояли во дворе башни у разрушенного помоста. И изумленный магистр, глядя на открывшуюся им сцену, глубокомысленно изрек:

— Опоздали!

Отойдя в сторону от Сержа и Катрин, Его Величество не смотрел более на них. Он ничем не мог им помочь. Но хотя бы маркиза осталась жива. С остальным им придется справляться самим. Заметив Мари и принявшего человеческий облик Великого магистра,

Мишель спешно подошел к ним. Ожерелье!

— Наконец-то! — выдохнул король и быстро поцеловал жену в щеку. Забрав у нее Змею, он зло произнес: — Где ты, проклятый Петрунель?

— Здесь я, здесь, — донеслось до них откуда-то из-за гор. И вдруг один из воронов приземлился на плащ короля. — Незачем так шуметь. Ну, порезвился! Ну, с кем не бывает! Думаете, так просто сидеть запертым в Безвременье? Так ведь исправил все — маркиза живая, память трубадуру вернул!

— Не лгите, магистр. Вы не резвились. Вы хотели другого! — гневно рыкнул Мишель.

— А что тут вообще делается-то, а? — раздался сердитый голос Мусташа. — Может, их всех в темницу, парни?

«Парни» радостно повынимали свои палицы и принялись галдеть.

— Ну невозможно работать в таких условиях. Драматизм теряется! — рассердился Великий магистр Маглор Форжерон и щелкнул пальцами. В то же мгновение разбойники замерли на своих местах. Остальные же переместились в Межвременье. — Мишель, лично мне неприятно разговаривать с лысой вороной!

— Это где я лысый? — огрызнулся ворон.

Мишель усмехнулся и, отмахнувшись от Петрунеля, посмотрел на Великого магистра.

— Что вы там предлагали с ним сделать? Раз уж в Безвременье ему скучно, и он ищет развлечений на свою лысую голову.

— Сперва надо решить, что делать с тобой, Мишель, — недовольно проворчал Великий магистр. — Ты понимаешь, что это никогда не закончится, покуда ты не примешь моего титула? Вас двое, — он кивнул на Петрунеля, — вы оба наделены волшебной силой. Но когда один из вас примет титул, второй силы лишится. Так было всегда, дабы не вызывать распрей в семье. Новые маги будут только в следующем поколении. Едва ли Петрунель женится, потому от недостойного семени в наших посевах мы избавимся.

Мишель удрученно вздохнул, посмотрел куда-то в неожиданно прояснившееся небо и недовольно буркнул:

— Черт с вами! Давайте ваш титул!

Великий магистр, приготовивший было еще полсотни аргументов, замер с открытым ртом, изумленно глядя на так быстро согласившегося короля. Потом вернул челюсть на место и радостно снял с пальца старинный перстень и сунул его в руки короля.

— Наделяю тебя силой, данной мне именем Великого Белинуса, и в подтверждение своих слов дарю тебе символ этой силы — перстень великого кельта! Род Наве отныне единственный, наследующий титул, как было задумано нашим общим предком.

В то же мгновение ворон встрепенулся, захлопал крыльями, взметнулся в воздух и попытался вырвать из рук короля украшение, весьма ощутимо клюнув того в палец.

— Нет! — восклицал ворон. — Не позволю! Всех изведу!

За что получил не менее ощутимый щелчок по голове.

— Отправляйтесь-ка вы, магистр, на все четыре стороны! — пробормотал Мишель, надевая перстень на палец.

Мэтр Петрунель пискнул. Взвизгнул. Пробормотал:

— И все-таки я вас почти победил!

А в то же мгновение разлетелся на множество перьев, которые ветер понес далеко-далеко с гор по долинам.

— Вау, — выдохнула Мари и бросилась на шею короля.

Счастливо прижав ее к себе, Мишель пробормотал:

— Мне тоже понравилось. Теперь пора домой! Чтобы все сущее вернулось, наконец, в те места, которым принадлежит.

Она только успела моргнуть, как оказалась в детской. На полу, посреди пушистой шкуры, сидел юный принц Мишель и старательно жевал кусок пиццы. Сердце ее забило чаще — они были дома. Дома! Наконец, дома!

И осознание того, что Фенелла — дом, заставило ее тихо заплакать, глядя на маленького принца, которого не видела несколько часов.

Его Величество поднял сына на руки и с удивлением посмотрел на то, что он жевал.

— А ничего более подходящего для ребенка, кроме этих блинов, в твоём времени не нашлось? — недовольно хмыкнул он.

31 декабря 2015 года, Париж

Новогодний вечер проходил по-семейному. Одетые в костюмчики Бэтмена и Супермэна Серж и Мишель беззвучно боролись за право обладания ноутбуком. Поль в колпаке эльфа напевал Клоду какую-то канцону своего друга Скриба, наблюдая, как засыпает рыжий маркиз.

— Кто хочет мандарин? — спросил он дерущихся пацанов, устроив Клода на диване среди подушек. В то же мгновение ноутбук был брошен на пол, и двое оборотов уже тянули руки к своей няньке.

После они дружно сидели за столом, поедали десерты и фрукты. И все было бы просто замечательно, если бы не одно но! Лиз была в ресторане, на своем идиотском банкете. И это обстоятельство портило вечер и заставляло Поля часто печально вздыхать.

Их почти настоящую идиллию прервал звук поворачивавшегося в замке ключа.

Лиз впорхнула в квартиру, напевая под нос *Vive le vent* и принеся за собой шлейф духов и морозного воздуха.

— Я сбежала! — торжественно объявила она.

Опрокинув стул, Поль в пару шагов оказался рядом с Лиз. Подхватил на руки и уткнулся носом в шею девушки, втягивая в себя ее запах. И заурчал от удовольствия.

— Правильно сделала, — отлепился он от нее. — У нас здесь гораздо лучше. Лиииз! Ты правда, не против, что они теперь останутся у нас?

— Не в приют же их, в самом деле, отдавать. Но было бы лучше, если бы их забрали их родители.

— Ты, конечно, права, — Поль поставил Лиз на пол, почесал затылок и помог ей раздеться. — Но может... Лиз, я это... Давай своих, а?

Лиз тихонько засмеялась, поправила на его голове колпак и очень серьезно сказала:

— Они будут целыми днями орать. Требовать еды. И бог знает, чего еще. Мы очень скоро сможем чувствовать себя свободными. С сексом начнутся проблемы. Спать мы не будем вовсе. Ты уверен, что готов на такие жертвы с сумасшедшей девушкой, которую знаешь месяц?

Поль задумчиво оглянулся на охламонов, каждый из которых снова был занят собой. Клод раскрыв глаза, размахивал кулачками. Мишель тыкал в кнопки ноутбука. А Серж весьма необычным способом читал какой-то журнал: вырывая страницы и разрывая их на мелкие части.

Потом посмотрел на Лиз и так же серьезно сказал:

— Уверен. Но при условии, что ты тоже этого хочешь. Никак иначе, — он коснулся ее губ поцелуем. — Ты голодная?

— Разумеется, голодная. Я пришла с банкета, организованного для одного засранца, который не отличает вино в сто евро за бутылку от вина из супермаркета за семь девяносто.

— А у нас есть мандарины и тарт татен, — рассмеялся Поль. — А! Еще мороженое, — и помчался к холодильнику.

Лиз сидела на диване, глядя прямо перед собой, и чуть улыбалась, сама того не осознавая. Это был один из самых лучших дней в ее жизни. И, уж точно, самый лучший год. Все свалилось на нее в один миг какой-то месяц назад, но этого месяца ей вполне хватило,

чтобы оценить — это ее. Наконец-то ее. Самый красивый монах из двенадцатого века с потрясающим чувством юмора, мечтами о винограднике и... умеющий потрясающе целоваться. Она закрыла глаза, прислушиваясь к возне принца и маркиза на полу. Если бы можно было выбрать, в каком времени зависнуть навсегда, пожалуй, она предпочла бы этот вечер. И еще много-много-много таких вечеров.

— Но сперва ты получишь права! — крикнула Лиз, не открывая глаз и зная, что он прекрасно ее услышал из кухни.

— Хорошо, хорошо, получу, — проговорил Поль рядом с ней, протягивая ей ложку с мороженым.

Лиз приоткрыла один глаз, слизнула с ложки ее содержимое и тихо проворчала:

— А еще я буду требовать клубнику среди зимы и заедать ее рыбой. Совсем-совсем запрещаю тебе пить, потому что меня обязательно будет воротить от запаха алкоголя и, вероятнее всего, мне будет очень трудно бросить курить. Но тебе придется заставить меня. Иначе я обижусь на тебя на всю жизнь.

— Хорошо, заставлю, — он снова протянул ей ложку с мороженым.

В этот момент на диван вскарабкался маркиз Серж и попытался отнять у Поля ложку. Его Высочество, как замороженный, наблюдал за этим с пола.

— Ээээ, нет! Все! Спать! — Поль решительно отставил мороженое на стол. Подхватил юных аристократов подмышки и поволок в спальню. — Лиз, ты Клода укладывай! — распорядился он на ходу.

— Папаша! — фыркнула Лиз, потянулась к Клоду, лежавшему рядом на диване, и вскрикнула. Диван был совершенно пуст. Лиз медленно повернулась к Полю. Ни маркиза, ни принца в его руках не было.

— Vae! — выдохнул Поль и проворчал: — Почему к ним так быстро привыкаешь?

— Ну... значит, у тебя дома теперь все хорошо, — растерянно проговорила Лиз.

— Хорошо, — кивнул Поль. — Только вот Скриб...

— Скриб, — согласилась Лиз. И тут ей в голову пришла мысль, гениальная в своей простоте. Впервые за столько времени они остались наедине, а значит...

— Месье Бабенберг, — сказала она тихонько и расстегнула пуговку блузки, — так что там насчет десерта?

Поль вздохнул, внимательно проследил за пальцами Лиз и сглотнул. Он медленно вернулся к ней на диван, медленно расстегнул все оставшиеся пуговицы на ее блузке, сделал «страшные глаза» и глухо проговорил:

— С десертом все в полном порядке. Десерт готов!

Во многих временах

— Клянусь вам, мессеры, друзья! Жизнь моя прежде была подобна угасающему светочу — не знал я ответов, и как ни искал, Господь не желал указывать мне пути к истине! Теперь же вижу, истина, любезные мессеры, вовсе не в молитве, не в затворничестве, не под сводами соборов! Истина — в счастье! А счастье человеческое в удовольствиях!

— Да пей уже! — загоготал, перекрикивая громкую музыку, голос с другого конца диванчика.

Брат Ансельм согласно кивнул своей давно уже почти ничего не соображающей головой и влил в глотку очередной бокал мартини.

— А это как, дед? — спросил молодой человек возле него.

— Дерьмо! — отозвался, поморщившись брат Ансельм. — Ничего хуже не пил!

— Ты же говорил, что не пил ничего хуже джина!

— А это еще хуже! — упрямо мотнул головой брат Ансельм.

— Окей! Что дальше по списку?

— Ром? — осторожно спросила голая девица в странных повязках на груди и бедрах, которая уже начала отзываться на прозвище «Блудница». — Может, с содовой?

— Чистый! — отрезал грохочущий голос с другого конца дивана.

— Чистый! — поддакнул брат Ансельм. — Чистый, как райские кущи! — и тут же взгрустнулось ему, обвел он печальным взором свою замечательную компанию и проговорил: — Хоть бы одним глазом увидеть их!

И увидал!

Моргнуть не успел, как оказался в саду возле родной обители. Там пахло навозом, коим удобрили землю, а деревья стояли голые, уродливо корявые. Ветер гнул их кроны к земле и забирался под срамные одежды, в кои нарядили его новые друзья. Брат Ансельм в ужасе оглянулся по сторонам, гадая, что же теперь делать, и где искать тот путь, которому еще пять минут назад он намеревался следовать.

— Укажи мне, что делать мне, Господи! — побелевшими губами прошептал брат Ансельм, чувствуя, как заплетается его язык, двадцать лет не знавший вкуса вина.

И вдруг услышал писк у себя под ногами.

Укутанный в убогую тряпицу, совсем замерзший, на земле лежал младенец — новорожденное дитя.

— Deus misereatur! — воскликнул брат Ансельм.

И следующие двадцать лет уже не пил.

Солнечный луч скользнул по узкому крохотному окошку комнатки, которую когда-то давно в Трезмонском замке занимал брат Паулюс. И, проникнув в нее, подобрался к узкой постели, зацепил волосатую здоровенную ладонь, свисающую с нее, и вскарабкался вверх по руке, осветив гордый профиль фрейхерра Кайзерлинга. На груди его тихонько посापывал брат Ницетас. И от того чувствовал себя фрейхерр Кайзерлинг совершенно счастливым. Впервые в жизни нашел он друга, милого его сердцу. И знал, что дружба меж ними, начавшаяся в эту удивительную ночь, будет длиться всю жизнь, даже если доведется ему вновь вернуться в Вестфалию и покинуть брата Ницетаса — душа его не отпустит драгоценный образ. Нет, он заберет этот образ с собой. И станет жить только теми

минутами, что подарило им небо. Ведь участь великих — страдание. А участь святых — отверженность. Но если бы только возможно было продлить эту минуту — о, он продлил бы ее на века!

— Друг мой, — услышал он хриплый со сна голос брата Ницетаса и почти потерял голову от острого, крепкого запаха вина из его рта, — друг мой, мы опоздаем во храм.

— Я не собираюсь молиться нынче, друг мой Ницетас! — отозвался германец и перекатился на бок, заглянув в светлые глаза этого святого человека и зная, что никогда не достигь ему подобной святости. — Нынче не для молитвы время, — шепнул он в его губы.

— Не для молитвы, друг мой, — ответил брат Ницетас, — но как же коронация графа Салета?

— Черт бы подрал графа Салета, — ответил фрейхерр Кайзерлинг. — Чего не сделаешь ради дружбы. Но, признаться, я бы не вылезал из постели до завтрашнего утра.

Совсем пунцовым сделался брат Ницетас. Дыхание его сбилось. И прикоснулся он с нежным лобзаньем к твердым, суровым устам лучшего своего друга, чувствуя, как напряглось то, что осмеливался он назвать лишь на латыни.

— Я бы ни за что не расстался с тобой, дорогой мой друг, — почти простонал благочестивый монах. — Но коронация!

— Я бы отдал все на свете, чтобы оказаться сейчас подальше отсюда — там, где можно не помнить о долге! — прорычал Кайзерлинг, подминая под себя брата Ницетаса.

И в следующее мгновение комната опустела.

И только где-то в Вестфалии, при дворе Фридриха Гогенштауфена среди свиты вновь появился пропавший много лет назад фрейхерр Кайзерлинг, сделавшийся теперь мрачнее тучи и менявший друзей одного за другим, будто искал утешения. Да в Сент-Галленском аббатстве дни за днями и ночи за ночами молился за его душу несчастный монах брат Ницетас, терзая свое тело веригами.

Граф Салет стоял посреди тронного зала и смотрел на то, как трон до блеска протирают слуги. Он хмурил брови и думал, какая участь его ждет — отныне он станет родоначальником новой королевской династии. Король Анри I Трезмонский. И прощай, старая жизнь. Ведь дела государственные станут превыше того, что хотел бы он получить как граф.

Первым делом ему, несомненно, придется жениться. В жены следует выбрать женщину молодую и не слишком умную — от умных беды одни. А он церемониться не привык. Временами грустилось ему, когда вспоминал портрет Катрин де Жуайез, чье прекрасное лицо не выходило из его головы вот уже сколько долгих месяцев. Все началось тогда, когда умер дальний его родственник, герцог де Жуайез. И он собирался по весне отправиться в герцогство, чтобы взять опеку над вдовой. Уже тогда доставили ему ее портрет из Брабанта — купили у ныне покойного папаши госпожи Катрин. И едва увидав ее, он разучился думать о прочих женщинах, твердо решив предложить ей выбор: стать его женой или отправиться в монастырь. Но уже тогда объявили о ее помолвке с королем Мишелем. Салет всерьез задумывался о том, чтобы похитить ее прямо из Жуайеза. Но затевать склоку с королем? Нет, он не настолько безумен. И каково же было его удивление, когда женщина, которую он желал, оказалась замужем вместо короля за блаженным Сержем Скрибом из семьи Конфьянов, его родственников! Как негодовал Салет! Как мечтал вызвать на поединок молокососа, ставшего посмешищем не только на весь маркизат, но и на все королевство со своими канцонами.

И прошло всего-то два года — Катрин вновь овдовела.

Как он желал ее! Как мечтал о том, что теперь-то сумеет заполучить ее. Он бы спас ее от лап брата Ницетаса и церкви. Лишь бы только хоть так попала она в его власть!

Но вот уж который день прочесывали всю округу Трезмонского замка, а ее так и не нашли. Ни ее, ни наследников Сержа де Конфьяна.

Власть не давала ему права распоряжаться Катрин.

Власть не давала ему ничего, кроме долга!

Но как он желал бы теперь изменить свою участь! Потому что власть без Катрин де Конфьян была ему ни к чему!

И тот же час, едва подумал об этом, граф Салет увидел ветхие стены родного замка.

На что он мог рассчитывать при таком-то имуществе?

Всего-то полчаса в этом странном диком месте, и Полин считала себя вполне обжившейся. Кухаркой здесь почему-то был мужчина, к слову, красивый, крупный. Толстоват, ну да то не беда — стало быть при деньгах, не голодает. Ему понравилась сковородка Барбары, и он, одобрительно улыбаясь, жарил на ней уже вторую партию блинов. Более того, он на нее не кричал. Не обзывал дурой и, кажется, она сама ему тоже приглянулась. Он даже позволил ей посидеть на кухне, пока он не закончит, «а потом разберемся, что с тобой делать».

Полин совершенно точно знала, как именно они будут разбираться. По-другому с ней никто еще не разбирался. И потому все эти полчаса усердно ему улыбалась. Все прочие удивленно озирались на ее головной убор, но Полин это забавляло — посмотрели бы получше на свои колпаки.

— Так как, говоришь, называется твой городок?

— Фенелла, мессир, — охотно закивала Полин. — Только это не городок, это столица королевства Трезмонского. Я состою при дворе короля Мишеля... Пожалуй, что первой дамой.

Она важно поправила складки котта и ткань вимпла у подбородка.

— Круто, — ответил ей «кухарка». — А костюм в театре напрокат взяла?

Полин почти ни слова не поняла из того, что он сказал, но дурой казаться ей не хотелось. И потому она вздернула свой носик и заявила:

— Мессир, я никогда не беру чужого. У меня довольно своего.

Несколько девиц в колпаках рассмеялись, но Полин выпятила нижнюю губу и добавила:

— У нас в королевстве вообще все у всех свое! Чужого не носим.

И так отчаянно захотелось Полин домой, что сам Господь услышал, как тоскует маленькое и нежное ее сердце, и перенес на родную кухню. Прямо к самой печке, где колдовала Барбара.

— Ты что подкрадываешься? — сердито спросила старуха. — Чтоб тебя унесли драконы, дуреху эдакую! Ты куда подевала мою сковородку?

Февраль 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Конфьян

Отняв от лица руку, Катрин с удивлением оглядела свою комнату и облегченно вздохнула. Дома. Они дома. Теперь все будет хорошо. Будет, как прежде. Серж рядом, она чувствовала его руки, обнимающие ее. Только он почему-то молчал, странно глядя на нее. Ни радости, ни заботы. В пугающей тишине маркиза настороженно смотрела в его лицо, пытаясь понять, о чем он раздумывает. Может ли он желать быть там, на горе, теперь?

Маркиз же де Конфьян, овладев, наконец, собой, едва заметно выдохнул и чуть отстранился.

— Ты дома, любовь моя, — тихо сказал он. — Все закончилось. Теперь все закончилось.

Нежно, будто ребенка, он коснулся губами ее лба и снова отстранился.

Ей хотелось потянуться за ним, но тело не слушалось, болело, не пускало. Катрин вновь попробовала спросить, что происходит, но и это у нее не вышло. Она огорченно посмотрела на Сержа. Ведь он большой выдумщик и обязательно что-нибудь придумает.

— Что? — испуганно спросил маркиз, всматриваясь в ее лицо, на котором каждая ранка была раной на его собственной душе и непереносимой тяжестью вины. — Катрин, что?

Она зашевелила губами в ответ и вдруг поморщилась. Лицо неприятно саднило. Хмурясь прикоснулась к щекам, лбу и в ужасе зажмурилась, скривившись еще сильнее. Он снова вздрогнул и осторожно отнял ее руку от лица. Прикоснулся губами к пальцам и быстро прошептал:

— Не нужно, не трогай. Ты сделаешь себе больно, если... — оборвал себя и поморщился при мысли о том, что сам-то причинил ей куда бóльшую боль. Снова замер, как замирал теперь постоянно, изучающим взглядом рассматривая каждую ее черту, а потом с трудом, будто заставляя себя, проговорил: — Прости... Я знаю, такое простить... нельзя... Но прости...

Катрин кивнула и, высвободив руку, снова потянулась к лицу.

Маркиз в ужасе смотрел на то, как она прикасается к своим ранам. Как он еще жив после этого? Как еще Господь не покарал его? Почему он все еще дышит воздухом и топчет землю, тогда как давно уже должен был искупать свои грехи в преисподней — в вечных муках? А вместо этого она... Она... Она умерла сегодня... Да, чудо спасло ее! Но все-таки он убил ее. Он сам убил ее! Руки его в крови... Он весь заляпан кровью. Перед глазами мелькало видение — голые ступни рыцаря из стражи короля, которого он повесил. Безвинного человека, который был предан своему сюзерену.

Серж де Конфьян едва сдержал безумный смех, который забился в груди — страх испугать Катрин оказался сильнее. Но, Господи, велик замысел твой! Не будет ли лучшим наказанием жизнь! Жизнь здесь, с той, которой принадлежит его сердце, но которая никогда не сможет смотреть на него и не видеть перед собой палача, приказавшего рубить подпоры помоста.

Маркиз потянулся к ней, чтобы пригладить ее волосы, но тут же отдернул руку. Что он может теперь? Что он может?

— Тебе лучше попробовать поспать, — прошептал Серж, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я пошлю за лекарем немедленно. Хорошо?

Она непонимающе взглянула на него и слабо кивнула. И стала оглядываться в поисках зеркала, которое почему-то оказалось не рядом с постелью, как обычно. Серж проследил за ее взглядом. То, как она избегала отвечать, как теперь искала что-то, лишь бы не слышать его... Невыносимо...

— Почему ты молчишь? — спросил Серж, глядя на багровый шрам от петли. — Скажи хоть слово, чтобы я хотя бы попытался меньше ненавидеть себя за то, что сотворил с тобой.

Катрин тяжело вздохнула и отвернулась. Она уже больше не понимала, что болит сильнее — тело или душа. Он думает, что она наказывает его. И это разрывало сердце. Он одергивал руку, боясь коснуться ее. И это заставляло жалеть, что осталась жива. Никакой лекарь ей не поможет. Еще это проклятое платье! Маркиза начала лихорадочно дергать ткань юбки.

— Я люблю тебя, — обреченно произнес Серж, глядя на ее неловкие движения. — Можешь не верить, но я никогда не переставал тебя любить. И никогда не перестану. Даже если ты больше не скажешь мне ни слова.

Он быстро встал и пошел к выходу из ее покоев. На пороге замешкался, будто ждал, что она позовет. Но она не звала. Он обернулся.

— Я позову лекаря. И служанку, чтобы ты могла переодеться.

Не все ли ей равно, кто будет здесь, если единственный, кто ей нужен — ее муж — уходит, оставляя одну? Катрин медленно натянула на себя покрывало, желая отгородиться им от всего света. Не мигая, смотрела она на Сержа и ощущала каждый его шаг, который разделял их.

Когда дверь за ним закрылась, он вперился взглядом в зеркало, висевшее в коридоре, на которое падал свет из маленького окошка. Долго смотрел, не моргая, на свое лицо. И знал — перед ним лицо Якула, летящего змея. Ничего нового. Глядя в это лицо, она будет видеть Якула. Луч солнца выхватил седые пряди на висках, и маркиз усмехнулся. След, оставшийся от маркиза де Конфьяна, который был убит в это утро. Нет, не тогда, когда он утратил память и имя. А в это утро. Шрамы в их душах никогда, никогда не разглядятся, в отличие от шрамов на ее коже.

В тот же день в доме спрятали все зеркала. До того момента, пока раны маркизы не заживут. Строго-настрога запрещалось говорить при ней о произошедшем в последние месяцы. Сам маркиз, стремясь выполнять малейшее ее желание, при этом почти не показывался ей на глаза, день за днем на расстоянии наблюдая, как она играет с Сержем и Клодом.

Дульцимер в Конфьяне больше не звучал.

Как и голос маркизы.

Март 1188 года по трезмонскому летоисчислению, Конфьян

Служанка, пришедшая утром помочь маркизе одеться, пересказывала, как обычно, сплетни, которые принесла из деревни молочница, и новости, которые сама услышала на кухне.

— Мельник, наконец, приехал. Семейство свое привез, — весело сообщила она. — Двенадцать душ! Сказал, новый дом ставить будет. Ясное дело, где такую ораву в старом-то разместить. Кормилица говорит, у мессира Клода новый зубик режется, — тараторила девица. — День нынче ветреный и пасмурный. А хозяин в Жуайез собирается. Велел коня к полудню приготовить. Сказал, не будет его несколько дней. Дела у него. Важные.

Катрин вздрогнула.

Господи! К чему все было, если теперь супруг не желает видеть ее. Если она порой чувствует себя все так же вдовой. Долгое время после возвращения Катрин постоянно трогала пальцами свое лицо и вспоминала шрамы Никталь, уверенная, маркиз де Конфьян разлюбил ее, потому что она больше не красива. Даже юный Серж поначалу разглядывал ее, открыв от любопытства рот, но потом, кажется, привыкнув к новому облику матери.

Впрочем, спустя некоторое время прошли ушибы, зажили ссадины, тело больше не ныло от любого движения. На своих обычных местах вновь появились зеркала, и Катрин смогла убедиться, что лицо ее по-прежнему прекрасно. Лишь Серж продолжал избегать ее. Он все время был занят. В замке, в деревне, где-то еще. Да голос ее не возвращался.

Тишина, поселившаяся между ними, медленно убивала маркизу. Она не могла говорить, Серж не хотел. Катрин выучилась объясняться с кормилицей, кухаркой, служанками. Но в те редкие минуты, которые они проводили вместе с мужем, она лишь наблюдала за ним, уже не пытаясь сказать ему хоть слово. Словно чего-то ожидая. Но что можно ожидать там, где не осталось ничего, кроме вынужденных и тяготящих обязательств?

Теперь же супруг снова собрался куда-то ехать. А ей оставляет ежеминутное ожидание, вернется он или нет.

Маркиза легко спрыгнула с кровати. Она поедет с ним! Тоскливо усмехнулась — в конце концов, Жуайез — ее замок. И велела служанке позвать кормилицу и собирать вещи.

Маркиз де Конфьян спустился по лестнице вниз, чувствуя раздражение. Игнис захромал. Под подкову ему попал камень, заметили не сразу, а когда уже началось воспаление. И выяснилось все в это утро, когда ему пора было отбывать в Жуайез — накануне он получил письмо от своего поверенного, который извещал о том, что месье Гаспар, по его глубокому убеждению, передал часть прошлогоднего урожая, объявленного побитым градом, графу Салету. Остальное же продал с большим убытком для маркизы, да еще и часть полученных денег прикарманил.

Все эти мелкие неурядицы вызывали злость, но не оставляли свободного времени для того, чтобы думать о чем-то еще. Мучительными были ночи, когда он оставался один и снова и снова проживал то, что случилось на Ястребиной горе. Убедить себя, что то время осталось в прошлом, он не мог. Катрин молчала. Бог отнял у нее дар речи. Должен бы был отнять у него жизнь. Но вместо этого лишил Катрин голоса. Еще одна вечная его вина. Как и боль в ее глазах каждый раз, когда он попадался ей на глаза.

Серж накинул на плечи плащ и пошел во двор, где уже должны были приготовить коня.

Ехать он собирался налегке. Больших приготовлений не требовалось. Едва ли эта поездка затянется больше, чем на три-четыре дня.

Слуги сновали по двору, таская сундуки. Более того, у ворот стояла карета с гербом де Конфьянов.

— Ну и какого черта здесь происходит? — угрюмо рявкнул Серж.

Услышав недовольный голос мужа, Катрин вышла из-за кареты и подошла к нему ближе. С самым решительным настроением не оставаться дома, даже если маркиз будет против.

Весь его пыл, как ветром, сдуло. Он смотрел на жену, готовую к немедленному отъезду, и чувствовал, как холодеет в груди.

— Вы уезжаете? — глухо спросил он.

Катрин нахмурилась. Конечно, она уезжает. Неужели это не понятно по сундукам, карете и ее дорожному плащу?

Маркиза кивнула и взяла Сержа за руку.

— Сейчас? — губы его пересохли, а взгляд был направлен на ее крошечную ладонь, оказавшуюся в его руке, будто в прощальном рукопожатии. Но как он может держать ее? Есть ли у него хоть малейшее право на то, чтобы держать ее после всего, что она пережила его милостью? Он поднял глаза, посмотрел куда-то выше ее головы, потому что невыносимо было бы вновь видеть боль в ее взоре, и сказал: — Хорошо, вы можете ехать. Но развода вам я не дам никогда. Я умру вашим мужем. Оставьте мне хоть это.

Слабо пожав плечами, Катрин осталась стоять рядом, не отнимая руки и наблюдая, как укладывают последний сундук.

— Катрин, — сдавленно прошептал Серж и в каком-то отчаянном порыве протянул руку, чтобы дотронуться до ее щеки. Пальцы замерли у самой кожи, почти касаясь.

И в тот же миг она прижалась щекой к его ладони, прикрыв глаза. Попыталась сказать, что никогда от него не уедет. И вновь убедилась, что теперь ее удел — молчание. Этот простой, такой искренний жест звучал громче любых слов. Все еще боясь поверить тому, что он видел, чувствуя, как переворачивается душа, он поднял вторую руку и осторожно обнял ее плечо.

Сердито сдвинув брови и сжав губы, Катрин снова взяла мужа за руку и повела его к карете. Она не собиралась отпускать его сегодня одного, но и быть виноватой в его задержке ей также не хотелось.

Еще ничего не понимающий, маркиз де Конфьян прошел вслед за ней, помог ей устроиться в карете, но сам замешкался.

— Куда мы едем? — зачем-то спросил он кучера.

Тот криво усмехнулся в усы и радостно воскликнул:

— В Жуайез, Ваша Светлость. Ее Светлость пожелала вас сопровождать.

Он шумно выдохнул и сел в карету возле Катрин. Кажется, впервые за эти недели она была так близко.

— Стало быть, в Жуайез? — ровно спросил он.

Катрин кивнула, не глядя на него. Больше всего на свете в эту минуту, когда в его голосе не было ничего, хотя бы отдаленно похожего на радость, она боялась увидеть в глазах Сержа нежелание брать ее с собой.

Маркиз де Конфьян обреченно откинулся назад, прислонившись спиной к стенке кареты.

Ехали в молчании. Как жили теперь. Из-под полуопущенных век он изучал ее тонкий профиль и думал о том, зачем ей могла понадобиться эта поездка? Впрочем, Жуайез принадлежал маркизе. Маркиз лишь вел его дела. Так когда-то давно было решено меж ними. Но почему сейчас? Почему с ним? И что значил тот ее жест во дворе?

«Господи, — подумал он устало, — я не живу без тебя...»

«Я тоже не умею жить без вас, — поправляя складки юбки, она словно случайно коснулась пальцами его руки, — и я поеду за вами, даже если вы будете гнать меня от себя».

Сердце его пропустило удар. Такое уже было однажды. Как давно... Когда-то они умели понимать друг друга без слов, одно касание — и они открывались так, будто это говорили их души.

«Я бы отдал целую жизнь за то, чтобы ты не страдала... Но причиняю одно лишь страдание...»

Катрин отпрянула от Сержа. Зло сверкнула глазами в его сторону и отвернулась к окошку. Не замечая проплывающего мимо пейзажа, она мрачно думала о том, как же он не понимает...

«Мне не нужна ваша жизнь. Мне нужны вы! Живой!»

Господи! Да что же с ним может случиться? Впрочем, теперь-то была ясна хотя бы причина, отчего она поехала с ним. Безумная! Они оба безумны!

Он решительно взял ее за плечи и развернул лицом к себе.

— Ну все, довольно! — проговорил он, не отдавая себе отчета в том, что сейчас его голос звучит совсем, как голос Якула в одну из их ночей на Ястребиной горе. Как и тогда, он потянулся за поцелуем. И в этот момент карету тряхнуло, и она остановилась.

— Выходи, маркиз де Конфьян, или, клянусь, я сам выволоку тебя оттуда! — раздался голос графа Салета.

Услыхав того, чей голос часто мерещился ей зимой, то отправляя ее на костер, то объявляя своей женой, Катрин испуганно взглянула на Сержа и ухватилась за его плащ. С ужасом понимая, что должна его отпустить, и не имея сил этого сделать, она прижалась губами к его губам.

«Я люблю тебя!»

— Я люблю тебя, — выдохнул он, не желая разрывать поцелуя и прикосновения ее губ, когда она сама — сама! — поцеловала его. Но сделал это. Быстро коснулся губами лба. Заставил себя улыбнуться, лишь бы только она не слишком испугалась. И с широкой улыбкой сказал:

— Я скоро, моя прекрасная дама!

Обнажая на ходу свой меч, он вышел из кареты, щурясь от яркого солнца, окинул взглядом всадников, преградивших им дорогу. И невольно рассмеялся — это были разбойники, с которыми всего несколько недель назад он делил кров. Те изумленно переглядывались, кажется, только теперь сообразив, на чью карету они напали.

— Граф, — усмехнулся маркиз, разглядев среди прочих лицо дальнего родственника, которого видел еще совсем юнцом. — Вы так торопились справиться о моем здоровье, что решили застать нас в дороге? Я польщен вашим беспокойством.

— Более, чем о вас, я беспокоился о самочувствии вашей супруги. Немало потрясений выпало на ее долю. Я мог быть ее опекуном, если бы она не вышла замуж раньше. Потому мое беспокойство имеет основания.

— В самом деле. Вы беспокоились настолько, что едва не отправили ее на костер как

ведьму?

— Святая церковь обвинила ее. Не я. Я был лишь на стороне справедливости.

— Вы искали справедливости не там и не с теми, мессир!

— Теперь я ищу ее у вас. Вашей милостью я вынужден был скитаться несколько недель на окраинах королевства.

— У себя дома! — с усмешкой вставил Серж.

— В то время, как ваша смерть давала мне надежду на получение Жуайеза, — не слушая его, продолжал граф.

— Жуайез принадлежит не мне, а маркизе.

— Я мог быть ее опекуном.

— И потому теперь вы решили исправить несправедливость? — приподняв бровь, осведомился маркиз.

— Вы правильно понимаете.

— И по-разбойничьи решили напасть на меня?

— По-разбойничьи. С разбойниками так и борются.

Среди всадников разнесся недовольный ропот. Того, за чью поимку граф обещал большую награду, они тронуть не могли. У разбойников тоже есть честь. Своя, разбойничья.

— Нет, мессир, — спокойно объявил маркиз де Конфьян, — коли вы желаете, можете вызвать меня на поединок чести. Коли не желаете — я вызываю вас сам.

— Так его, мессир! — донесся из толпы головорезов знакомый голос. Серж обернулся и увидел радостное смуглое лицо Шаню.

— О, ну так все разбойничье братство в сборе, — засмеялся Серж. — Вы сменили предводителя?

— Вас, Ваша Светлость, заменить трудно, — воскликнул Шаню.

— Но можно! — хмуро проворчал Мустах из-за спины графа.

— И ты здесь, старина, — еще больше развеселился бывший предводитель. Однако улыбка быстро стерлась с его губ, и он посмотрел на Салета. — Итак, мессир, я жду вашего вызова либо вызываю вас сам. Все, что пережила маркиза де Конфьян по вашей милости, будет отмщено.

— Как вам будет угодно, мессир! — ответил граф, спрыгивая с коня и вынимая меч из ножен.

Они вышли на дорогу, и зрители, стоявшие по обе ее стороны, замерли в предвкушении. Маркиз и граф кружили некоторое время друг вокруг друга, не торопясь сойтись в поединке, словно бы оценивая силы противника. Серж казался спокойным и таким уверенным в себе, каким не был ни дня за свою жизнь — ему было, за что сражаться и что защищать. Подобно якулу, обрушивающемуся стрелой на свою добычу, маркиз де Конфьян летящей змеей набросился на графа Салета. Тот, не ожидавший такого напора от бывшего трубадура, отступил на шаг, но тут же ответил ударом на его удар. Маркиз отразил его легко, будто примеряясь к тому, насколько искусен Салет во владении мечом. Он смотрел в лицо врага, угрожавшего его жене и сыновьям. И осознание этого делало его, человека, не принимавшего насилия, мечтавшего лишь забыть о кровавых страницах своей жизни, непобедимым. Удары его были точны, как никогда прежде. Он словно бы забавлялся над своей жертвой. Впервые маркиз расценивал соперника так холодно и равнодушно, просто зная, что этого человека карает не только он, маркиз де Конфьян, но и само провидение.

Каков же был ужас графа Салета, сильного воина, сражавшегося не в одной заварушке,

когда он понял, что Серж не уступит ему ни пяди. Скорее от удивления, нежели от того, что был слабее, он начал сбиваться, и это сделало его уязвимым. И первые признаки страха исказили гордое и суровое лицо графа. Он начал осознавать, что силой маркиза не победить. К тому следовало приложить искусство. Поскольку мечом Серж де Конфьян владел не менее виртуозно, чем своим дульцимером. Уроки герцога де Жуайеза не прошли бесследно. Теперь это стало очевидно.

— Вы давно не упражнялись, граф, — вдруг хохотнул Серж, нанося очередной удар. Теперь те сыпались на графа так точно и часто, что тот едва успевал их отражать, дыхание его сбивалось, и он с ужасом ждал того, какой из этих ударов станет последним. Лоб его покрылся потом, и в глазах плескался теперь уже настоящий страх.

Он ничего не ответил, упорно продолжая орудовать мечом, уже не делая выпадов, но только защищаясь.

В торжественной тишине леса, прерываемой лишь звоном стали, вдруг раздался крик ворона. Граф побледнел, чувствуя в том дурное предзнаменование. Оступился о корягу. И рухнул на колени перед маркизом де Конфьяном.

Серж замер с мечом в руках, глядя на графа и готовясь нанести последний удар.

— Что ты медлишь, Конфьян? — с ненавистью выдохнул Салет.

Серж смотрел на него и не видел. Перед глазами его по-прежнему были голые босые ноги висельника с голубыми прожилками. Он глотнул, но меча не отпустил.

— Серж, не надо, — раздалось вдруг за его спиной.

Когда маркиз вышел к Салету, Катрин вжалась в угол кареты, не зная, что делать. Не зная, что она может сделать. Но как только раздался лязг железа, она выскочила на дорогу, не видя никого, кроме мужа. Маркиза то зажмурилась, то вновь открывала глаза, боясь увидеть самое страшное и боясь этого не увидеть. Когда же Серж замер над противником, она вспомнила, как он взмахивал рукой на рассвете, стоя у стены башни на Ястребиной горе. Не отводя взгляда от мужа, она произнесла негромким, ровным голосом:

— Серж, не надо...

Он вздрогнул и оглянулся.

Ее голос, незабвенный, по которому он так тосковал, звучал словно бы приговор. Она столько долгих дней молчала затем, чтобы заговорить именно сейчас, чтобы спасти от него, которого она любила, человека, который ее едва не погубил. Впрочем... Кто был бóльшим убийцей теперь?

Она видела. Она. Видела.

Мотнул головой, будто отгоняя от себя осознание того, что теперь Катрин, как и он сам, узнавала в нем разбойника. И это тоже был он. Не изменился. Был таким прежде. И все это продолжало жить.

Нет, его не заколдовали. Нет таких чар, чтобы вынуть из человека его душу. У него отняли память и способность оставить Ястребиную башню. Но убийцей Серж Скриб маркиз де Конфьян стал сам.

— Убирайтесь, граф, — прохрипел он, опуская меч.

Салет, не веря себе, изумленно переводил взгляд с Сержа на Катрин и назад.

— Убирайся, — угрожающе выкрикнул маркиз.

Третий раз просить себя поверженный граф не заставил. Не слишком ловко он поднялся на ноги и в полном молчании подошел к своему коню. Тяжело дышал, пошатывался, и, взобравшись в седло, он прищорил коня и помчался прочь, не оглядываясь.

Разбойники бросились следом. Потому что оставаться здесь более не имело смысла — они не станут воевать с бывшим предводителем.

И только Серж по-прежнему стоял с опущенным мечом, глядя куда-то перед собой и не осмеливаясь посмотреть на жену.

Катрин проводила хмурым долгим взглядом уезжающего графа и разъехавшихся разбойников. Сбросив оцепенение, владевшее ею, она спешно подошла к мужу. Зло дернула за рукав и сказала:

— Посмотрите на меня, Ваша Светлость.

Он повернул к ней голову. Глаза его казались то ли пустыми, то ли уставшими.

— Если вы, маркиз де Конфьян, еще когда-нибудь позволите себе уехать без меня в поисках чего бы то ни было, я... я... я не знаю, что я сделаю! — гневалась Катрин. — Исход ваших поисков... Я не намерена наблюдать, как вы рискуете собственной жизнью! Я не желаю жить без вашей музыки! И я не буду проводить одинокие ночи в нашей спальне! — она снова дернула его за рукав.

— Вы говорите... — едва выдавил он из себя — огненный ком в груди мешал. Ком все нарастал, вытесняя все прочее. И с каким-то странным, совсем детским удивлением он понял: этот ком — и есть его душа. Он выпустил из рук меч, тот упал на землю в мокрую от талого снега, черную после зимы листву. И снова сказал: — Вы говорите...

— Да, — проворчала маркиза, — и я вам еще не то скажу...

— Скажи!

— Дома. Здесь не место, — Катрин повернулась и пошла к карете. — Едемте, маркиз.

Он смотрел, как она уходит. И чувствовал, что вот теперь по-настоящему сходит с ума.

— Здесь и сейчас, — крикнул он ей вслед. — Я слишком сильно люблю тебя, чтобы ждать.

— Я ждала вас дольше, вы не находите? — она остановилась, обернулась к Сержу и улыбнулась.

— Здесь и сейчас, Катрин.

Со вздохом вернувшись обратно к мужу, она зашептала:

— Боже мой, Серж, как вы себе это представляете? — и, сделав обиженное лицо, добавила: — Порой вы бываете настоящим Якулом!

Де Конфьян глубоко вздохнул. Настолько глубоко, насколько позволял огненный шар, едва дающий говорить. И ответил, даже не слыша, насколько взволнованно звучит его голос:

— Я и есть Якул. Понимаешь ли ты это?

Понимала ли она? Нет. Она лишь знала — он и есть Якул. С того самого дня, когда встретила в лесу Никталь, и когда он привел ее на вершину башни, показывая свой мир.

— Мой трубадур, мой маркиз, мой разбойник... Я люблю вас. Всякого. Такого, какой вы есть. И этого не изменить.

Огненный шар вдруг перестал причинять боль. Он все еще пылал. Он будет пылать всю жизнь. Но боли не станет. Они срослись.

— Хоть что-то есть постоянное в этом мире, — сказал он и, не позабыв о том, что еще только в этот день боялся приложить хоть немного усилия, обнимая ее, теперь резко сжал ее плечи и рывком дернул на себя. — На Ястребиной горе я любил тебя. Веришь мне?

— Я знаю, — прижималась Катрин к мужу. — Но я не знаю, почему вы избегали меня столько времени. Мне было плохо. И больно. И одиноко...

— Потому что я не понимаю, за что можно любить Якула. И потому что, глядя на себя в

зеркало, я видел убийцу, отправившего на смерть собственную жену. Этого и ты не могла не видеть.

Катрин вздохнула и слегка пожала плечами.

— В таком случае, теперь я велю спрятать все зеркала в замке. Чтобы вы перестали себя в них разглядывать.

Ее движение, мимолетное пожатие плечами, заставило его снова потерять голову. Он хотел целовать эти плечи. Тонкие, кажется, сделавшиеся за эти месяцы еще тоньше. Он хотел ее губы. Теперь. Немедленно. Он хотел ее всю — по-разбойничьи, совсем не как поэт. Как хотел в башне на Ястребиной горе, когда срывал с нее платье.

— Тогда ты будешь моим зеркалом. Лучшего зеркала не найти — ты ведь заставишь меня остановиться, если я испугаю тебя? — его руки, сжимавшие ее плечи, скользнули ниже по рукам, оттуда переместились на грудь, будто заново изучая ее тело. — Еще немного, и я его прогоню слоняться по лесу, чтобы не мешал, — хрипло прошептал он ей на ухо, кивнув в сторону кучера.

— Едемте лучше домой, — хохотнула маркиза. — И цыгана своего прихватите. Который уже слоняется по кустам.

Из кустов тотчас вылезла лохматая черноволосая голова с острыми глазами на смуглом лице. Шаню неловко улыбался и, почесывая затылок, протянул:

— Так вот, куда ты подевался, Якул. А я уж все горы обшарил. А ни тебя, ни ведьмы твоей.

Серж, продолжая обнимать жену, не желая ни на минуту отпустить ее, тихо рассмеялся ей в макушку, скрытую покрывалом, которое так отчаянно хотелось сорвать. Потом посмотрел на цыгана и тихо спросил:

— Ты сук подпилит? Он бы так просто не обломился.

— Я, — еще шире улыбнувшись, ответил Шаню.

— С де Вержи что?

— Протрезвел да и уехал.

— Ясно все с тобой. Садись к кучеру. С конями управляться станешь. В Жуайезе или в Конфьяне — сам решишь.

— А маркиза твоя против не будет? — подмигнул цыган Катрин.

— Не будет, — улыбнулась она в ответ, глядя на мужа, и прошептала: — Я домой хочу.

— Туда, где все начиналось?

— Да, — выдохнула Катрин в губы маркиза. — Туда, где начиналось то, что никогда не закончится.

— Туда, где можно начать сначала! — воскликнул цыган, подбирая меч маркиза с земли и направляясь к карете.

Но маркиз и маркиза де Конфьян, кажется, совсем не слышали его слов.

Они вспоминали. Они надеялись. Они любили.

Эпилог Бабенберга

Январь 2016 года, Париж

Третий день Поль Бабенберг внимательно изучал материалы о продаваемых виноградниках, которые присылал агент, нанятый Лиз. Его интересовало все: возраст лоз, качество почвы. С географическими характеристиками участков ему помогала разбираться его рестораторша. В этом Поль еще не очень хорошо ориентировался. Как и в новых сортах винограда. Раздел виноградарства им приходилось изучать вместе. Чем почти успешно и занимались. В то утро они рассматривали очередное поместье с виноградником. Лиз оно понравилось еще накануне вечером из-за красивого, отделанного камнем дома и бассейна. Поля же смущал тот факт, что большинство лоз были красных сортов. А бывший монах предпочитал белое вино. Потому все споры отложили на следующий день и теперь с упоением спорили.

Лиз не расставалась с ноутбуком, рассматривая со всех возможных ракурсов полюбившийся ей домик и усиленно давила на жалость, всем своим видом демонстрируя Полю обреченность и неприкаянность.

— А внутри я бы забабахала ремонт в духе твоей Фенеллы, — вздыхала она. — Ты бы занимался тем, о чем мечтал. И жил бы в почти привычной среде. Ты ж в этой коробке в городе задыхаешься.

Поль бросил на Лиз хитрый взгляд.

— Тебе же нравилось вино в Трезмоне? Так вот, чтобы сделать такое же, нужен белый виноград. Понимаешь? Белый!

— Все равно такое же не получится! С твоих времен климат поменялся, экология поменялась! И я и красное люблю, вот!

— Ты-то любишь... я в нем не разбираюсь, — проворчал Поль. — В конце концов...

Договорить он не успел. Раздался звонок. Поль вздохнул и поплелся открывать. Гости сегодня были крайне нежелательны.

— Ну! Визитеров примите? — хмуро произнес стоявший на пороге месье де Савинье.

— Примут, конечно, у них выхода нет, — заявила мадам де Савинье, державшая в одной руке связку воздушных шаров, а в другой — большую коробку с пышным бантом.

Поль почесал затылок, буркнул приветствие и громко позвал Лиз, пропуская ее предков в квартиру.

Девушка показалась в коридоре и мысленно простонала — точняк с внуками знакомиться приехали.

— Мы с внуками приехали знакомиться, — торжественно объявила мадам де Савинье.

— Опоздали, — снова буркнул Поль. — У них родители нашлись.

— В смысле нашлись? Они же сироты! — громыхнул месье де Савинье и посмотрел на жену. — Я же говорил, что этот гребанный комитет заберет у них детей!

— Нужно же что-то делать, — пискнула его супруга. — Пьер, милый, у тебя же есть знакомые, может, как-то повлиять... на этот комитет?

Закатив глаза, Поль простонал:

— Не надо влиять на комитет. Там ошибка вышла. Детей перепутали. У этих родители есть. Клевые и упакованные. Нам обещали других подобрать. А мы с Лиз подумали и решили своих заводить. Но сначала права.

— Не надо влиять на комитет! — подхватила пришедшая в себя Лиз. — Мы работаем над своими.

— Знаю я, как вы работаете, — проворчал месье де Савинье.

— Будто для этого есть варианты.

— По-любому, знакомиться вам пока не с кем, — Поль всем своим видом попытался дать понять, что они с Лиз сейчас очень заняты. Что, впрочем, было истинной правдой — они выбирали виноградник. Вернее, спорили.

— Поэтому цель вашего визита, к сожалению, больше не актуальна, — пожала плечами Лиз. И не будет актуальна до тех пор, пока предки будут стоять в коридоре, мешая им в работе над актуализацией.

Чета де Савинье переглянулась. Шары были вручены бывшему монаху. Коробка — дочери.

Без единого слова месье и мадам де Савинье покинули квартиру Лиз. Однако, усаживаясь в авто, хмурый отец проворчал:

— Твое воспитание.

На что растерянная мать нежно ответила:

— И твой характер.

В это время в квартире Вивьен Лиз де Савинье Поль Бабенберг продолжил прерванный разговор.

— Ну, мы же можем еще поискать. Это же не единственный дом, который ты могла бы забаббахать под Фенеллу.

— А посадить там другой виноград никак нельзя? — жалобно спросила Лиз.

— Можно! Но на это уйдет уйма времени! Надо найти что-то из того, что уже дает урожай. И не первый год. Тогда можно постепенно частично заменять лозы. Но зачем платить дважды? В конце концов...

Договорить Поль опять не успел. В дверь снова позвонили.

— Сын мой! — упал на грудь традиционно открывшему двери Полю месье Бабенберг, который, и правда, был точной копией бывшего монаха, только на четверть века старше. — Сын мой! Пришли результаты анализов!

— Domine Iesu! — выдохнул Поль, пытаясь высвободиться из крепких объятий еще одного новообретенного родственника. — Месье! Месье Бабенберг! Что с того, что пришли эти ваши... анализы?

Лиз показалась в коридоре, но, увидев трогательное воссоединение отца и сына, поспешила ретироваться, смахивая слезу умиления. Месье же Бабенберг молодого Бабенберга из объятий не выпускал.

— А то, что ты действительно мой сын! Теперь не осталось никаких сомнений! И мы можем начать процесс твоего вступления в наследство!

— А может не надо? — с надеждой в голосе произнес Поль, смирившись, что месье Бабенберг еще очень крепок, и выбраться из его цепких рук можно только применив нешуточную силу. Но драться не хотелось. Пока.

— Как это не надо! — воскликнул месье Бабенберг. — Что значит, не надо? Завтра же явишься в мой офис, я уже договорился с семейным юристом на десять утра. Мы все устроим немедленно!

— Неа, — заявил Поль, все-таки оттолкнув от себя папу. — Завтра я не могу. Мы с Лиз уезжаем. У нас важное дело. Мы как раз собираемся. И вы нам несколько... эээ... мешаете,

мессир.

Месье Бабенберг погрозил сыну пальцем и укоризненно проговорил:

— Отец мешать не может. И, пожалуйста, Поль, зови меня папой. Кстати, где моя будущая дочь?

— Какая еще, к дьяволу, дочь? У меня есть сестра?! — Поль удивленно почесал затылок.

— Я о Лиз!

— Лиз — моя сестра? — Полю показалось, что он сходит с ума.

— Лиз — твоя будущая жена! Или ты просто так с ней живешь? Бабенберги просто так с женщинами не живут, Поль! — назидательно проговорил месье Николая.

— *Ignosce mihi, Domine*, — прошептал Поль. — Окей, мессир. Я буду с ней жить не просто так. Прямо сейчас и начну, — он сделал приглашающий жест к выходу.

— Зови меня папой! — запротестовал месье Бабенберг.

Поль подтолкнул его за порог и весело заявил:

— Папа! До свидания!

Едва дверь хлопнула, Лиз показала голову из комнаты.

— Ушел? — почему-то шепотом спросила она.

Поль махнул рукой и вернулся в комнату, угрюмо усевшись перед ноутбуком.

— Предки всегда достают, — тихо сказала Вивьен Лиз, устроившись рядом. — Мы своих детей тоже достанем, не сомневайся.

— Ага, успокоила... — Поль сосредоточенно смотрел в экран и вдруг радостно вскрикнул: — Лиз, смотри! Какое классное поместье в Монпелье! И всего 20 минут от моря.

— Море? — глаза Лиз загорелись, и она вслед за Полем вперилась в ноутбук. Увидев цену, только присвистнула и удивленно посмотрела на будущего винодела. — Ну... круто... А там точно тот виноград растет, какой надо?

— Судя по описанию — да. И неплохой участок шардоне. Но надо, конечно, съездить и самим все посмотреть. В конце концов...

И в третий раз в квартире зазвучал настырный звонок.

— *Matrem tuam!* — ревел от злости Поль, распахивая настежь дверь. В следующее мгновение, вцепившись в дверной косяк, чтобы попросту не упасть, он еле слышно прошептал: — *Matrem tuam...*

— Здравствуй, друг мой Паулюс! — весело проговорил маркиз де Конфьян, стоявший на пороге их с Лиз квартиры под руку с маркизой. — Сколько лет прошло с нашей последней встречи, а ты не меняешься!

Вот теперь бывший монах Паулюс Бабенбергский был совершенно уверен, что сошел с ума. Или нет. Он умер. И больше ничего в его жизни не будет: ни Лиз, ни виноградника, ни прикольных оболтусов. Вообще ничего не будет. Он попытался судорожно вспомнить, какой сегодня день, чтобы точно знать, когда именно закончилась его такая замечательная жизнь.

— Ты пришел за мной? — скорбно пробормотал он.

— Я пришел поблагодарить тебя за помощь, друг мой! — торжественно объявил маркиз, с нежностью взглянув на маркизу. — За то, что приютил мою жену и моих сыновей. Но что ты держишь нас на пороге? Не желаешь впускать в свою обитель?

— Поль, кто теперь? Гони его к чертям! — Лиз осторожно заглянула в коридор и тихонько охнула. — В смысле... пригласи на чашку чаю...

— Здравствуйте, Лиз! — весело обратилась к хозяйке маркиза. — К сожалению, я не могу вернуть вам ваше платье. В Конфьяне оно несколько... не в тренде, — она вспомнила

как странно одетый мужчина в ящике с картинками в покоях королевы Мари, рассматривая платье, произносил его каждые полторы минуты, — но уверяю вас, маркизу оно очень понравилось, — она тихонько усмехнулась. — И потому я привезла вам в подарок платье, выполненное моей швеей. Уверена, оно вам подойдет, и надеюсь, понравится.

— Ага, — выдохнула Лиз, чувствуя, как кружится голова, и беспомощно посмотрела на своего парня, который, кажется, совсем потерял дар речи. — А вы... эээ... месье Скриб... кажется, умерли?

— Я вернулся к жизни, — в замешательстве ответил маркиз и снова обратился к бывшему монаху: — Что ж ты, Паулюс? Не рад видеть нас?

— Очень рад, — уже увереннее проговорил Поль. — Проходите же... Лиз, а вискарь есть?

Эпилог Якула

Зима 1203 года по трезмонскому летоисчислению, у Ястребиной горы

Юная маркиза Катрин чувствовала себя самой счастливой на свете. Она ехала в первое в жизни путешествие. И не в карете, как ее родители. А на своей собственной лошади. Отец подарил ей белоснежную, без единого пятнышка, Нитуш в прошлом месяце, на четырнадцатилетие, как и обещал. Он купил лошадь из приплода от королевского Никса, чем Катрин ужасно гордилась. Всю дорогу от Конфьяна она мысленно разговаривала с Клодом, в гости к которому они теперь направлялись, и доказывала ему, что никогда у него не будет такого замечательного животного, из самой королевской конюшни.

Катрин то пускалась вскачь, отъезжая подальше по дороге, то возвращалась к карете и радостно заглядывала в окошко, строя гримасы родителям.

— Катрин, вы совсем уже невеста, а ведете себя как ребенок, — рассмеялся маркиз де Конфьян, с обожанием глядевший на юную дочь, такую похожую на свою мать. — Хотя бы в Брабанте постарайтесь быть хоть немного более серьезной, а то собьете с пути истинного своего брата и станете дурачиться вместе.

— Обещаю, Ваша Светлость, я стану сбивать Клода совсем чуть-чуть, — ответила Катрин-младшая и взглянула на мать.

— Ваше «чуть-чуть» порой напоминает поле после яростной битвы, — усмехнулась маркиза.

— Но только скажите, что вы пошутили про невесту, — девочка перевела озадаченный взгляд на маркиза.

Маркиз же в замешательстве посмотрел на свою супругу. Но тут же принял самый серьезный вид и сказал:

— Вам уже четырнадцать, Катрин. В это время пора думать о том, что кукол вскоре придется спрятать в сундук. Избраннице вашего брата Сержа пятнадцать. И я нисколько не удивлюсь, если завтра вы сообщите нам с матерью, что ваше сердце исполнилось любви.

Он снова взглянул на маркизу. Теперь уже почти беспомощно. О возвращении принца Мишеля из Парижа, куда он путешествовал с Сержем де Конфьяном-младшим, уже было известно. А вот о старой договоренности де Конфьянов и де Наве породниться — пока нет.

Катрин-младшая обиженно посмотрела на мать.

— Я хорошо знаю, что вы, мама, пошли замуж в куда позднем возрасте.

— Мой отец не имел возможности выдать меня замуж в положенный срок, — маркиза де Конфьян не собиралась посвящать дочь во все особенности своих замужеств.

— Но оно и к лучшему. Вы встретили папу. А мне за кого прикажете замуж выходить?

— Вам, Катрин, предстоит стать принцессой Трезмонской. Так было давно решено вашим отцом и королем Мишелем.

Глаза юной маркизы округлились, она ойкнула, после фыркнула и, пришпорив свою лошадку, умчалась вперед по дороге.

— Катрин, стойте! — закричал Серж, но дочь не слушалась его. Он обернулся к жене: — Катрин, ну неужели нельзя было как-то подготовить... не так же резко! Вае!

Он выскочил из кареты, приказывая распрячь Арлана из упряжи и немедленно его седлать.

— Сами бы и говорили ей о помолвке, — проворчала маркиза, наблюдая, как муж

вскакивает в седло, и проводила его глазами, пытаясь понять, что же теперь делать ей.

Сама она по-прежнему была плохой наездницей. Но оставаться в неведении посреди дороги маркиза де Конфьян не желала. Тропинка уходила вверх, в гору, вилась среди лесной чащи, в которой царил вечный полумрак. И через некоторое время маркиза верхом добралась до небольшой поляны, посреди которой увидела Сержа и дочь. Она направила своего коня к ним. Все здесь было безлюдным, заброшенным, но казалось странно знакомым. Катрин огляделась, заметила почти разрушенную башню и вздрогнула.

Ястребиная гора.

Место, оказаться в котором вновь ей хотелось меньше всего на свете.

Серж, услышав ржание коня в стороне, обернулся и наткнулся взглядом на жену. Он сам не верил тому, где теперь они оказались, куда привела их лошадь дочери. Спустя столько лет... Лет, тянущихся вечным воспоминанием, висевших над ним неизбывным чувством вины. Он научился жить с этим. Он научился снова радоваться жизни. Катрин научила. Катрин вернула ему его жизнь. Она врачевала раны его. Но в ее душе не могла не остаться самая страшная из ран, какую он нанес ей своими руками.

И теперь проклятая башня, показавшаяся среди деревьев на вершине горы, вернула все. Проклятое прошлое встало перед ними во всем его ужасе и мраке.

— Катрин, — проговорил он, глядя на жену.

Маркиза же не знала, что сказать. Она растерянно осматривалась, понимая, что любой их разговор невозможен при дочери, пока взгляд ее не упал на старое дерево, однобоко раскинувшее свои голые ветви под башней.

— А что там? — словно сквозь сон, услышала она голос юной Катрин, указывающей на самую верхушку башни. — Оттуда, наверное, открывается прекрасный вид.

— Катрин, уедемте отсюда, — тихо сказал Серж, не замечая никого и ничего, кроме потерянного лица своей жены. — Здесь нам искать нечего.

— Нечего. Кроме нашей дочери, — маркиза кивнула в сторону башни, у которой уже спешила Катрин и привязывала повод к ближайшему кусту. Она перевела взгляд на Сержа. — Я знаю, как вы цените слова. И давно должна была вам сказать. Я никогда, ни минуты не винила вас за все, что здесь произошло. Если я и была обижена, то лишь на то, как вы вели себя дома после возвращения. Но и это прошло, когда я узнала, что Господь благословил нас нашей Катрин.

— Я не мог быть тогда другим по возвращении, вы же знаете... вы же знаете меня.

Катрин слабо улыбнулась.

— Но и вы меня знаете. Мне казалось, что вы тяготитесь мною, потому избегаете. И это самое страшное, что могло случиться, не считая известия о вашей гибели, — она взяла его за руку и улыбнулась уже лукаво. — Есть вещи, которые я буду вам еще долго припоминать, но об этом я хочу забыть. А потому давайте заберем нашу дочь и поедем дальше к Клоду.

Он перевел дыхание и заставил себя улыбнуться. Да, он знал ее. Иногда ему казалось, что лучше, чем себя. Одному о другом было ведомо все. И если болело — болело у обоих. Они срослись друг с другом. Шрам у его сердца был шрамом у ее. Потому что душа у них тоже была словно бы одной на двоих. Башня перестала пугать его. Дерево... страшное дерево, у которого проходили казни, теперь было просто деревом.

— Идем, — с тихой улыбкой сказал маркиз и направился к каменным развалинам, в которых уже скрылась их дочь.

Знакомые стены не давили на него. Они стали вдруг частью его жизни. Потому что

жизнь его была разной. И такой тоже. Поднимаясь по лестнице, он будто заново узнавал себя — касаясь камней, из которых был сложен едва уцелевший донжон. Впереди, высоко вверху, раздавались скорые шаги Катрин-младшей. Удивительно, как это ее маленькие ступни касаются камней, которые когда-то сыграли роковую роль в судьбе ее родителей.

Наконец, они поднялись наверх, туда, где каждый рассвет много месяцев встречал разбойник Якул. Туда, где среди зубцов смотровой площадки на башне он однажды умер — в ночь перед казнью Катрин де Конфьян. Он подошел к этим самым зубцам и глянул на скалы, вспоминая, как желал броситься вниз с этой высоты, которая его не отпускала.

Катрин показалось — она знает, о чем сейчас думает Серж. Слово он произносил это вслух. Она подошла к нему, положила свою руку на его ладонь, как когда-то давно. И, с улыбкой взглянув на дочь, которая, приоткрыв от удивления губы, восторженно смотрела по сторонам, негромко сказала:

— Я знаю, что у Якула есть крылья. И он умеет летать.

— Якул? — отозвалась Катрин-младшая. — Это из сказки!

— Он умеет летать, — тихо сказал Серж де Конфьян.

Солнце клонилось к закату. Как тогда. И небо вспыхивало алым цветом у горизонта. Как тогда. И озарялись в прощальных лучах камни Ястребиной горы и лес у его подножия. На земле есть места красивее этого. Но нет на земле места, которое держало бы его сильнее. Потому что здесь было гнездо Якула. Он повернулся к Катрин, глядя на то, как искрами вспыхивает свет в ее ясных зеленых глазах, и прошептал:

— Якул умеет летать только тогда, когда возле него птица с золотым оперением. Иначе он падает.

Младшая Катрин вприпрыжку подбежала к родителям и смущенно спросила:

— Так он потому поймал ее в ловушку? Чтобы летать?

— Конечно, нет... — с улыбкой, словно очнувшись, отозвался маркиз. — Ты помнишь сказку? Она сама угодила в его ловушку, расставленную для других. Увидев златокрылую птицу впервые, Якул не узнал ее. Но сердце его вспомнило ее сердце. Потому что в действительности эти сердца не умели жить друг без друга. Она была непокорна, эта птица. Она не желала признавать его власти над ней, потому что не верила в его злую силу. Она бесконечно говорила ему, что он светлый, что он может летать, а не падать. Но он не верил ей. Якул вообще не умел верить. Потому что никто не любит змей. Но вот птица полюбила — он знал это, он прочел это в ее глазах, и с той минуты песни его были только о ней. Только для нее звучал его голос. И однажды, поднявшись на вершину башни, он рискнул. Он отважился. Шагнул в пропасть и, конечно, стал падать. Но златокрылая птица не оставила его. Она летела прямо под ним. И увидев ее под собой, падающий, он заставил свои крылья двигаться — лишь бы не сбить ее при падении. Ему это удалось. Он полетел — впервые в жизни Якул летел. И сердце его зашлось от счастья, любви и благодарности. Но силы тьмы не отпустили их. Не позволили им улететь прочь из тех проклятых мест. Они раскрасили крылья птицы черным цветом, превратили ее в демона. Не знал Якул, что только одни его глаза видят ее такой. Для прочих она оставалась златокрылой птицей, все той же, любящей его, змея с его змеиным сердцем, не умеющего летать без нее. Замарали его глаза темные силы. Засыпали землей. Отравили кровь горечью и ненавистью. И, сам не ведая, что творит, Якул приговорил свою птицу к смерти. Безропотная, она впервые покорила его воле. И молча, не проронив и слезы, не уговаривая его, не пытаясь спастись, она решила умереть от его руки. В утро казни златокрылая птица смеялась и пела. В утро казни она прощалась со

своей любовью, веря в то, что только возле змея была она счастлива. Видя сияющие ее глаза, Якул умирал сам. И в душе его ярко полыхало кострище — он сам себя сжигал в том огне. Жить без нее не мог. И пламя в душе Якуловой выжгло путы, что держали его в гнезде. И пожирало оно же змеиную чешую, пока не сожгло ее вовсе. И он освободился. Он смотрел на птицу, приговоренную им, и больше не видел ни птицы, ни крыльев ее — черных или золотых. Он видел девушку из родной деревни, которую любил тогда, когда еще был человеком. Она пришла, чтобы спасти его от него самого. «Ты можешь летать», — говорила ему девушка. Но знал он одно — летает он только возле нее. Потому что любовь их сильнее злых чар. Потому что даже во тьме и беспамятстве сердца их стремятся друг к другу. И будут стремиться всегда.

— Так ведь только в сказках бывает, — прошептала юная маркиза со слезами в голосе.

— Ну, конечно, только в сказках, — улыбнулась ей мать. — У тебя все будет по-другому.

Маркиз де Конфьян взглянул на двух самых любимых женщин своей жизни и негромко сказал:

— Совсем по-другому. Храни тебя бог от такого Якула.

Эпилог из Фенеллы

Январь 1206 года по трезмонскому летоисчислению, Трезмонский замок

Второй час Его Величество король Трезмонский Мишель I убеждал своего старшего сына в том, что свадьба его с маркизой Катрин де Конфьян обязательно состоится сегодня в положенный час, как и было объявлено.

— Поймите, Ваше Высочество, — в который раз терпеливо повторял Мишель, — вы не можете отказаться от юной Катрин. Все было решено много лет назад. А де Наве всегда держат данное слово. Этот брачный союз выгоден для Трезмона, — Его Величество вздохнул и сердито продолжил: — В замок съехались гости со всего королевства. Вы представляете, какие пересуды навлечете на голову несчастной девушки, если отступитесь от нее? Не так давно вы заявляли, и тому было множество свидетелей, что имеете намерение жениться на простой служанке. Теперь же решили, что маркизу де Конфьян вы не хотите. И ведете себя, как избалованный мальчишка!

Его Высочество принц Мишель стоял возле своего отца перед зеркалом и обреченно смотрел на торжественный наряд, подобающий случаю. Котт золотого цвета был расшит серебряными нитями и отделан драгоценными камнями. Алый плащ с причудливым узором по краю подбит горностаем. На голове же его красовалась корона. Пути назад не было, и он сам прекрасно это понимал.

— Отец, она солгала мне! — отчаянно воскликнул принц Мишель. — Как могу я жить с женщиной, которая забавлялась, видя, как я влюблен в нее и мечусь между любовью и королевской честью!

Большого усилия стоило Мишелю-старшему сдержать удивленный возглас.

— Королевская честь значит для вас так много, сын мой, что вы до сих пор оправдываете ею свою обиду на девушку?

— Да при чем же здесь честь, коли она не любит меня?

— У вас теперь будет достаточно времени, чтобы добиться любви своей супруги, Ваше Высочество. Надеюсь, ваша королевская честь не позволит вам не явиться к алтарю.

Юный Мишель сердито взглянул на отца. В самом деле, тот был прав — ему теперь придется жениться на Катрин де Конфьян. Но он куда охотнее женился бы на пастушке Катрин Скриб с реки Сэрпан-д'Орэ. Если бы та его действительно любила.

— Матушка никогда не смеялась над вами, отец, — проговорил принц. — И никогда не обманывала вас. Вы не знаете, о чем говорите, в чем меня убеждаете. Да, я женюсь на ней. Но никогда, слышите, никогда ее не прошу! Но в прощении моем она не нуждается. Потому что я ей безразличен. А значит, мы станем жить, как чужие люди, отец. Вы этого желаете своему сыну?

Его Величество улыбнулся. Как хорошо, что сын не знает всего того, что случилось когда-то с его родителями. Ему идти своим собственным путем.

— Вы мужчина, Мишель. Более того, вы будущий король. Вы должны быть великодушны. Особенно к той, кого вы любите. Если, конечно, вы ее действительно любите, как говорите.

— Я бы жизнь за нее отдал! — пылко воскликнул Его Высочество. — Но жизнь моя ей ни к чему.

Мишель-старший подошел к сыну, похлопал его по плечу и торжественно сказал:

— Идемте, сын мой! Если Катрин де Конфьян истинная дочь своих родителей, и ваша жизнь ей совсем ни к чему. Ее интересуется другое.

Его Величество усмехнулся и отправился в часовню.

Закрывшись в покоях юной маркизы, маркиз де Конфьян вот уже второй час подряд увещевал свою дочь, не желавшую следовать к королевской часовне, где должны были венчать ее и принца Трезмонского.

— И как вы себе представляете отказаться от свадьбы именно сейчас, сейчас, когда здесь собралось полкоролевства? Вы понимаете, в каком положении окажется Его Высочество? Выставить его на посмешище перед подданными? Я не спрашиваю, есть ли у вас хоть доля благоразумия. Я спрашиваю, есть ли у вас сердце? Нанести такой удар его гордости!

Катрин хмуро сидела на стуле, скрестив на груди руки и отказываясь надевать покрывало, вышитое лучшими мастерицами специально к ее свадьбе.

— Лучше отказаться сейчас, чем мучиться всю жизнь с мужем, который тебя не любит. Ведь вы всегда говорили, отец, что без любви, без искренней любви не может быть счастья между супругами. Неужели вы желаете, чтобы я пощадила сегодня его гордость, а после провела всю свою жизнь, прячась от него в своей комнате.

Серж де Конфьян поморщился. Кажется, где-то когда-то он это слышал уже. Вспомнить бы... впрочем, именно вспоминать времени совсем не было.

— С чего вы взяли, что Его Высочество не любит вас, Катрин? Не далее, чем несколько дней назад весь двор присутствовал при том, как он объявил вас своей невестой, желая взять в жены вас и никого другого.

— Но при этом он ни разу не сказал, что любит меня, — фыркнула юная маркиза. — А теперь он еще и обижен, что я столько времени выдавала себя за пастушку. Не раскрыв ему, кто я на самом деле.

Маркиз возвел глаза к небу и уперся взглядом в каменный потолок комнаты. Ему казалось, что он сходит с ума, разговаривая с самим собой на двадцать лет моложе. Бедняга Паулюс! И как он терпел?

— Вам слова его нужны, а не поступки, Катрин? Неужели же желание жениться на пастушке — не наибольшее доказательство любви?

Катрин задохнулась от возмущения. Кажется, впервые отец, которого она любила больше всего на свете, ее не понимал.

— Мне от него вообще ничего не нужно! — отвернулась она к окну. — Он обидел меня, решив, что я потешалась над ним. А ведь я лишь хотела, чтобы он любил меня...

— Катрин! Но ведь вы действительно обманули его, — устало сказал маркиз, благодаря Господа за то, что у матери этой строптивицы хватило любви и силы духа, чтобы простить его за подобную выходку.

— Я лишь не сказала ему правды, — упрямо проговорила Катрин. — А теперь я на него обижена. И я не стану женой человека, который боится признаться в своих чувствах, только потому, что он будущий король.

— Я скажу вам сейчас то, за что вы меня сегодня возненавидите, — сдвинув брови, сказал маркиз. — И перестанете ненавидеть только в том случае, если поймете, что я был прав. Вы сейчас же наденете покрывало и, взяв меня за руку, пойдете в часовню, где вас обвенчают с Мишелем де Наве. Таково мое слово!

Впервые в жизни он позволил себе строгий тон в отношении обожаемой дочери.

Обожаемой еще и потому, что она стала благословением его брака, знаком, что история Якула осталась в прошлом. И тем было хуже, что он и сам не был уверен в том, что прав.

Утро следующего дня было пасмурным и холодным. Королева на привычную прогулку по саду у стен Трезмонского замка не пошла. Впрочем, Серж де Конфьян с маркизой Катрин тоже не воспользовались возможностью вспомнить былое и поискать «тот самый куст за тем самым деревом». Вместо этого венценосное семейство с младшими детьми, чета маркизов, их сыновья и невестка собрались за большим столом для торжественного завтрака, за которым должны были еще раз поздравить новобрачных.

Но отчего-то никакого веселья и приличествующего случаю легкомыслия не наблюдалось. Напротив, за столом обстановка царила давящая. Все предпочитали помалкивать и глядеть в свои тарелки. Только Серж-младший и Клод весело переглядывались, а супруга Сержа-младшего, Алиенора, пунцовела и загадочно улыбалась, не иначе вспоминая свое первое утро в замужестве.

Когда молчание стало и вовсе невыносимым, королева не выдержала:

— Что-то дети... долго...

— Лучше долго, чем если бы мы обнаружили их к утру разъехавшимися в разные концы Трезмона, — засмеялся Клод де Конфьян.

Маркиза де Конфьян бросила строгий взгляд на своего сына. И тот, прикусив язык, опустил глаза в тарелку. Но в глубине души она была согласна с Клодом. Вчера вечером маркиз пересказал ей свой разговор с дочерью перед венчанием. А хмурые лица, с которыми новобрачные покинули пиршественный стол, могли предвещать и гораздо худший исход сегодняшней ночи, чем отъезд двух упрямец. Катрин легко представляла себе всевозможные ужасы и уже почти готова была бежать к опочивальне юных супругов. И только тяжелый взгляд Сержа удерживал ее от этого неблагоразумного поступка.

— Думаю, еще рано беспокоиться, — примирительно произнес Его Величество. — Дело молодое. А если бы произошло нечто необычное, мне бы с утра уже доложил старший стражник.

Ответом ему послужил негромкий смешок Сержа-младшего и еще сильнее зардевшиеся щеки Алиеноры.

— Если бы произошло что-то необычное, то мы бы сами в любом конце замка услышали и без ваших стражников, сир, — проворчал маркиз, — у Катрин громкий голос.

Теперь Серж-младший, уже совсем не сдерживаясь, засмеялся в голос. Алиенора тоже тихонько захихикала.

— Мишель ни за что не стал бы делать что-то, что не соответствовало бы королевской чести! — возмущенно заявила королева и, ожидая поддержки, снова посмотрела на мужа. — Он не так воспитан!

— Понятие о королевской чести у нашего сына исключительное, — делая подобающее случаю лицо, проговорил король. Он искренне завидовал младшим маркизам, которые могут от души посмеяться. Ему и самому было смешно. Отчего-то он был уверен, что все, что нужно было детям, — остаться вдвоем, наедине друг с другом. — Давайте наполним чаши и выпьем за здоровье новобрачных, — провозгласил Его Величество.

Серж, Клод и Алиенора живо поддержали короля Мишеля, подняв свои чаши. Маркиз де Конфьян и королева Мари хранили молчание. И только Катрин пробормотала:

— А может, послать слугу узнать, все ли в порядке?

— Господи, — почти простонал маркиз, — Катрин, как вы это себе воображаете? А

если бы в ваше первое брачное утро в комнату ввалились слуги, вам бы это понравилось?

Теперь смеялись не только Клод, Серж и Алиенора, но даже младшие дети короля и королевы.

— Я не говорила «вваливаться», — сердито зашипела Катрин. — Я говорила...

Маркиза сбилась. Они столько месяцев искали дочь. Неожиданно нашли ее. И вот теперь сами же толкнули свою девочку в неуютный ей союз. А она еще так молода! Катрин вспомнила свое первое замужество, почувствовала, что сейчас заплачет, и с надеждой взглянула на королеву.

— Все. Будет. Хорошо! — заявила Ее Величество, надеясь, что в голосе звучит больше уверенности, чем она испытывает в действительности.

И в этот самый момент в зал вплыла старая Барбара. Вот теперь она была уже действительно по-настоящему старая, но все еще крепкая. И жила в замке уже не просто кухаркой, а распорядительницей слуг, поскольку готовить ей стало трудно. Зато управлять она приловчилась довольно скоро.

— Что ж вы не кушаете? — ужаснулась старая Барбара, глядя на почти пустые тарелки и на полные снеди блюда. — Остыло же все!

Молодежь, прыснув, принялась громко стучать ложками.

— Мы увлеклись веселой беседой, — проговорил Его Величество и отрезал себе большой кусок оленьего окорока.

— Да уж, после такой славной свадьбы, утро тоже должно быть веселое, — радостно заявила бывшая кухарка, совсем не заметившая того, какими удрученными были накануне принц и новоявленная принцесса. — Уж как сердце мое радуется, что такие чудесные события происходят в родной Фенелле! Дожила ведь! Своих детишек не было, так хоть за детей моего короля порадуюсь! И ведь какая судьба-то! Сын Вашего Величества женился на дочери вашей же бывшей невесты! Эх Господь распорядился! У вас не сложилось, так деточки соединились. И попала же вам тогда вожжа под хвост, что вы других полюбили!

За столом повисло молчание. Катрин застыла, не поднимая глаз от пустой тарелки. Серж и Клод переводили озадаченные взгляды с матери на короля и с отца друг на друга. Алиенора, ничего не понимая, притихла. А Его Величество гневно воззрился на глупую старую Барбару, которую стоило выгнать еще двадцать лет назад.

— Если бы тогда не попала вожжа под хвост, некому сегодня было бы соединиться, — с улыбкой заявила королева и отправила в рот ложку овсяной каши. Она всегда завтракала овсянкой.

— И то верно, — не обратив толком никакого внимания на произошедшее замешательство, продолжала болтать Барбара. — Надо сказать, все сложилось-то наилучшим образом. Но главное, утром зашла, а принцесса тихая, как мышка, под одеялом прячется. А принц-то наш счастливый, прям светится. Велел мне завтрак им в покои принести. Что ж я, не понимаю, что ли? Дело молодое, горячее. Да уж, радостное утро, самое светлое!

— Да уж, радостное утро, — проворчал Его Величество. — Ступай, Барбара, угости слуг на кухне, коль такое утро в нашем замке.

Маркиза шептала молитву, по-прежнему, не поднимая головы. А Клод с Сержем, весело переглянувшись, выпили по кружке славного трезмонского вина с медом.

— Кажется, ура? — тихо спросила королева своего супруга.

— Дай-то бог, — так же шепотом ответил Мишель.

Маркиз де Конфьян молча опрокинул в себя одним махом чашу с вином и, кажется,

впервые в жизни почувствовал себя пьяным. Потом перевел взгляд на свою супругу и легко вздохнул — а ведь после разговора с дочерью накануне свадьбы думал, что еще нескоро сможет спокойно дышать.

— Где мой дульцимер? — подмигнув, спросил он Катрин.

Но не успела маркиза ответить, как в зал вбежал перепуганный доктор Андреас.

— Ваше Величество! Ваше Величество! — кричал он, пытаясь удержать в руках нечто... нечто не желавшее в его руках оставаться. — Ваше Величество, я пытался сварить рака, чтобы начинить его сахаром, а он!..

— Незачем меня варить! — кричал рак. — Незачем! Болван ты эдакий! Мишель! Мишель, скажи ему, пусть немедленно отпустит! Я случайно заколдовался и не помню, что делать — сейчас же верни меня назад! А то я не знаю, что я сделаю! Хотя нет! Знаю! Развалю твое чертово королевство! Не надо меня вариииииииить! У меня атеросклероз!

— Господи, — королева в ужасе посмотрела на короля. — Бедный дядюшка Маг. Он не сможет жить один. За ним присмотр нужен.

Больше книг на сайте - Knigolub.net